

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Нарбаев Б.Н. Этапы развития казахстанско-пакистанских отношений	5
Шаймергенов Т.Т. Центральная Азия в военно-политической стратегии НАТО на современном этапе: позиция России	11
Тулепбергенова Г.К. Иран во внешней политике США	21

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Федосеев С.Г. Механизм трансформации политических и социально-экономических противоречий в вооруженное столкновение	38
---	----

ЭКОНОМИКА

Рахматулина Г.Г. Перспективы формирования Союза центральноазиатских государств	47
Намазбеков М.Н. Анализ экономического потенциала стран Северо-Восточной Азии: Китая, Японии и Республики Корея	55

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Сарсембаев М.А. Борьба с контрабандой мигрантов, незаконной миграцией в Казахстане и международное право	67
Сейсенова Н.Б. Основные этапы развития теории политической модернизации	78

РЕЦЕНЗИЯ

Лаумулин М.Т. Rumer В. (ed.) Central Asia. At the End of Transition	88
--	----

SUMMARY	98
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	104

**Казахстан
Спектр**
2005/3

КИСИ КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
Выходит ежеквартально с октября 1994 года

Шеф-редактор **Б. СУЛТАНОВ**,
директор КИСИ при Президенте РК
Ответственный редактор **Д. Утешев**

Ответственный за выпуск У. Нысанбек.
Редактор-корректор Н. Шестакова. Дизайн и верстка: Т. Афанасьева, А. Садуакасов.
Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 67-б
Телефон: (3272) 64-34-04. Факс: (3272) 64-49-95 E-mail: office@kisi.kz
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 6 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644.
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в типографии ОО ДООИВА Медеуского района г. Алматы. Тираж 1000 экз.

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY

Narbayev B.N. The Development of Kazakhstani-Pakistani Relationships	5
Sbaimergenov T.T. Central Asia in military-political strategy of NATO on modern stage: position of Russia	11
Tulepbergenova G.K. Iran and the U.S.'s Foreign Policy	21

INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL PROCESSES

Fedoseyev S.G. Transformation of Political, Social and Economic Arguments into an Armed Conflict	38
--	----

ECONOMY

Rakhmatulina G.G. Prospects of Creating a Central Asian Union	47
Namazbekov M.N. An Analysis of the Economic Potential of Northeast Asia: China, Japan and Republic of Korea	55

THEORETICAL PAPERS

Sarsembayev M.A. Struggle against Human Trafficking and Illegal Migration in Kazakhstan, and International Law	67
Seisenova N.B. Political Modernization Theory: Stages of Development	78

REVIEWS

Laumulin M.T. Rumer B. (ed.) Central Asia. At the End of Transition	88
---	----

SUMMARY

.....	98
-------	----

INFORMATION ABOUT THE AUTORS

.....	104
-------	-----

Editor-in-Chief **B. SULTANOV**,
Director of KazISS under the President of RK

Executive Editor **D. Uteshev**

Responsible for publication **U. Nysanbek**,
Editor-corrector **N. Shastakova**, Design & Layout **T. Afanassieva, A. Sadvakesov**
Address: 87-b Dostyk ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan.
Phone (3272) 64-34-04, Fax (3272) 64-49-85, E-mail: office@kisi.kz
The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644.
All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed in printhouse of PADOVA, Medeu District, Almaty city. Copies 1000.

Редакционный совет:

Султанов Б.К.	– председатель редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, кандидат исторических наук, доцент
Абишева М.А.	– заместитель председателя редакционного совета, заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
Абусейтова М.К.	– директор Института востоковедения МОН РК, доктор исторических наук, профессор
Ашимбаев М.С.	– заместитель Секретаря Совета Безопасности РК, кандидат политических наук
Ертысбаев Е.К.	– советник Президента РК, доктор политических наук, доцент
Закржевская О.Г.	– заведующая кафедрой международных отношений Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, доктор исторических наук
Косиченко А.Г.	– главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор философских наук, профессор
Лаумулин М.Т.	– главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
Малиновский В.А.	– проректор Академии «Адилет», доктор юридических наук, профессор
Нысанбаев А.Н.	– директор Института философии и политологии МОН РК, академик НАН РК, доктор философских наук, профессор
Примбетов С.Д.	– заместитель генерального секретаря ЕвразЭС, доктор экономических наук
Сунь Чжуаньчжи	– заведующий отделом Центральной Азии Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, генеральный секретарь Центра по изучению ШОС АОН КНР, профессор
Сыроежкин К.Л.	– заведующий отделом общественно-политического журнала «Континент», доктор политических наук, профессор
Тажни М.М.	– первый заместитель Руководителя Администрации Президента РК, доктор социологических наук, профессор
Чуфрин Г.И.	– заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН (Москва, Россия), профессор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

Editorial Board:

- Sultanov B.K.** – Chairman, Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of History, Assistant Professor
- Abisheva M.A.** – Deputy Chairman, Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Abusseitova M.K.** – Director, Institute of Oriental Studies at the Ministry of Education and Science of the RK, Doctor of History, Professor
- Ashimbayev M.S.** – Deputy Secretary of the Security Council of the RK, Candidate of Political Sciences
- Yertyssbayev Ye.K.** – Counsellor of the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Assistant Professor
- Zakrzhevskaya O.G.** – Head of the Department of International Relations, Kazakh University of International Relations and World Languages named after Ablai Khan, Doctor of History
- Kossichenko A.G.** – Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Philosophy, Professor
- Laumulin M.T.** – Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Malinovsky V.A.** – Vice-Rector, “Adilet” Academy, Doctor of Jurisprudence, Professor
- Nyissanbayev A.N.** – Director, Institute of Philosophy and Political Sciences at the Ministry of Education and Science of the RK, Academician of the National Academy of Sciences of the RK, Doctor of Philosophy, Professor
- Primbetov S.D.** – Deputy Secretary General of the EurAsEC, Doctor of Economy
- Sun Zhuanghi** – Director of the Department for Central Asian Studies, Institute of Russian, East European & Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences; Secretary-General of the Center for Shanghai Cooperation Organization Studies, CASS, Professor
- Syroyezhkin K.L.** – Head of Department, Social and Political Journal “Continent”, Doctor of Political Sciences, Professor
- Tazhin M.M.** – First Deputy Head, Administration of the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Sociology, Professor
- Chufrin G.I.** – Deputy Director, Institute of World Economy and International Relations at the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Professor, Corresponding-Member of the Russian Academy of Sciences

Этапы развития казахстанско-пакистанских отношений

НАРБАЕВ Б.Н.

Для Казахстана Пакистан является одним из важных государств в азиатской части Евразийского континента. Это вызвано не только географическим положением и экономическим потенциалом страны, но и степенью влияния на геополитические процессы в Центральной Азии.

Начало казахстанско-пакистанских взаимоотношений было положено визитом в конце ноября – середине декабря 1991 года пакистанской делегации, возглавляемой государственным министром по делам экономики С.А.Ахмадом Али. В ходе переговоров в Алма-Ате были обсуждены вопросы сотрудничества в торгово-экономической, финансовой и других сферах. В частности, Казахстану предлагались кредиты в объеме 200–300 млн долларов для закупок товаров первой необходимости, в том числе медикаментов [1]. Были подписаны Меморандум о взаимопонимании и Протокол о создании постоянной рабочей группы для содействия развитию торговли и осуществлению экономических проектов.

20 декабря 1991 года Пакистан признал независимость Республики Казахстан.

На международном экономическом форуме в Давосе (Швейцария), проходившем в начале февраля 1992 года, состоялась встреча премьер-министра Пакистана Н.Шарифа и Президента Казахстана Н.Назарбаева. В результате были достигнуты договоренности о расширении экономического и технического сотрудничества между двумя странами и создании совместной комиссии на уровне министров по сотрудничеству в сферах экономики, техники, культуры и образования.

В конце февраля 1992 года состоялся официальный визит Н.Назарбаева в Пакистан, в ходе которого были подписаны пять важнейших документов, создавших правовые основы для развития двусторонних отношений. Среди них можно выделить: Декларацию о принципах взаимоотношений между Республикой Казахстан и Исламской Республикой Пакистан; Соглашение об установлении дипломатических и консульских отношений между РК и ИРП; Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве; Соглашение о сотрудничестве в области культуры, спорта и туризма и другие. На переговорах были обсуждены проблемные вопросы международного положения и, в особенности, ситуация в регионе, их влияние на двусторонние отношения. В частности, Президентом Казахстана была поддержана инициатива Пакистана о создании в Южной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, и заявлено о готовности РК присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Проблемы укрепления дальнейших взаимоотношений и вопросы обеспечения безопасности в регионе были ключевыми во время визитов министра иностран-

ных дел Пакистана С.А.Ахмада Али (январь 1994 г.), пакистанской парламентской делегации (1994 г.), премьер-министра Б.Бхутто (август 1995 г.), президента Ф.Легари (октябрь 1996 г.) и других государственных деятелей Пакистана в Казахстан.

Пакистан проявляет заинтересованность в расширении делового сотрудничества с Казахстаном. В этом направлении была создана межправительственная комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству, рабочие заседания которой периодически проводятся в столицах обоих государств, где обсуждаются возникшие на очередном этапе проблемы осуществления контроля и разработки планов совместных действий. Первое заседание состоялось в январе 1993 года в Исламабаде. А очередное было проведено 17–19 июля 2001 года в Астане.

Одной из основных проблем, существующих между Казахстаном и Пакистаном, является отсутствие прямых транспортных коммуникаций. Решение этого вопроса для обеих сторон имеет стратегическое значение. В этом направлении были приняты определенные шаги – подписаны следующие документы:

- Меморандум взаимопонимания о принципах сотрудничества в области транспорта между Правительством Республики Казахстан и Правительством Исламской Республики Пакистан (январь 1993 г.);
- Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Исламской Республики Пакистан по воздушному сообщению (16 февраля 1993 г.);
- Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Исламской Республики Пакистан о международном автомобильном сообщении (12 марта 1995 г.);
- четырехстороннее Соглашение между Исламской Республикой Пакистан, Китайской Народной Республикой, Кыргызской Республикой и Республикой Казахстан о транзитных перевозках по использованию Каракорумского шоссе (9 марта 1995 г.).

В рамках подготовки к реализации последнего Соглашения в течение 1995–1996 годов в Исламабаде и Бишкеке состоялись ряд встреч представителей налоговых, таможенных и транспортных служб Пакистана, Китая, Кыргызстана и Казахстана. Подобная встреча состоялась и в Алматы в апреле 1997 года.

Казахстанская делегация во главе с вице-министром МТК РК приняла участие в 3-м совещании министров транспорта и коммуникаций стран – участниц ОЭС, состоявшемся 27–28 апреля 2000 года в Исламабаде. На данном совещании был рассмотрен ход выполнения Основного плана развития транспортного сектора в рамках ОЭС, принятого на 1-м совещании министров в Алматы в 1994 году. По его итогам были даны рекомендации по дальнейшему развитию сотрудничества в регионе.

14–15 июня 2000 года министр коммуникаций ИРП С.Ифтихар Хусейн Шах принял участие в 3-й Международной конференции «ТРАНСЕВРАЗИЯ-2000». Во время его пребывания в Астане состоялась двусторонняя встреча с министром транспорта и коммуникаций РК. Стороны обсудили вопросы состояния и перспективы развития транспортных коммуникаций между двумя государствами и договорились об обмене по 100 бланков разрешений на проезд по территории обеих договаривающихся сторон на основании двустороннего межправительственного Соглашения о международном автомобильном сообщении от 12 марта 1995 года.

Однако на пути реализации принятых документов возникли некоторые препятствия как объективного, так и субъективного характера. Например, с 20 ноября 1993 года начались регулярные пассажирские рейсы между Пакистаном и Казахстаном. Авиарейс по маршруту Исламабад – Ташкент – Алматы (один раз в неделю), осуществляемый пакистанской авиакомпанией «Пакистан интернешнл эйрлайнз» (PIA), действует и в настоящее время. Другой же авиарейс пакистанских авиалиний PIA Карачи – Лахор – Ташкент – Алматы – Исламабад периодически не функционирует. Последний раз был восстановлен в 2000 году, но, просуществовав около полугода, был закрыт из-за низкой заполняемости и, как следствие, экономической невыгодности. В 2000 году открылся авиарейс Алматы – Карачи компании «Эйр Казахстан» и его представительства в Карачи. Он был закрыт по тем же причинам. Это также сопряжено и с известными визовыми ограничениями со стороны РК для граждан Пакистана и Афганистана. В данном случае вопросы безопасности, по понятным причинам, доминируют над экономическими интересами.

В соответствии с заключенным в 1995 году Соглашением между Правительством Республики Казахстан и Правительством Исламской Республики Пакистан*, был предоставлен государственный кредит в размере 51,9 млн американских долларов для покупки А-цемента в Пакистане [2]. Однако утилизация кредита затягивается из-за проблемы выдачи правительственной гарантии возврата денег казахстанской стороной (первоначальное условие Пакистана). Данный вопрос был включен в программу официального визита министра иностранных дел РК К.К.Токаева в ИРП, который состоялся в начале марта 1999 года.

В сентябре 1996 года учреждено представительство Национального банка Пакистана в Алматы, которое 26 апреля 2000 года было зарегистрировано в Министерстве юстиции РК как «ЗАО Дочерний Банк Национального Банка Пакистана в Алматы» с правом только лишь инвестиционной деятельности. 15 марта 2002 года состоялось официальное открытие банка с предоставлением ему лицензии на банковские операции, кроме права принимать вклады от физических лиц.

В феврале 1997 года постановлением Правительства РК утвержден План мероприятий по реализации договоренностей, достигнутых в ходе официального визита Президента Исламской Республики Пакистан Ф.Легари в Казахстан в октябре 1996 года. Согласно этому плану предусматривается развитие сотрудничества между двумя странами в сфере развития наукоемких технологий, в частности, в создании генной биотехнологии для сельского хозяйства, в разработке современных технологий производства композитных материалов, в формировании совместных предприятий в области фармакологии, легкой промышленности и переработки сельскохозяйственной продукции и так далее.

Пакистанское правительство выражает готовность принять участие в строительстве объектов перерабатывающей промышленности, в частности, сахарных заводов и мукомольных комбинатов. Изъявляется желание закупать в Казахстане чугун, зерно, суперфосфатные удобрения и кожсырье, однако этому препятствуют большие транспортные расходы. Пакистанские частные компании устанавливают контакты по экспорту в Казахстан следующих товаров: текстиль, трикотаж, изделия из кожи, обувь, спортивные принадлежности, химическая и фармацевтическая продукция, медицинские препараты, оборудование и хирургические инструменты, рис.

* Меморандум о взаимопонимании от 14 марта 1995 года вступил в силу с момента подписания.

В ходе визита в марте 1999 года в Исламабад прошла встреча К.Токаева с премьер-министром ИРП Н.Шарифом и переговоры с министром иностранных дел С.Азизом. Состоялось также торжественное открытие офиса Почетного консула в Лахоре, проведена встреча пакистанских бизнесменов с казахстанскими, которые сопровождали казахстанского министра. А 14 марта 2001 года в Пешаваре состоялась официальная церемония открытия Консульства Казахстана в Северо-Западной Пограничной провинции (СЗПП) и провинции Белуджистан, в церемонии открытия которого приняли участие губернатор СЗПП, представители местных органов власти, сотрудники МИД Пакистана, представители науки и культуры, бизнесмены, журналисты, аккредитованные в Пешаваре дипломаты США и Ирана, почетные консулы Турции, Франции, этнические казахи, проживающие в Пешаваре, а также оралманы – беженцы из Афганистана.

Правительство Пакистана придает большое значение дальнейшему сотрудничеству РК и ИРП. В частности, Н.Шариф подчеркнул, что «с большим уважением относится к казахстанскому лидеру, с которым поддерживает тесные деловые взаимоотношения на протяжении уже семи лет. Именно ему выпала честь принимать казахстанского руководителя в 1992 году с визитом в Исламабад после обретения Казахстаном независимости. О высоких политических достоинствах Н.Назарбаева свидетельствует его переизбрание на пост главы государства. Отвечая на послание Президента Казахстана, Н.Шариф выразил согласие в отношении необходимости поиска путей для дальнейшего развития торгово-экономических связей. Сторонами была достигнута договоренность о том, что сроки встречи в верхах будут установлены по дипломатическим каналам.

Важным этапом развития казахстанско-пакистанских отношений стало проведение в Алматы встречи министров иностранных дел по вопросу Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в сентябре 1999 года. Пакистанский министр иностранных дел С.Азиз, принимавший участие во встрече, активно поддержал идею созыва СВМДА на высшем уровне и подписал Декларацию о принципах взаимоотношений стран – участниц Совещания. В ходе визита пакистанского министра состоялись его встречи с министром иностранных дел РК К.Токаевым и другими ответственными лицами. Проведен заинтересованный разговор о путях дальнейшего развития двусторонних отношений.

12 октября 1999 года в Пакистане произошел военный переворот. Военная администрация во главе с П.Мушаррафом провела начальный этап своего правления, сформировала структуры государственной власти и приняла социально-экономическую программу развития Пакистана. Новому правительству были предоставлены необходимые возможности для осуществления разносторонних реформ. С учетом сложившейся внутривластной ситуации в ИРП, когда законно избранное правительство страны было свергнуто в результате военного переворота, Республика Казахстан воздержалась от политических заявлений и оценок. Вместе с тем политические и деловые контакты с Пакистаном продолжали поддерживаться.

Изменение во внутривластной ситуации Пакистана после военного переворота не повлияло на двусторонние отношения, более того, наблюдалось некоторое повышение активности, чему способствовали визит главы исполнительной власти (ГИВ) ИРП П.Мушаррафа в Казахстан, участие делегаций обеих сторон в мероприятиях, организованных в РК и в ИРП, установление личных контактов посла РК с руководством Пакистана, МИД, официальными лицами правительства и деловы-

ми кругами ИРП. Данные встречи помогли решить ряд важных вопросов, представляющих обоюдный интерес.

Во время встречи с ГИВ ИРП П.Мушаррафом в марте 2000 года посол РК выразил позицию Казахстана сохранить и развивать существующие дружественные отношения, полнее используя еще не раскрытый потенциал обеих стран, особенно в торгово-экономической сфере. Были затронуты и проблемы, сдерживающие активизацию деятельности в двустороннем сотрудничестве в целом. Внимание П.Мушаррафа акцентировалось на необходимости восстановления прямого регулярного транспортного сообщения между Исламабадом и Алматы, а также достижения консенсуса по вопросу квотирования в рамках четырехстороннего Соглашения (1995 г.) между Казахстаном, Китаем, Кыргызстаном и Пакистаном о транзитных перевозках по Каракорумскому шоссе. Новым руководством Пакистана была выражена заинтересованность в скорейшем реанимировании этого кратчайшего «древнего шелкового пути», который способствовал бы увеличению торгово-экономических отношений между двумя странами.

Наиболее значимым событием в двусторонних отношениях явился рабочий визит 6–7 ноября 2000 года главы исполнительной власти ИРП П.Мушаррафа в Казахстан. Его сопровождали министр иностранных дел ИРП, министр торговли и министр по делам Кашмира и северных территорий. Визит придал динамику двусторонним отношениям, укрепил личные контакты между руководством двух государств, дал возможность обмена мнениями по неотложным проблемам двусторонних отношений, перспективам развития торгово-экономического сотрудничества, а также острым международным и региональным вопросам, представляющим взаимный интерес. Лидеры ИРП и РК подтвердили, что взаимоотношения между их государствами отражают национальные интересы двух народов, не подвержены политическим изменениям и не направлены против третьей стороны. Они также подчеркнули необходимость диверсификации отношений, особенно в торгово-экономической сфере. Стороны выразили готовность активно содействовать скорейшему установлению мира в Афганистане путем формирования коалиционного правительства и признали необходимость решать данную проблему через структуры ООН и ОИК. Итогами визита стали:

- взаимобмен приглашениями: Президент РК Н.Назарбаев пригласил ГИВ ИРП П.Мушаррафа на саммит СВМДА, который должен был состояться осенью 2001 года (отложен в силу ряда причин на июнь 2002 г.) – ГИВ ИРП П.Мушарраф в ответ пригласил Президента РК Н.Назарбаева посетить Пакистан;

- осуществление координации усилий в борьбе с международным терроризмом, организованной преступностью, транзитом наркотиков.

Одним из важных достижений визита является принятие решения придать динамику торгово-экономическим отношениям. В этой связи было запланировано подписание Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций и отмечена необходимость активизировать деятельность Совместной казахстанско-пакистанской межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству, 4-е заседание которой прошло 17–19 июля 2001 года в Астане.

Казахстан заинтересован в создании своего соответствующего имиджа за рубежом, и в частности в Пакистане. Выполнение этой ответственной задачи возложено в основном на Посольство РК в ИРП. В целях ликвидации информационного вакуума

создан WEB-сайт Посольства РК в ИРП (www.kazakh-embassy.org) в международной сети «Интернет». В нем размещены подробная информация о Казахстане, инвестиционные материалы, законодательство РК, данные о налоговых, таможенных и тарифных процедурах и условиях, предложения деловых кругов двух стран по торгово-экономическому сотрудничеству, о культурном сотрудничестве между РК и ИРП и другие информационно-справочные материалы. Имеются ссылки на казахстанские сайты, где можно найти подробную информацию, в том числе на английском языке, о различных областях жизни страны. В целях продвижения казахстанских интересов в Пакистане, предполагается на сайте увеличить объем информации, имеющей практическую значимость для пакистанского пользователя. Например, информация о международных инициативах Казахстана, показателях экономического развития страны, перечень и разъяснения по инвестиционным проектам и тендерам, о туристических достопримечательностях и туристических компаниях Казахстана, сообщения о выставках и ярмарках, музыкальных фестивалях и так далее.

Важным аспектом сотрудничества двух стран является активизация работы по осуществлению постоянного контроля над практической реализацией ранее достигнутых договоренностей в рамках Совместной межправительственной комиссии. Также следовало бы повысить уровень координации и контроля над выполнением договоренностей и периодической отчетности со стороны министерств и ведомств РК по сфере их деятельности.

Казахстану, как и Пакистану, крайне необходимо продолжить поиск и формирование альтернативных транспортных путей, в том числе через Афганистан.

Одним из приоритетов внутренней политики РК является развитие среднего и малого бизнеса. В этом контексте наиболее перспективным для государства является развитие экономического сотрудничества с зарубежными странами, включая Пакистан. Специфика проведения внешней политики РК в Пакистане требует учета особенностей взаимоотношений этого государства с соседними странами, и прежде всего с Индией. Также необходимо урегулировать «афганскую проблему», которая на сегодняшний день является сдерживающим фактором не только на пути установления региональной стабильности, но и экономического сотрудничества всех государств региона. При условии стабилизации внутривосточной ситуации и налаживания мирной жизни в Афганистане, Пакистан получит возможность доступа к природным ресурсам Казахстана и Центральной Азии и экономическую выгоду от прокладки нефте- и газопроводов через свою территорию к морским портам.

Однако масштабы сотрудничества Казахстана с Пакистаном остаются пока не полностью реализованными, хотя значительное ускорение этому придало участие обеих стран в ряде региональных структур, таких, как ОЭС, ОИК, СВМДА и другие. Позиции двух стран совпадают по вопросам необходимости усиления регионального сотрудничества и взаимодействия в рамках данных организаций.

В целом на сегодняшний день созданы благоприятные возможности для развития всего спектра двусторонних отношений между Казахстаном и Пакистаном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Токаев К.К. Под стягом независимости. – Алматы: Білім, 1997. – С. 252.
2. Меморандум о взаимопонимании. – 14.03.95.

Центральная Азия в военно-политической стратегии НАТО на современном этапе: позиция России

ШАЙМЕРГЕНОВ Т.Т.

Центральноазиатский регион на сегодняшний день представляет огромный интерес как для региональных, так и для географически отдаленных от него стран. В этом регионе «на карту» поставлены геополитическое могущество, доступ к потенциально огромным богатствам, продвижение религиозных, национальных целей и приоритетов, а также перспективы глобальной и региональной безопасности в самых различных ее аспектах.

Центральная Азия стала объектом особенно пристального внимания в последнее десятилетие, когда ситуация в регионе коренным образом изменилась после распада СССР. Данный регион, занимающий исключительное геополитическое положение, открылся для различных сил, которые раньше не могли реализовывать здесь свои интересы ввиду существовавшей монополии Советского Союза. Регион обладает огромными запасами полезных ископаемых, включая золото, природный газ и нефть.

Формирование постконфронтационной роли НАТО в Европе (North Atlantic Treaty Organization – Организация Североатлантического договора) в принципе завершается. Альянс охватывает в основном всю Западную и Восточную Европу, за исключением традиционных «нейтралов» – Швейцарии, Швеции и Австрии, а также осколков Югославии. Теперь НАТО включает в себя практически всю западную, европейскую цивилизацию. Помимо Среднего Востока, объектом дальнейшей экспансии для Альянса осталась только Центральная Евразия, представляющая собой в основном европейски ориентированное геополитическое пространство. В будущем Альянс будет работать по формуле программы «Партнерство во имя мира» (ПИМ), сепарируя постсоветские государства на дружественные, лояльные и ненадежные. К первой категории относятся Грузия и Азербайджан, уже заявившие о своих претензиях войти в состав НАТО. В качестве лояльных рассматриваются центральноазиатские республики, особенно те, где размещены военные базы США. Ненадежными считаются Беларусь, а с последнего времени и Украина.

Хотя ни один из центральноазиатских партнеров не участвовал в каких-либо балканских операциях ИФОР (Силы в Боснии), СФОР, КФОР, они обеспечивали поддержку американских и натовских операций в Афганистане и Ираке: Узбекистан – в операции «Прочная свобода», Кыргызстан и Узбекистан предоставили базы ВВС и разрешали пролет для американских и коалиционных сил в рамках ИСАФ, а Казахстан обеспечивал поддержку Польше обезвреживанием мин в Ираке и разрешал пролет самолетов, транспортировку грузов и американских солдат, находящихся в Узбекистане и Кыргызстане. Такая деятельность вызывала все большее и боль-

шее раздражение России. Отсюда поощрение активного участия России в обновленном ПИМ и в Совете «Россия – НАТО» будет приобретать растущее значение, чтобы ослаблять неизбежные трения и опираться на отношения сотрудничества.

Десять лет назад, и даже пять, такое «окружение» России натовскими странами рассматривалось бы как геополитическая катастрофа. Сегодня этот процесс в Москве воспринимается более или менее спокойно, хотя и слышится, как в прежние времена, ослабшая и ленивая критика со стороны державников, патриотов и левых. В чем же дело? После 11 сентября 2001 года и теракта в Москве во время показа «Норд-Ост» НАТО уже больше не воспринимается в Кремле как противник, а рассматривается как потенциальный союзник перед лицом новых угроз. Соответственно, иначе рассматривают Россию в штаб-квартире Альянса: не как подозрительного соседа или «большого человека» в Европе, а в качестве важного партнера и влиятельного союзника.

Однако не вызывает сомнений тот факт, что США и НАТО в целом намерены укреплять свое военно-стратегическое присутствие в Центральной Азии на долгосрочную перспективу. Однако это достаточно сложный процесс, который включает в себя много факторов. В первую очередь Запад должен учитывать законные интересы России в области безопасности. Тот факт, что Казахстан, представляя собой чрезвычайно привлекательный объект с точки зрения стратегических баз, остался в стороне от сети баз НАТО, является отражением того невидимого соперничества между Москвой и Вашингтоном, Россией и НАТО в Центральной Азии.

СТРАТЕГИЯ НАТО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сотрудничество государств Центральной Азии с НАТО на практике началось с подписания программы НАТО «Партнерство во имя мира» (ПИМ) в 1994 году. Четыре из пяти центральноазиатских государств – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан – были среди первоначальных сторон, подписавших в 1992 году Договор СНГ о коллективной безопасности с Россией. Когда в 1999 году был подписан Протокол о продлении Договора, Беларусь присоединилась к нему, тогда как Узбекистан из него вышел. Четыре центральноазиатских государства были среди сторон, подписавших ПИМ в 1994 году: Туркменистан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. Хотя цель заключалась в распространении ПИМ на центральноазиатские государства-преемники, чтобы приблизить их к западным ценностям, их практика в области политической либерализации, за исключением Казахстана, в целом ухудшалась на протяжении прошлого десятилетия.

С 2002 года Центральная Азия находится в условиях непосредственного присутствия военной структуры Организации Североатлантического договора в Центральной Азии и Афганистане. Военнослужащие, техника и военные базы стран – участниц Договора, преимущественно США, дислоцируются в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане. Говорить о том, что только США разместили свои военные базы в Центральной Азии, не совсем точно: эти базы в том числе и стран – участниц НАТО, хотя американцы и преобладают.

В свете существующих сегодня внутри Альянса проблем Центральная Азия, пожалуй, остается единственным регионом планеты, где страны-участники действуют в относительном согласии.

На сегодняшний день можно сформулировать следующие цели НАТО в Центральной Азии:

- ♦ Первое. С помощью так называемого «Индивидуального плана действий» оказать местным режимам помощь в переходе к демократии, но, судя по витиеватости формулировок, к демократии, выстроенной не по американским, а по европейским лекалам, причем с учетом специфики отдельно взятой страны. Последнее, по-видимому, предполагает, что страны региона должны оценить «благоденствие» НАТО.

- ♦ Вторая цель состоит в интенсификации регионального сотрудничества в области безопасности. В переводе с политического языка на обычный это означает создание подконтрольной или связанной с НАТО системы противодействия общим для Центральной Азии и Европы угрозам: торговля наркотиками, контрабанда оружия и организованная преступность. Готово ли за поддержание системы этой безопасности НАТО платить, пока остается открытым вопросом.

- ♦ В-третьих, Центральная Азия нужна НАТО для так называемой борьбы с терроризмом. Расшифровка этой идеи означает, что Центральная Азия нужна Альянсу не просто сама по себе, но и для контроля над регионами, имеющими военно-стратегическое значение для Брюсселя. Как подчеркивает руководство Альянса: «НАТО выполняет свою часть работы по решению проблем безопасности XXI века. И мы хотим, чтобы страны Центральной Азии выполняли свою часть работы» [1].

И еще одной целью, о которой на Западе не любят говорить вслух, является участие НАТО в модернизации армий государств региона. На деле это означает вытеснение российской военной техники, на которой до сих пор базируется система военно-технического снабжения стран региона.

Сотрудничество НАТО с государствами Центральной Азии широко реализуется в различных областях и подкреплено на практике военным присутствием в странах региона.

В Кыргызстане – это американская военная база «Ганси», которая находится на территории международного аэропорта «Манас» близ Бишкека. Здесь размещены военно-транспортные самолеты, самолеты-дозаправщики, другая военная техника и различное оборудование, а также свыше тысячи американских военнослужащих. Военная база используется для тылового обеспечения и поддержки сил антитеррористической коалиции в Афганистане. В Договоре США и Кыргызстана предусмотрено, что срок аренды базы может пролонгироваться на каждые последующие три года. По американским данным, в 2003 году содержание «Ганси» обошлось США в 14 млн долларов. Помимо ренты, американцы выплачивают по 7 тыс. долларов за взлет-посадку каждого самолета. В целом «Ганси» приносит Кыргызстану около 45 млн долларов в год [2].

В Узбекистане находится американская военная авиабаза «Ханабад» (Кашкадарьинская область на юго-западе республики, 500 км от Ташкента и 200 км от афганской границы). С октября 2001 года здесь размещено более 1500 американских солдат. База арендована США на срок не менее 20-ти лет. С помощью Вашингтона здесь обновлена взлетно-посадочная полоса, построена дополнительная инфраструктура. Еще один вспомогательный аэродром используется американцами в населенном пункте Кокайты. А в приграничном с Афганистаном городе Термез располагается военно-воздушная база, на которой находится немецкий воинский контингент. Отсюда в основном переправляются военные грузы для нужд антитеррористической коалиции, а также гуманитарная помощь. В 2002 году Узбекистан и США подписали двусторонний Договор о стратегическом сотрудничестве. В соответствии с достигнутыми договоренностями Соединенные Штаты оказывают помощь в реформировании воо-

руженных сил республики. В частности, американской стороной осуществляются поставки военной техники и имущества, предоставляются бесплатные услуги в рамках различных программ военного образования. В целом в 2002–2003 годы американская помощь Узбекистану составила 420 млн долларов. В рамках программы «Совместное снижение угроз» республике дополнительно будет выделен 21 млн долларов. Майерс также пообещал, что США поставят Узбекистану 14 патрульных катеров на сумму 2,9 млн долларов [3]. Ввиду возрастающих трений между Узбекистаном и США американские базы будут, по всей видимости, выведены. Под вопросом судьба ограниченного немецкого контингента.

На территории Таджикистана, в Душанбе, разместилась военно-воздушная база НАТО. В основном здесь располагается французский воинский контингент. На авиабазе постоянно находятся военно-транспортные самолеты ВВС Франции и свыше 120-ти военнослужащих. Но этим сотрудничество стран НАТО с Таджикистаном не ограничивается. Например, Великобритания с 2001 года финансирует программу по изучению английского языка в военном лицее и военном институте республики, а в специализированных учебных заведениях британских вооруженных сил ежегодно стажировались группы таджикских офицеров. В октябре 2003 года в Душанбе побывала делегация из Германии во главе с бригадным генералом Ю.Борнеманном. В ходе визита обсуждались вопросы укрепления военного и военно-технического сотрудничества между Германией и Таджикистаном, а также отмечена необходимость скорейшего заключения двустороннего Соглашения в военной сфере. В мае 2004 года на полигоне Фахрабад прошло совместное тактическое учение подразделений вооруженных сил Таджикистана и Франции. Оно состоялось в соответствии с планом военного и военно-технического сотрудничества двух государств на 2004 год [4].

На территории Казахстана военных баз НАТО нет, хотя вопрос об их создании поднимался в начале антитеррористической операции в Афганистане. В частности, планировалось разместить на аэродромах в Шымкенте и Луговом военную авиацию, а под Карагандой – американскую мотопехотную бригаду численностью до пяти тыс. человек. Но этот проект не получил своего развития.

Однако Вашингтон и Брюссель проявляют в нашей республике и так немалую активность. В феврале 2004 года на встрече главы Пентагона Д.Рамсфелда с министром обороны Казахстана генералом армии М.Алтынбаевым были детально обсуждены вопросы двустороннего военного и технического сотрудничества. Согласно плану пятилетнего военного сотрудничества между двумя странами, подписанному в сентябре 2003 года, Казахстан на безвозмездной основе получит американское вооружение, а некоторые курсанты и офицеры пройдут подготовку в военных учебных заведениях США. По заниженным ценам планируются поставки в республику вертолетов Huey-2, самолета С-130 и корабля водоизмещением до 1 тыс. тонн, а также ведется поставка автомобилей высокой проходимости Hammer. В 2004 году Вашингтон планирует затратить 4,5 млн долларов только на закупку боеприпасов, снаряжения и обучение личного состава казахстанской армии. А на уничтожение излишков советского оружия Белый дом готов выделить около 200 млн долларов [5].

Недавно при содействии США в Западном Казахстане близ каспийского побережья в Атырау были построены казармы для военнослужащих республики. Американцы затратили на их строительство 19 млн долларов. Неоднократно выделялись гранты и на создание казахстанского флота на Каспии. На территории Казах-

стана никаких военных объектов США нет и в ближайшей перспективе их развертывание не планируется, как и не ставится цель вступления Казахстана в НАТО, хотя сотрудничество с этой организацией в рамках программы «Партнерство во имя мира» будет продолжено [6].

Что касается Афганистана, с которого в принципе и началось военное присутствие блока в Центральной Азии, то США передают контроль над ним непосредственно руководству НАТО. Передачу командования коалиционными силами в Афганистане НАТО не следует рассматривать как неспособность американских военных стабилизировать ситуацию в стране. Так или иначе, в Вашингтоне отдают отчет в том, что наведение порядка в этой стране потребует немало времени. По крайней мере, на это нужно несколько лет, если не десятилетие. Важно другое. Необходимо продемонстрировать такую политику, чтобы никто не смог обвинить США в экспансионизме. Это особенно важно для того, чтобы восстановить пошатнувшееся доверие со стороны союзников. Данный шаг может рассеять и опасение республик Средней Азии о том, что американцы пытаются расширить свое военное присутствие в регионе, ведь НАТО для них – это, прежде всего, Соединенные Штаты и только потом другие государства. Американская администрация от такой передачи функций равным счетом не теряет ничего.

Если подойти к данному решению с другой точки зрения, изменение статуса коалиционных сил в Афганистане – это составная часть курса Североатлантического блока на расширение на Восток. Именно через эту призму следует рассматривать и попытки укрепления военного присутствия иностранных войск на территории среднеазиатских республик [7]. В первую пору руководство Альянса вполне устраивает то положение, когда на территории стран Центральной Азии находятся и войска НАТО, и ОДКБ. Важно то, что НАТО незаметно продвигается к российской границе. При этом все делается аккуратно, четко, без особой конфронтации. И Россия в таких условиях не может противостоять данному процессу. Все происходит в соответствии с соблюдением международных норм, программой борьбы с терроризмом. Отсюда и изменение отношения к НАТО.

РОССИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: НОВЫЙ ЭТАП СОТРУДНИЧЕСТВА

У стран Центральной Азии с Россией исторически тесные и многочисленные связи. Исходя из своих геостратегических целей, Россия стремится сохранить свое влияние в этих странах. Наличие русскоязычного меньшинства во всех центральноазиатских республиках, значительная зависимость экономики этих стран от России, проблемы внешней безопасности некоторых государств и многие другие факторы создают основу для присутствия России в регионе. Русский язык для этого региона – язык межгосударственного общения, язык бизнеса и дипломатии. Для центральноазиатских стран Россия – естественный зарубежный партнер.

После распада СССР центральноазиатскому направлению во внешней политике России длительное время уделялось незначительное внимание. Таким образом, непроизвольно реализовывалась стратегия «ухода». В результате образовавшийся «вакуум» был сразу же заполнен другими силами, что, в свою очередь, создало предпосылки для дальнейшего ослабления российских позиций в Центральной Азии и ее вытеснения из региона. Только в конце 1990-х на смену былому равнодушию в

отношении государств Центральной Азии пришло понимание того, что подобная политика России в корне противоречит всему комплексу ее интересов. Стало очевидно, что стремление «отгородиться» от этого региона может привести к форсированному нарастанию там неблагоприятных для Москвы тенденций.

Говоря о военном и экономическом проникновении Запада в страны Центральной Азии, необходимо принять во внимание тот факт, что делается это не только с ведома, но и по просьбе их руководителей. После развала СССР они оказались, по сути, один на один с многочисленными проблемами становления молодых государств, которые усугублялись активизацией сил религиозного экстремизма и терроризма и не один раз обращались с соответствующими предложениями к России. Но Россия в тот период была занята своими проблемами, мечтая о дружбе с «великими мира сего» и не обращая внимания на своих ближайших соседей, которым ничего не оставалось, как принять помощь Запада.

Появление США в регионе стало знаковым явлением, которое заставило российское руководство, наконец-то, ответить на столь долго остававшийся без внимания вопрос: нужна ли России Центральная Азия? Дав на поставленный вопрос положительный ответ, Москва значительно активизировала свою интеграционную деятельность в регионе, которую в целом поддержали руководители центральноазиатских государств. В результате в мае 2003 года было принято решение о превращении Договора о коллективной безопасности (ДКБ), из которого к этому времени ушли Узбекистан, Грузия и Азербайджан, в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), что было отмечено наблюдателями как важный шаг.

Набирает силу и международный авторитет Евразийский экономический союз (ЕврАзЭС). Расширяет сферу своей ответственности Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Кстати, один из ее создателей – Китай – весьма обеспокоен, как можно судить по сообщениям из Пекина, военным присутствием США и НАТО в Центральной Азии.

Осенью 2003 года Россия открыла свою военную базу в Кыргызстане, что было расценено как значимый показатель взаимной заинтересованности РФ и ряда центральноазиатских государств в ее непосредственном военном присутствии. А в июле 2004 года на сочинской встрече В.Путина и Э.Рахмонова были достигнуты далеко идущие договоренности о развитии всестороннего сотрудничества между Россией и Таджикистаном, в том числе относительно военного присутствия РФ в этой республике. Существенно потеплели отношения Москвы и Ташкента, позитивную роль в укреплении интеграции играют и совместные военные маневры.

Не обходится и без трений в сотрудничестве: так, Москва испытывает растущее беспокойство в связи с планами Астаны модернизировать систему ПВО Казахстана с помощью США, Великобритании и Германии (стоимость проекта, как ожидается, 1 млрд долларов). По мнению Кремля, ориентация на западные военные технологии нарушает обязательства Казахстана по Соглашению о создании объединенной системы ПВО государств СНГ от 1995 года (в частности, принцип согласованной военно-технической политики в этой сфере).

В результате НАТО получит доступ к отдельным элементам системы ПВО СНГ и это вынудит Россию к дополнительным тратам на соответствующие контрмеры. Кроме того, российские структуры рискуют потерять крупный военный заказ. В Кремле также с раздражением отмечают интенсификацию сотрудничества Казахстана с США, Великобританией, Испанией и Турцией в укреплении военной

инфраструктуры (в частности, в создании военно-морских баз) на Каспии. На эти цели только в 2003 году страны НАТО выделили Астане до 35 млн долларов [8].

В целом, полагают в Москве, в Казахстане набирает силу линия на укрепление взаимодействия с Североатлантическим альянсом. Это выражается, в частности, в том, что на заседаниях ОДКБ Казахстан отказался поддержать инициированное Москвой предложение о сотрудничестве и партнерстве ОДКБ с НАТО в военной сфере на коллективной основе. Казахстанская сторона дала понять, что предпочитает осуществлять партнерство с Альянсом напрямую – на двусторонней основе, без Москвы и в обход механизмов контроля ОДКБ. В связи с этим в России планируется даже в ущерб собственному национальному бюджету поставлять партнерам по ОДКБ необходимые вооружения и боевую технику по внутрисоюзным ценам и осуществлять у себя бесплатное обучение их военных кадров.

Вместе с тем дальнейшее продвижение российских интересов в страны Центральной Азии невозможно без принятия региональной стратегии. В ней должны быть четко сформулированы цели и задачи военно-политических и экономических связей России с государствами региона, а также методы и средства по их достижению. Необходимо учитывать противодействие со стороны Соединенных Штатов и сопротивление определенной части местной политической элиты российской политике в регионе. Очевидно, что российские интересы в Центральной Азии могут быть обеспечены только тогда, когда ее начнут воспринимать здесь в качестве выгодного, надежного и заслуживающего уважения партнера.

После событий 11 сентября Москва и Вашингтон ведут диалог, неслышимый для широкой публики. Он не похож на спор – скорее, одна из сторон пытается разузнать о намерениях другой. Теперь, похоже, период тихих диалогов о Центральной Азии, которая после событий 11 сентября просто «свалилась» в руки США, закончился. Москва после многих месяцев бесплодных ожиданий дает понять, что не отказалась от борьбы за влияние в Центральной Азии. Министр иностранных дел И.Иванов недавно в одном из интервью заявил: «Нам, разумеется, безразлично, какова будет дальнейшая судьба этого (американского) присутствия. В диалоге с США мы будем и впредь добиваться максимальной транспарентности их военной деятельности в регионе и временных ограничений их военного присутствия». Через несколько дней министр обороны С.Иванов отметил, что присутствие американских военнослужащих в Кыргызстане «не будет менять ничего в нашем сотрудничестве с этой страной» [9].

Президент Казахстана Н.Назарбаев 9 декабря 2001 года на брифинге в Астане сделал такое заявление: «Когда нет холодной войны, нет конфронтации Запад – Восток, вхождение туда (в НАТО) России, я думаю, успокоит всех». «Считаю, что и для Запада, и для мира политика выталкивания России из мировых процессов – бесперспективна и неправильна», – подчеркнул глава Казахстана. Россия – «большая страна, большая держава и должна быть вовлечена в эти процессы... От этого будет всем хорошо, и нам тоже». При этом Н.Назарбаев пояснил, что в вопросе присоединения России к НАТО Казахстан придерживается «восточной мудрости», которая гласит: «Невозможно остановить слона, схватив его за заднюю ногу» [10].

Очевидно, что на Западе заинтересованы в упрочении союзнических отношений со странами ЦА. Мотивы ясны: борьба с терроризмом и упрочение военно-политической гегемонии США. Можно вспомнить многократно цитируемую политологами книгу З.Бжезинского «Великая шахматная доска». Под «доской» крупнейший

американский политик подразумевает постсоветскую территорию Евразии, а главным противником США в игре на ней считается Россия [11]. Вполне логично, что НАТО и в его лице США и Россия стремятся расставить свои «фигуры» на разных полях этой «доски». Однако в самое последнее время положение дел в регионе начало меняться. Россия, очевидно, больше не хочет оставаться статистом в происходящих в Центральной Азии процессах и намерена усилить свое влияние, в том числе и военно-политическое.

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ НАТО И РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ

С какой целью осуществляется военное присутствие США и НАТО в странах Центральной Азии, официально хорошо известно – для проведения антитеррористической операции в Афганистане. Исходя из этого, необходимость их пребывания здесь должна отпадать по мере стабилизации ситуации в Афганистане.

На практике все выглядит иначе. О каком временном присутствии может идти речь, если, например, Договор на аренду территории под военную базу «Ханабад» заключается не менее чем на 20 лет? Кроме того, есть заявления госсекретаря США Колина Пауэлла и его помощника по странам Европы и Евразии Элизабет Джоунс, министра Дональда Рамсфелда, суть которых сводится примерно к следующему: «Когда конфликт завершится, мы не уйдем из Центральной Азии. Во всех пяти странах мы должны расширять постоянную поддержку демократических институтов, местных неправительственных организаций и независимых средств массовой информации» [12].

Учитывая все факторы военного присутствия НАТО в Центральноазиатском регионе, по нашему мнению, углубленное военно-техническое сотрудничество центральноазиатских стран ОДКБ может внести некий раскол в систему региональной безопасности, и этому есть объективные причины. Во-первых, ядром ОДКБ является сотрудничество России и Казахстана, что уже очевидный факт, а сближение Казахстана с НАТО не вызывает одобрения в военных и политических кругах России.

Для России Казахстан – военный союзник номер один, и какое-либо военное сотрудничество нашей республики с другими военными блоками, естественно, тщательно отслеживается в России. Если также принять во внимание натянутые отношения России и НАТО, то становится ясно, что молчание России означает лишь осмысление ею сложившегося положения и анализ дальнейших планов и действий. Хотя реагировать на военное сотрудничество Казахстана с НАТО для России сейчас нет смысла, так как данное сотрудничество пока не вышло за рамки дозволенного в ДКБ и не несет прямой угрозы для ее позиций.

Во-вторых, военно-технический аспект сотрудничества НАТО и стран Центральной Азии содержит в себе конфликтный потенциал в том плане, что вооруженные силы стран Центральной Азии оснащены вооружением в основном советского типа и российского производства, что, в общем-то, ставит их в некую зависимость от российских поставок, но в то же время российское вооружение привычнее, практич-

нее и более надежное. Со своей стороны НАТО и США активно занялись техническим сотрудничеством в области вооружений и техники, создавая «альтернативу» модернизации вооруженных сил стран Центральной Азии. Начиналось все с «безвозмездных подарков» в виде «хаммеров» и так далее, но «бесплатный сыр бывает только в мышеловке». В США ждут, пока вооруженные силы стран Центральной Азии привыкнут к «новинкам» и начнут запрашивать новое вооружение, комплектующие, но «подарков» уже не будет, а будут миллионные счета. Важно принять во внимание, что в США всерьез задумывают планы о перевооружении стран ЦАР на вооружение и технику натовского образца. Зачем? Такое разнообразие вооружений и техники в странах ОДКБ будет лишь мешать скоординированной деятельности вооруженных сил ОДКБ и существенно затруднит сотрудничество в обеспечении обороны, что принесет с собой разлад механизмов ОДКБ. Экономический аспект данного вопроса существенно затронет интересы России и ее оборонной промышленности. В данной области возникает множество конфликтных узлов между Россией и США с НАТО.

В-третьих, хотя на сегодняшний день в России сравнительно спокойно относятся к расположению военного контингента США и стран НАТО в Центральной Азии и, тем более, одновременно со своими военными базами, можно отметить, что данный факт воспринимается Россией подобным образом лишь в условиях антитеррористической борьбы в Афганистане. Но борьба с терроризмом когда-нибудь придет к своему завершению, «шумиха» вокруг событий 11 сентября пройдет (тем более что сейчас в мире бытует мнение о том, что нет никакого «арабского следа» в террористическом акте в США). Что тогда?

В-четвертых, становится заметной активность России в ЦАР, особенно в военной сфере, при этом расширяется деятельность и НАТО с США в регионе. Такое ощущение, что и Россия, и США с НАТО пытаются увеличить, углубить свое военное присутствие под различными «важными» предлогами (в том числе обеспечение безопасности Центральной Азии) под лозунгом «Кто больше?», прикрывая свои стратегические интересы и геополитические амбиции. Но всему существует предел, и что будет, когда он наступит? На наш взгляд, США и НАТО вряд ли уйдут из стратегического для них региона и сегодня России с США и НАТО необходимо наладить механизмы сотрудничества в регионе, чтобы как-то регулировать свое военное присутствие, не допуская конфликтов. Что касается центральноазиатских стран, то им следует определиться со своими военно-политическими интересами и приоритетами, чтобы снизить конфликтный потенциал региона или не потеряться в соперничестве между Россией и НАТО в регионе.

По словам той же Элизабет Джоунс, США начали заниматься Центральной Азией задолго до Афганистана и Ирака [13]. А раз так, то вряд ли только желание поддержать здесь демократию и борьба с терроризмом двигали американскими помыслами в регионе. Скорее всего, в Вашингтоне вспомнили известное выражение Уинстона Черчилля, произнесенное им еще в 1919 году: «Центральная Азия – это та дойная корова, которая еще дожидается своего крокодила» [14] и решили «прибрат» регион к своим рукам.

Глубоко исследовав и проанализировав поведение США в Центральноазиатском регионе, можно сделать выводы о том, что американская политика, а значит, и стратегия НАТО в ближайшей перспективе нацелены на решение следующих конкретных задач:

♦ использование благоприятной для США и НАТО военно-политической обстановки, сложившейся в ходе антитеррористической операции, для всестороннего укрепления отношений со странами Центральноазиатского региона;

♦ создание условий, при которых другие внешние силы, прежде всего Россия и Китай, не смогли бы контролировать и направлять развитие процессов в Центральной Азии в ущерб интересам США и НАТО;

♦ расширение и модернизация предоставленных вооруженным силам США и НАТО военных баз и получение дополнительных военных объектов в регионе;

♦ обеспечение американскому бизнесу доступа к топливно-энергетическим и иным ресурсам Центральной Азии;

♦ открытие рынка Центральноазиатского региона для американских инвестиций, товаров и услуг, стимулирование структурных экономических реформ.

По нашему мнению, для достижения этих целей и была задумана антитеррористическая операция в Афганистане, к которой США, чтобы снизить материально-финансовое бремя, постепенно привлекли к военной кампании НАТО, не принимая во внимание, однако, несколько разные точки зрения относительно региона.

Однако на сегодняшний день можно отметить тенденции расхождения интересов США и европейских участников НАТО, которые по-разному начинают смотреть на Центральную Азию. Это можно объяснить тем, что основные цели, приведшие США и ЕС в регион, были различными изначально, хотя и были скрыты под единой позицией и стратегией Запада. США, закрепляясь в регионе, исходя из всего, из геополитических соображений. У европейских стран НАТО – основных торговых партнеров России, Казахстана и многих других стран СНГ – сложились собственные, в первую очередь, торгово-экономические интересы в Центральноазиатском регионе. При этом они, похоже, начинают понимать, что, помогая США укрепиться в регионе, сами могут оказаться «за бортом».

Учитывая различия интересов и целей, нетрудно предположить возможность обострения противоречий между США и Евросоюзом в отношении Центральной Азии. Подозрения европейцев по поводу того, что Вашингтон ведет в Центральной Азии двойную игру, не лишены оснований. Слишком много фактов говорят о том, что США преследуют в Центральной Азии, на Каспии и Кавказе свои собственные интересы, используя НАТО как приманку для постсоветских республик и вовсе не намерены учитывать законные интересы европейских союзников, которые нужны им в основном в качестве финансовых доноров. Внимательное изучение действий США в регионе позволяет сделать вывод, что Вашингтон намерен усилить свое военно-стратегическое присутствие в Центральной Азии и доминировать здесь. Об этом говорит и тот факт, что генсек НАТО Яап де Хооп Схеффер объявил о назначении Роберта Ф. Симмонса-младшего на должность специального представителя генерального секретаря по Кавказу и Центральной Азии, который будет отвечать за установление рабочих контактов на высоком уровне с региональным руководством для содействия выполнению целей и задач НАТО. Кроме того, он будет консультировать членов программы НАТО «Партнерство ради мира по инструментам партнерства», которые члены программы могут использовать для расширения сотрудничества с НАТО [15]. В этих условиях у России появляется шанс восстановить свои позиции в очень важном для нее регионе.

Данная обстановка позволяет провести аналогии с «Большой игрой» на рубеже XIX–XX веков за регион Центральной Азии, сменились только участники, цели и

средства борьбы. Но борьбы за что или с чем? Именно борьбой с терроризмом пытаются обосновывать свои попытки упрочения военного союза со странами Центральной Азии и Россия в рамках Организации Договора о коллективной безопасности. Какие бы доводы не приводили, говоря на языке дипломатии и политики из Пентагона и НАТО, с одной стороны, Россия – с другой, о борьбе с терроризмом, все же они пытаются конкурировать в геополитике. Страны Центральной Азии, в силу своего положения, вынуждены считаться с действиями обеих сторон. Однако нужно признать, что выбор остается за странами Центральной Азии. И потому важно ответить на вопрос: сможет ли в будущем Центральная Азия стать зоной активного взаимодействия, а не соперничества между США и Россией? От того, насколько мудро поступит руководство стран региона в этом плане, зависят судьба мира на земле, спокойствие региона, процветание наших государств. Теперь НАТО – это уже не что-то большое и значимое, но далеко расположенное. НАТО – наш сосед.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hagel, C., Simon, J. Partnership for Peace: Charting A Course for A New Era // US Foreign Policy Agenda. – June 2004. – Vol. 9. – No.2. – P. 34–41.
2. Jones Luong, P., Weinthal, E. New Friends, New Fears in Central Asia // Foreign Affairs. – March/April, 2002. – Vol. 81. – No.2. – P. 72–79.
3. Lord Robertson visits Central Asia // <http://www.nato.int/docu>.
4. Красная звезда. – 17.08.2004.
5. Хамраев Ф. НАТО – ШОС: борьба с терроризмом или за влияние в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2004. – №2 (32). – С. 92–101.
6. Красная звезда. – 17.08.2004.
7. Heads of State and Government strengthen NATO's anti-terrorism efforts // <http://www.nato.int/docu>.
8. Хамраев Ф. НАТО – ШОС: борьба с терроризмом или за влияние в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2004. – №2 (32). – С. 92–101.
9. www.mid.ru.
10. www.gazeta.kz/art.asp?aid=10772.
11. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М., 1998.
12. NATO expands presence in Afghanistan // <http://www.nato.int/docu>.
13. Там же.
14. Jones Luong, P., Weinthal, E. New Friends, New Fears in Central Asia // Foreign Affairs. – March/April, 2002. – Vol. 81. – No.2. – P. 72–79.
15. Appointment of Special Representative for the Caucasus and Central Asia // <http://www.nato.int/docu>.

Иран во внешней политике США

ТУЛЕПБЕРГЕНОВА Г.К.

Иранскому направлению во внешнеполитической стратегии США всегда отводилось особое место. Конфликт между Исламской Республикой Иран и США длится практически на протяжении трех десятилетий. В период прихода к власти республиканской администрации во главе с Дж.Бушем-младшим. Иран был причислен Соединенными Штатами к странам «оси зла». Учитывая сложности, связанные с двумя крупномасштабными войнами в Афганистане и Ираке, во внешнеполитической линии

Вашингтона, актуальность проблемы Ирана в первый срок пребывания Дж.Буша в Белом доме в некоторой степени отошла на второй план по сравнению с сугубо военными вопросами. Однако в свете широкой международной дискуссии по «иранскому ядерному доосье» и ожидающихся силовых военных действий США против Ирана на сегодня складывается очевидная тенденция, когда иранская проблематика вновь все чаще выносится на повестку дня руководством Белого дома как первоочередная.

1. АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ ИРАНА

На сегодня для США складывается неблагоприятная внешнеполитическая конъюнктура для того, чтобы провоцировать военный конфликт с Ираном. Данная тенденция определяется современным развитием международной обстановки, обусловливаемой следующими факторами:

1. Не завершен иракский кризис. В связи с этим США пока не в силах вовлечься в еще один долгосрочный военный конфликт. В ближайшей перспективе иракский вопрос будет являться определенным индикатором того, как будут развиваться американо-иранские отношения.

2. Усложнены и углублены противоречия в трансатлантических отношениях по принципам регулирования миропорядком в целом и по вопросу применения военной силы. Так, Франция, Германия и Великобритания выступают за решение иранской проблемы через диалог с Тегераном. Расхождения в подходах по урегулированию иранской проблемы между США и ЕС значительно ослабляют позицию Вашингтона в отношении Ирана. Без однозначной дипломатической поддержки своих европейских партнеров Вашингтону будет достаточно сложно создать сильную антииранскую коалицию. Позитивная позиция европейских союзников особенно важна, чтобы не допустить раскола НАТО, с тем чтобы использовать потенциал данной организации в качестве геополитического инструмента на Среднем Востоке.

Следовательно, в ближайшей перспективе политика республиканской администрации будет выжидательной и направлена на улучшение сложившегося «статус-кво» в свою пользу. США не препятствуют попыткам ЕС решить иранский вопрос мирным путем. В случае ее провала, европейская линия будет скомпрометирована. Это станет обоснованием для применения Соединенными Штатами жесткого варианта. В настоящее время Соединенным Штатам требуется время для реализации ряда дипломатических тактических действий против Тегерана с целью создания в лице Ирана «образа врага» для международного сообщества. Дополнительно США попытаются использовать данный период для подготовки почвы с целью передачи иранского доосье в Совет Безопасности ООН.

Данные тенденции в глобальной стратегии США протекают на фоне активизации политики Ирана по налаживанию международных контактов и сотрудничества с крупными международными политическими акторами в рамках обеспечения национальной безопасности от США.

Важным стратегическим партнером Ирана в регионе является Россия. Учитывая возрастающее давление на Иран со стороны США, с одной стороны, и обладание Россией правом вето в Совете Безопасности – с другой, ирано-российские отношения как инструмент сдерживания США будут и далее укрепляться. И на это существуют объективные причины.

Для противодействия американской политике на Ближнем и Среднем Востоке Иран стремится наладить конструктивное сотрудничество с Россией и стать ее основным региональным партнером.

Тегеран заинтересован в поддержке Россией формирования ирано-сирийского военно-политического блока.

В свою очередь, иранская позиция, учитывающая российские интересы на Южном Кавказе и в Центральной Азии, отвечает усиливающимся геополитическим амбициям России, и для нее весьма кстати. При этом Россия, пытаясь отстоять свои коммерческие интересы и укрепить политическое влияние на ИРИ, прочно закрепляет свои позиции на иранском внутреннем рынке вооружений и технологий. Несмотря на жесткую критику стран Запада, стороны планируют строительство второй очереди атомных электростанций в Бушере.

Позитивные тенденции во взаимоотношениях складываются между Ираном и «вропейской тройкой», решительно настроенной на разрешение иранской проблемы через взаимовыгодный диалог. Основа лояльной европейской позиции к Ирану заложена в стремлении сформировать независимую от США европейскую внешнеполитическую стратегию и подтвердить свою международную дееспособность в качестве серьезного политического актора. Кроме того, ведущие страны Европейского Союза (ЕС) сегодня не располагают таким военно-политическим потенциалом, как США, в связи с чем политика диалога является основным внешнеполитическим инструментом Европы на международной арене.

Следовательно, для достижения успеха ЕС проводят более гибкий курс, используя по возможности стратегию «soft power». Иран также заинтересован в сотрудничестве с европейскими державами, так как данный процесс нейтрализует попытки США по применению жестких мер в отношении Ирана.

Значимым стимулом для ведущих европейских держав в сотрудничестве с Ираном является стремление обеспечить собственные энергетические интересы, так как вряд ли какое-либо из других арабских нефтедобывающих государств (в том числе Оман, с которым имеются очень тесные связи) могло бы стать их приоритетным партнером в условиях доминирования США в регионе без обеспечения со стороны европейских государств гарантий безопасности.

Положительные тенденции к сближению позиций складываются между Ираном и Китаем. Подобно России КНР активно выступает против передачи «иранского доосье» в Совет Безопасности ООН и в отличие от России реально может применить право «вето» на принятие отрицательного решения в отношении Тегерана. Иран прочно выстроил отношения с Китаем, став одним из основных потребителей китайских военных технологий и вооружений, а также вторым по объемам поставщиком нефти в эту страну (по некоторым данным, на Иран приходится порядка 20% нефтяного импорта Китая). Следовательно, с учетом собственных долгосрочных энергетических перспектив Китаю не выгодно иметь «американизированный» Иран.

Отрицательная динамика усиливается во взаимоотношениях между Ираном и Израилем. Основные столкновения интересов имеют исторические корни и сосредоточены в геополитических противоречиях, которые усиливаются в связи с активными тенденциями геополитического блокирования в регионе «Большого Ближнего Востока». Кроме этого, имеет место конфликт на этнорелигиозной почве, так как Иран рассматривает Израиль как притеснителя законных прав арабов и оказывает

поддержку палестинским террористическим организациям. Израиль активно лоббирует нефтекоммуникационные проекты в Каспийском бассейне в обход Ирана с целью деактуализировать Исламскую Республику Иран (ИРИ) как нефтяного партнера для США. Вместе с тем Израиль осознает, что начало военных действий против Ирана в настоящее время может привести к необратимым последствиям. Вследствие этого Израиль, вероятнее всего, заинтересован в продлении сложившейся ситуации и сохранении статус-кво, так как:

1. Деятельность США, направленная на подрыв позиций Ирана в регионе, и постоянное напряжение иранского режима в связи с вероятной угрозой для своей национальной безопасности объективно подрывает усилия Ирана стать региональным «центром силы» в противовес Израилю.

2. Ситуативное желание сохранить статус-кво необходимо Израилю для осуществления планов Ариэля Шарона в Палестине, особенно сегодня, когда с чаши весов снят «фактор Арафата» и стороны пытаются прийти к урегулированию конфликта. В частности, осуществлен план по выводу израильских поселений из сектора Газы, а также имеются шансы реанимировать план «Дорожная карта». В случае же военной поддержки Израилем США есть реальная вероятность эскалации новой волны противостояния в арабо-израильском конфликте, учитывая предположительную связь Ирана с палестинскими террористическими группировками.

Напряженность во взаимоотношениях складывается между ИРИ и Турцией.

1. Конфликт интересов между Турцией и Ираном проявляется в региональном соперничестве на Кавказе, в Центральной Азии и в Каспийском регионе:

На Кавказе. Активная интеграция Турции с Азербайджаном представляет значительную внутри- и внешнеполитическую угрозу для Ирана (этнические азербайджанцы составляют порядка 30% населения Ирана). Кроме этого, существенное сближение позиций Турции и Грузии и ослабление позиций России в Грузии углубляет тенденцию по изоляции Ирана, так как без участия Грузии невозможно осуществить коммуникационные проекты «Юг – Север» и «Юг – Север – Запад», в которых заинтересован Иран.

В Центральной Азии. Распространение экономического влияния Турции на регион закладывает предпосылки к формированию приоритетных взаимоотношений со странами Центральноазиатского региона (ЦАР), что вызывает обеспокоенность со стороны Тегерана. Но при этом на сегодня Иран не претендует на широкое распространение своего влияния на этот регион, так как его геополитические амбиции сосредоточены пока исключительно на создании собственного жизненного пространства. Дополнительно Иран не намерен посягать на геополитические интересы России в Центральной Азии (ЦА). Хотя в перспективе Иран рассматривает Центральную Азию, в особенности ираноязычную ее часть, как составную будущего «иранского политического пространства».

В Каспийском регионе. Турция является основным конкурентом Ирана (кроме России) в развитии транспортно-энергетических нефтепроводов в регионе (нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан), которые пользуются поддержкой со стороны США в ущерб экономическим интересам стран региона и компаниям, ведущим разработку нефтяных месторождений на шельфе Каспия, так как иранский маршрут трубопровода представляется наиболее рентабельным и перспективным.

2. Конфронтация в рамках «исламского поля» – недовольство со стороны Ирана политикой интеграции Турции с Израилем, несмотря на складывающуюся тенден-

цию к охлаждению во взаимоотношениях. Тегеран обвиняет Стамбул в «измене» исламским принципам.

Глобальная стратегия США в области безопасности предполагает трансформировать Иран в страну-сателлит, нейтрализовав его возможность стать региональной державой в противовес американским геостратегическим и геополитическим интересам. С геополитической точки зрения Иран является связующим звеном между Ближним и Средним Востоком, Средней Азией и Индокитаем, Дальним Востоком, обеспечивающим связь Европы с Азией. С геоэкономической точки зрения Иран обладает колоссальным нефтяным потенциалом, имеет широкие транзитные возможности, а также располагает значительным и дешевым трудовым ресурсом.

США выражают свое недовольство Ираном по следующим пунктам:

- Сохранение заметных фундаменталистских элементов во внутреннем устройстве. В период правления экс-президента Ирана Мохаммеда Хатами, который принадлежал к блоку реформаторов, консервативные клерикальные круги в лице духовного лидера аятоллы Али Хаменеи де-факто сохраняли контроль над страной. Однако реформаторский настрой экс-президента относительно либерализовал политическое поле в Иране. Сегодня же, после прошедших в стране в июне 2005 года президентских выборов, на которых победил политик консервативного толка (бывший мэр Тегерана Махмуд Ахмадинежад), власть в Иране закрепила позиции духовенства.

- Стремление Ирана к региональному лидерству и ограничению присутствия в регионе глобальных игроков.

- Поддержка международных террористических организаций «Хамас», «Хезболла» и военизированных шиитских группировок на территории Ирака.

- Развитие ядерной программы. По данным американских разведслужб, Иран способен создать ОМУ в ближайший год в случае отсутствия сопротивления со стороны мирового сообщества. Разработка же Ираном ракетных и ядерных технологий в комплексе вызывает еще большую озабоченность, чем если бы эти разработки велись раздельно. Речь идет о модифицированном прототипе ракеты типа «Шехаб-3» – «Шехаб-4», созданных на базе северокорейской ракеты «Нодон», которая, как предполагается, при полете на высоте 250 км способна достигать территории Египта, Израиля, практически всей территории Южного Кавказа, Турции и Пакистана, всей Центральной Азии, западных регионов Индии и Китая, всех стран Персидского залива. В результате в радиусе действия этой ракеты оказываются Суэцкий канал, Черноморские проливы, нефтяные промыслы и важнейшие коммуникации в Персидском заливе и в Каспийском бассейне, практически все военные базы США и Великобритании в Восточном Средиземноморье, в Турции.

- Тесное сотрудничество Ирана с Россией и Китаем, а также рядом европейских государств в рамках «критического диалога» с ИРИ (германские и французские компании и банки сохраняют лидирующие позиции в иранском нефтегазовом комплексе). Это заставляет США критически подходить к решению иранской проблемы, так как, проводя политику изоляционизма и отказываясь от всякого сотрудничества с иранской стороной, США не имеют доступа к иранскому рынку, где укрепляются позиции других политических акторов. На сегодня они имеют несомненные преимущества в формировании своих отношений с иранской стороной. Данный факт противоречит стратегическим интересам США, направленным на контроль иранского рынка (он составляет не менее 40 млрд долларов, с учетом возможных

экономических и технологических потребностей Ирана), который представляет благодатную почву для развития бизнеса.

II. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ ИРАНА

В целом все нижеприведенные сценарии развития политики США в отношении Ирана являются лишь одной из попыток проанализировать различные перспективы развития иранского кризиса.

На сегодня можно предположить три основных варианта развития политики США в отношении Ирана:

- a. Сохранение дипломатического противостояния между Ираном и США.
- b. Разрешение иранского кризиса военным путем.
- c. Урегулирование иранской проблемы мирным путем.

а. Сохранение дипломатического противостояния между Ираном и США

Сохранение дипломатического противостояния между Ираном и США представляется наиболее реалистичным вариантом развития событий в краткосрочной перспективе (год-два года).

В рамках данной политики дипломатия США будет нацелена на ослабление позиций клерикально-консервативных кругов Ирана.

На начальном этапе осуществления данного варианта предполагается определенная консервация текущей обстановки в американо-иранских отношениях, при которой Иран проявляет одностороннее желание к прямому сотрудничеству. В этом контексте со стороны США предполагается оказание определенного давления на Тегеран, а также «работа» с международным сообществом с целью его склонения к американскому видению разрешения иранской проблемы.

Предположительно официальные и неофициальные меры Вашингтона, направленные на ослабление позиций консервативно-клерикальных кругов в Иране, будут сводиться к следующему:

- ♦ Поддержка со стороны США всех антиправительственных сил на территории Ирана: Иранский Совет Национального Сопротивления (оплот радикальной иранской оппозиции), Движение Национального Возрождения Южного Азербайджана (ДНВЮА), чья деятельность частично переплетается с экстремистскими тенденциями. Кроме этого, предполагается актуализировать использование потенциала иранских диаспор, с которыми налажены контакты. Ряд политиков и аналитиков из их числа представляются США как возможные претенденты на роль проамериканских политиков в Иране.
- ♦ Вовлечение иранской молодежи (она составляет 60% населения Ирана) в более активное участие в реформистском и либеральном движении, набирающем обороты в Иране.
- ♦ Установление американскими спецслужбами, исследовательскими учреждениями, общественными фондами, нефтяными и иными американскими компаниями регулярных связей и контактов с иранскими политиками, деятелями иранских СМИ и другие. Возможно установление контактов с военными кругами Ирана (предположение). Данные действия будут нацелены на создание конъюнктурного дисбаланса на внутривнутриполитическом поле Ирана.

- ♦ Проведение более развернутой кампании шпионажа. Программа ЦРУ предполагает вдвое увеличить количество собственных разведчиков-шпионов, внедряемых в страны, причисленные к «оси зла».

На международной арене политика США, вероятнее всего, будет выстраиваться в следующем ракурсе:

- ♦ Направление политики США на урегулирование взаимоотношений с европейскими союзниками, что позволит республиканской администрации легче манипулировать международным общественным сознанием по иранской проблематике. Кроме этого, несмотря на возникшие противоречия между сторонами в ЦАР, Вашингтон попытается проводить гибкую политику по отношению к крупным международным акторам (Россия, Китай), влияющим на иранский вопрос.

♦ Давление США на «европейскую тройку» с тем, чтобы в ирано-европейское Соглашение обязательно был включен пункт, в соответствии с которым против Тегерана автоматически будут введены международные санкции, если им будут нарушены обязательства, проистекающие из этого Соглашения. Учитывая, что в Совбезе данное решение может быть заблокировано Россией и Китаем, в Соглашение может быть включен другой механизм введения санкций: через ЕС, «большую восьмерку» и так далее.

- ♦ Возможно, из американских разведывательных структур будет периодически поступать информация с новыми данными об иранских ядерных разработках, тем самым нагнетая дипломатическое давление на эту страну. Не исключена преднамеренная утечка информации о планируемых военных планах Пентагона относительно иранского государства, преследующих такую же цель.

♦ Вашингтон предпримет попытки задействовать круг международных акторов – ООН, МАГАТЭ, МВФ для оказания давления на Иран. При этом Белый дом будет сконцентрирован на постоянном давлении на указанные международные институты, в особенности на ООН, с тем, чтобы их давление на Исламскую Республику усиливалось и было жестче.

♦ Нарращивание и демонстрация со стороны США военного потенциала в регионе. Есть основания полагать, что будут проведены очередные военные учения в водах Персидского залива, а также не исключено, что Соединенными Штатами будет развернут ряд новых программ по военно-политическому сотрудничеству США со странами региона.

Как показывает анализ, основные, «невоенные», итоги своего дипломатического противостояния с Ираном американская сторона видит в развитии ситуации по схеме применения блокады Ирана, которая может быть частичной или же полной. Ее воплощение возможно в случае передачи иранского досье в Совбез ООН. Многого будет зависеть от позиций России и Китая, обладающих правом «вето».

Основным поводом к принятию санкций может послужить отказ Ирана от сотрудничества с МАГАТЭ и тремя европейскими державами или же периодические нарушения иранской стороной достигнутых договоренностей, а также предоставленные американской стороной в Совбез ООН определенного набора разведанных о проведении иранской стороной тайных разработок ядерного оружия.

Маловероятной представляется идея организации «полной блокады» Ирана. Подразумевается не ограниченная политическая и частично экономическая блокада, а прямая пространственная блокада со стороны, прежде всего, соседних с ним государств региона. Однако осуществление данной блокады по идеальной схеме прак-

тически невозможно, так как ни европейские государства, ни Россия, ни Китай не согласятся с этой идеей. Такие страны, как Армения и Туркменистан, не решатся на этот шаг в связи с тем, что от экономических отношений с Ираном во многом зависит их жизнедеятельность. Кроме того, каждой стране, присоединившейся к блокаде, США должны будут предоставить компенсацию за данную политику, так как для многих стран региона Иран является важным экономическим партнером.

Более вероятным представляется применение локальных, детерминированных форм блокады. Вполне допустимо, что США попытаются привлечь к этому проекту и Россию, чьи отношения с Ираном могут быть ограничены в обмен на сокращение американского присутствия на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Таким образом, региональный аспект является важным в формировании американской политики в отношении Ирана.

В целом локальная блокада будет охватывать четыре основных аспекта.

1. Политический аспект. Иран может утратить значительную часть официально налаженных дипломатических отношений с рядом государств. Внешнеполитические связи Тегерана станут носить еще более скрытый характер и протекать в рамках неофициальных соглашений и договоренностей с рядом заинтересованных государств по стратегически важным для Ирана вопросам. К примеру, отношения Ирана с Грецией, Сирией, Арменией, Туркменистаном, Таджикистаном и другими странами более глубоки и разнообразны, нежели предполагают имеющиеся официальные договоры. Таким же образом развиваются отношения Ирана и с рядом государств Европы.

Во внутривосточной сфере иранское общество может, напротив, консолидироваться вокруг правящего режима, так как, по отдельным оценкам, до 80–85% населения либо поддерживают нынешний режим, либо не отрицают его необходимость.

2. Экономический аспект. Экономические санкции будут расширены за счет их официальной ратификации Совбезом ООН. Следовательно, западные, российские, японские и китайские компании, частично присутствующие на иранском внутреннем рынке, должны будут еще более ограничить свое торговое сотрудничество с Ираном. Основные экспортные статьи Ирана, помимо сырьевой, будут значительно ограничены в доступе на мировой рынок. Блокада Ирана может затронуть и казахстанско-иранское экономическое сотрудничество. К примеру, могут быть приостановлены или ограничены поставки казахстанского зерна в размере 1 млн тонн в год в Иран по схеме замещения SWAP.

3. Энергетический аспект. Предсказуем ввод эмбарго на поступления иранской нефти и газа на мировой рынок, в большей степени это скажется на китайских и западноевропейских импортерах. Появятся дополнительные ограничения для притока иностранных инвестиций в сырьевой сектор иранской экономики. В данном случае появится существенная вероятность того, что Республика Казахстан будет вынуждена остановить поставки казахстанской нефти до северных иранских портов на Каспии методом SWAP, что в какой-то степени ограничит развитие энергетического сектора Казахстана в Каспийском регионе, особенно при учете того, что объем поставок казахстанской нефти увеличивается с каждым годом.

4. Военный аспект. Военное сотрудничество Ирана с Россией и Китаем может быть ограничено санкциями ООН. Иран потеряет основных поставщиков военных технологий, что может привести к активизации Ирана как потребителя на мировом

«черном рынке» технологий и вооружений. Желание Тегерана создать ядерное оружие приобретет новые импульсы как единственное средство обеспечения национальной безопасности, а в дальнейшем и как инструмент давления на мировое сообщество с целью признать Иран в качестве полноценного участника международных процессов.

Применение блокады Ирана является наиболее выгодным для США вариантом развития иранского вектора американской политики в ближайшей перспективе, так как позволит США ослабить сложившуюся политико-экономическую базу сотрудничества Ирана с европейскими союзниками, Россией, Китаем, рядом государств региона, что отвечает интересам Вашингтона получить в перспективе приоритетный доступ к иранскому внутреннему рынку, включая энергетические ресурсы.

Применив блокаду, США ограничат внутри- и внешнеполитическое развитие Ирана, поставив его в жесткие рамки, что может подтолкнуть Тегеран к осуществлению нелегитимных проектов, операций и контактов в своей политике, ориентированной на сохранение национальных интересов. Учитывая такое развитие ситуации, блокада может стать одной из ступеней к осуществлению военного вмешательства в Иран с необходимыми санкциями Совбеза ООН, опять же при учете позиций России и Китая. В случае же, если они прибегнут воспользоваться правом «вето» по всем вышеназванным вопросам, касающимся Ирана, то это, с одной стороны, может привести к новому противостоянию, с другой же стороны, США могут начать военную операцию без каких-либо санкций Совбеза ООН, повторив иракский сценарий. Тем не менее последний сценарий представляется маловероятным, однако требует своего рассмотрения.

б. Разрешение иранского кризиса военным путем

Гипотетически претворение в жизнь данного сценария возможно в средне- или долгосрочной перспективе (через 1–2 г.). В то же время США могут без подготовки и предупреждений осуществить военную акцию в отношении Ирана, учитывая то, что главный фактор при проведении силовой акции – внезапность. Предпосылками к силовому урегулированию иранской проблемы может стать неэффективность применения комплекса дипломатических подходов и методов давления на Тегеран. Другой сопутствующий военному разрешению иранской проблемы фактор – это успешное завершение для США иракской кампании, после чего Вашингтон и Тель-Авив попытаются усилить нагнетание обстановки вокруг Ирана.

Военный сценарий объединяет два основных видения по разрешению иранской проблемы.

1. Изменение политики Ирана с помощью ограниченных военных акций.

В этом случае возможно применение двух подходов.

Первый подход предполагает нанесение удара с воздуха по вероятным ядерным объектам с целью оказать давление на руководство ИРИ, а также разрушить как можно больше военной инфраструктуры.

Успех по нанесению военно-воздушного удара по местам сосредоточения ядерных объектов Ирана во многом будет зависеть от точности разведанных США и ее главного союзника в регионе – Израиля.

Второй подход сконцентрирован на смене существующего режима, но без крупномасштабной операции, опираясь на действия спецподразделений. К данному процессу предполагается привлечь иранскую оппозицию. Данный подход является наи-

более вероятным, так как крупномасштабная военная операция сопряжена с рядом трудностей ввиду особенностей иранского государства. Дополнительно для США будет достаточно сложным втягиваться в еще один более масштабный военный проект. Кроме того, базовые элементы трансформации вооруженных сил США сосредоточены на усилении боевых способностей ВС на фоне значительного игнорирования такого важного аспекта, как подготовка американской армии к наведению порядка в поствоенных государствах. Данный шаг указывает на новую военную стратегию американского военного командования, где тезис о маловероятности широкомасштабных войн обычным оружием находит свое воплощение.

В случае провала операции по нанесению точечных ударов, а также операции спецподразделений США, это грозит превращением ограниченной военной акции в крупномасштабное военное противостояние со стороны Ирана со всеми вытекающими из этой ситуации последствиями расширения театра военных действий. Соответственно, в этой ситуации уже следует рассматривать полномасштабные военные действия на территории Ирана.

2. Вооруженное вторжение и оккупация Ирана

Этот проект предполагает полномасштабные военные действия на территории Ирана с целью смены существующего режима и создания модели слабого государства с марионеточным правительством, подверженным влиянию Белого дома.

Однако в тактическом смысле на фоне иракской войны в Иране американское командование столкнется с рядом сложностей:

- ♦ Площадь территории Ирана вчетверо больше территории Ирака. Она имеет сложный географический рельеф, сплошь представленный скалами.
- ♦ Население Ирана втрое больше населения Ирака. Иранское общество глубоко идеологизировано. Оно сумело совершенно четко отделить политические амбиции группировок и интересы национальной безопасности, что говорит о наличии в Иране испытанных механизмов саморегуляции и критических самооценок. Население Ирана в большинстве своем не разделено на религиозные исламские разветвления и фактически представлено лишь мусульманами-шиитами (95%), что делает его менее раздробленным и уязвимым.
- ♦ Проведение операции против Ирана невозможно без крупномасштабной военной мобилизации. Военные ресурсы в данном случае должны будут превышать затраченные на иракскую кампанию в два-три раза (на фоне недостаточности людских ресурсов для ведения боевых действий). Кроме того, на сегодня в американской армии налицо синдром «хронической усталости» от затяжной военной кампании в Ираке.

Военная операция

Вероятно, основной удар будет наноситься со стороны западных границ страны, поскольку от главных городов Ирана эту границу отделяет небольшое расстояние. В качестве важнейшей основы для осуществления данного сценария рассматриваются основные и вспомогательные базы американской армии вокруг Ирана, а также места дислоцирования американских ВМС в регионе:

- ♦ *В Афганистане.* Американское военное командование намеревается приступить к созданию военной базы в непосредственной близости от границы с Ираном, в западной провинции Герат, находящейся в 45-ти километрах от границы с Ираном на пересечении транспортных артерий, ведущих в Иран и Туркменистан.

- ♦ *В Турции.* Наиболее крупная база ВВС США в Турции – «Инджирлик», которая постоянно используется для патрулирования воздушного пространства около Ирана. Военные США рассматривают ее как место базирования самолетов F-117A Nighthawks, способных действовать ночью. При этом ВС США предоставлено право использовать ВВБ в Измире, а также ряд других военных объектов.

- ♦ *В Кувейте.* На территории страны находятся две базы США: «Аль Салем» и «Ахмед Аль Джабер», на которых могут быть размещены противоракетные комплексы Patriot и командный центр.

- ♦ *В Бахрейне.* Столица страны Манама – главная стоянка Пятого Флота США, располагающая пятью оперативными группами, в том числе соединениями эсминцев, амфибийно-десантных и минно-тральных сил. На авиабазе «Шейх Иса» базируются самолеты-заправщики. В Манама также размещен региональный передовой пункт управления Сил специальных операций ВС США.

- ♦ *В Катаре.* Военно-воздушная база «Аль Удейд» используется как база хранения вооружений, амуниции и военных материалов. В ее модернизацию за последние годы было вложено более \$150 млн. На взлетной полосе могут разместиться до ста боевых самолетов. Авиабаза «Аль-Удей» стала одним из основных воздушных операционных центров в регионе. Пентагон намерен закрепить этот статус. В частности, в сентябре 2003 года США закончили вывод войск из военной базы «Принц Султан» в Саудовской Аравии, а основные функции, возложенные на эту военно-воздушную базу, перешли к американским базам в Катаре.

- ♦ *В Объединенных Арабских Эмиратах.* Военно-воздушная база «Аль Дхарфра» является одним из важнейших складов горючего ВС США в этом регионе. Имеются небольшие склады для американских ВМС в Джебель Али, в качестве пункта материально-технического обеспечения ВМС США используют порт «Эль-Фуджейра», американские военные корабли и суда имеют право захода в порт «Абу-Даби». Имеется договоренность об аренде аэродромов «Рас-эль-Хайма» и «Эль-Фуджейра», которые по планам оперативного развертывания группировки военной авиации США в регионе предназначены для базирования тактической авиации и стратегических самолетов-разведчиков.

- ♦ *В Пакистане.* Возможно, США достигнут соглашения использовать военно-воздушные базы «Джакобабад», «Далбандин» и «Панси» для транспортных операций.

- ♦ *В акватории Персидского залива* имеются авианосцы, на вооружении которых находятся около 270 ударных самолетов и примерно 2 тыс. крылатых ракет «Томагавк» (Tomahawk). Именно они сыграли решающую роль на начальном этапе иракской операции.

При этом нельзя исключать возможности нанесения военных ударов по Ирану с военных баз, расположенных на территории Азербайджана. Прежде всего, имеется в виду Кюрдамирская военная база. С ее помощью можно оперативно реагировать и контролировать при необходимости территорию соседнего Ирана. Она может стать одной из основных точек базирования войск США.

С учетом вероятности реализации сценария военного вторжения и оккупации Ирана Совет Национальной Безопасности США еще в 2003 году приступил к подготовке плана масштабной силовой акции против ИРИ.

Военный план вторжения США в Иран, как представляется, будет иметь следующие основные контуры и реализован в три этапа.

На первом этапе предполагается нанесение массированного удара по военным базам и местам концентрации элитных иранских подразделений «Корпус стражей исламской революции» (КСИР).

Второй этап включает в себя нанесение ракетно-бомбовых ударов по предполагаемым иранским ядерным объектам и военным предприятиям. Данный этап представляется наиболее сложным, так как на территории Ирана имеется порядка 350 известных и неизвестных ядерных объектов. При этом нет точных данных по поводу того, какие из ядерных объектов наиболее важны и какие из них активны. Места дислокации ядерных объектов тщательно спрятаны под землей. В большинстве случаев они замаскированы под мирные объекты.

На третьем этапе планируется начать оккупацию Ирана сухопутными войсками. Наиболее вероятным государством основного базирования войск США в ходе операции против Ирана является Ирак. Несмотря на все сложности, которые на сегодня армия США испытывает в Ираке, некоторые западные эксперты отмечают, что тенденция американского правления по наращиванию военного контингента в этой стране связана с желанием США сосредоточить здесь больше войск с целью осуществления в перспективе интервенции в Иран. Однако сложность заключается в том, что большую часть населения Ирака составляют мусульмане-шииты, из-за чего военные действия против Ирана могут вызвать протестную волну внутри Ирака. Кроме того, ситуация в Ираке далека от стабилизации, и ее урегулирование не предвидится в ближайшее время. На фоне этого начало войны в Иране еще более расширит географию конфликтных неподконтрольных зон на территории Ближнего Востока, особенно с учетом территориального соседства этих двух стран.

В целом война в Иране может иметь следующие глобальные последствия как для США, так и для мирового сообщества:

- ♦ Наступление геополитического и геостратегического хаоса в регионе.
- ♦ Усугубление противопоставления исламского мира западному.
- ♦ Формирование глубоких предпосылок к деградации международного права (принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств).
- ♦ Окончательное падение роли ООН и других международных организаций в разрешении подобных конфликтов мирным путем.
- ♦ Создание реальной опасности для нарастания трансатлантических противоречий в случае начала войны без надлежащих санкций Совбеза ООН. Также под угрозой могут быть поставлены взаимоотношения США с Россией и Китаем.
- ♦ Усугубление арабо-израильского конфликта и иракского кризиса. Иран может нанести американцам ответный удар, используя иракских боевиков, а также террористические группировки на территории Палестины против Израиля как основного союзника США в регионе.
- ♦ Дестабилизация мирового нефтяного рынка и значительное повышение мировых цен на нефть. В подобных условиях увеличение военных расходов* и высокие цены на энергоресурсы станут неблагоприятным фактором для США, экономика которых в основном сосредоточена на импортировании сырья.

Помимо энергетического хаоса, в Персидском заливе удар по Ирану прямым образом скажется и на обстановке в Каспийском регионе и может нанести урон

* По оценкам многих американских экспертов крупных аналитических центров, полномасштабная военная операция против Ирана будет стоить американскому бюджету \$400–500 млрд, хотя Пентагон рассчитывает на меньшую сумму. К сравнению – фактический бюджет иракской кампании составил 150–200 млрд.

американским компаниям и региональным транспортным коммуникациям, что не отвечает интересам США. В данной ситуации могут пострадать практически все прикаспийские государства, в том числе и Казахстан. При учете того, что в энергосекторе Казахстана и Азербайджана американские инвестиции присутствуют в большей степени, нельзя исключать вероятности того, что американские компании, действующие в прикаспийской зоне этих стран, могут стать (в большей степени территория Азербайджана) военной целью иранской стороны. Вероятны удары со стороны Ирана по территории Турции, где расположены крупные американские военные базы, а также Израиля и Пакистана, что может привести к катастрофическим последствиям по периметру и периферии всего «Большого» Ближнего Востока, превратив и без того сложный регион в одну крупную зону конфликта.

В поствоенном Иране в случае смены режима США столкнутся с необходимостью решения ряда сложнейших задач, подобных тем, с которыми США пришлось столкнуться в поствоенном Ираке:

- ♦ Урегулирование социально-политической обстановки.
- ♦ Решение проблемы террористических атак.
- ♦ Для иранского народа будет характерно развертывание широкомасштабной партизанской войны.

Самым опасным вариантом развития ситуации может стать фактическое разделение Ирана на два или более государств. Гипотетически данный вариант развития ситуации выгоден Израилю, Турции и Азербайджану. В турецких политических кругах преобладает желание создать в северо-западных провинциях Ирана независимое, подконтрольное ей секулярное государство. Азербайджан не стремится афишировать свое негласное желание присоединить часть района иранского Азербайджана к своей территории, тем не менее способствует развитию деструктивных элементов в этом районе. Израилю как основному оппоненту Ирана в регионе со всех сторон выгодно стремление к созданию нежизнеспособного иранского государства. Однако эти страны не способны достичь своих целей без поддержки США, которые все же не являются сторонниками территориального расчленения Ирана в связи с опасностью непредсказуемых последствий:

1. Обрушение иранской этнополитической конструкции, что повлечет за собой образование ряда трудноконтролируемых очагов политической и военной напряженности.
2. Появление реальной опасности долгосрочного блокирования источников нефти и важнейших коммуникаций в Персидском заливе.
3. Распространение конфликта в соседние регионы и страны. При этом существует угроза создания радикально-тоталитарных режимов наподобие «Талибан» в Афганистане.

В данном контексте для Вашингтона наиболее выгодным является построение в поствоенном Иране сильного проамериканского режима с целью скорейшей стабилизации ситуации в стране.

с. Урегулирование иранской проблемы мирным путем

В целом сторонники дипломатического пути урегулирования иранского вопроса указывают на целый ряд факторов, апеллирующих к диалогу с Тегераном:

1. Исламская Республика Иран представляет собой внутренне сплоченное государство, отличающееся стабильностью развития и не находящееся на грани рево-

люционных волнений. В условиях не очень благоприятной внешнеторговой конъюнктуры Иран продолжает постепенными темпами модернизировать экономику.

2. На современном этапе в Иране происходят постепенные перемены в сторону создания условий для демократизации общества. Данный процесс носит сложный, с учетом национальных особенностей, но необратимый процесс. Постоянное же давление со стороны Америки на Иран может иметь обратный результат, заставляя спланировать население вокруг консервативно-клерикального режима, укрепляя его позиции. В случае же, если сторонники жесткого курса в Тегеране сами откажутся от налаживания мостов, они могут оказаться в изоляции как в международной, так и во внутренней, когда иранская общественность начнет самоотторгаться от правящего режима.

3. Иран заинтересован в экономических связях с США, так как опыт развития в условиях эмбарго и санкций со стороны Соединенных Штатов наглядно показал уязвимость иранской экономики от этих санкций и отсутствие других внешнеэкономических субъектов, способных полностью восполнить отсутствие США на иранском рынке.

4. В долгосрочной перспективе переориентация отношений с Ираном позволила бы расширить экономический доступ к энергетическим ресурсам Центральной Азии. Через территорию Ирана пролегают наиболее удобные транспортно-коммуникационные коридоры, по которым энергоресурсы из Каспийского региона могут транспортироваться и выходить на крупный мировой нефтяной рынок. Учитывая широкую представленность американских нефтяных компаний в данном регионе, транзитный потенциал иранского государства позволит им расширить транспортно-коммуникационное поле*.

5. Развитие американо-иранского сотрудничества является существенно важным фактором в деле стабилизации ситуации как в Ираке, так и в Афганистане:

а. В Ираке, помимо трудностей, связанных с охраной общей границы с Ираном, успех реконструкции в значительной степени зависит от отношений Вашингтона с шиитским большинством, существенное влияние на которое может оказать иранское шиитское духовенство. Пока же Тегеран имеет прямое отношение к усилению антикоалиционных сил сопротивления в этой стране через поддержку иракских и региональных террористических группировок. Это предположительно вызвано желанием Тегерана продлить на долгосрочный период конфликт в Ираке, с тем чтобы США надолго «увязли» в нем, тем самым отводя «огонь» от своей территории.

При возможности американо-иранского сотрудничества и в результате значительного снижения угрозы со стороны США, Тегерану не придется столь сильно опасаться стабилизации ситуации в Ираке по американскому сценарию.

б. В Афганистане представители бывшего Северного альянса, пользовавшиеся во время и после войны поддержкой со стороны Ирана и России, практически полностью контролируют силовые структуры. Хамид Карзай, пуштун по происхождению, является больше номинальным главой государства. Центральное правительство страны находится преимущественно под влиянием «северян». Помимо этого, Афганистан разделен на зоны влияния различных полевых командиров, большин-

* Со временем систему трубопроводов через территорию Ирана к Персидскому заливу можно было бы дополнить параллельными трубопроводами, протянутыми из Центральной Азии к Индийскому океану – через Афганистан и Пакистан с ответвлением на Индию. В результате серьезные экономические (а возможно, и политические) преимущества получили бы не только Южная и Центральная Азия, но и Дальний Восток, потребляющий все больше энергоресурсов.

ство из которых ориентируются на Тегеран и Москву. В данном контексте Вашингтон заинтересован если не в снижении геополитического влияния Ирана в Афганистане, то хотя бы в достижении нейтралитета при процессе централизации страны и усилении президентской власти. Поэтому основное содержание политической борьбы в Афганистане в ближайшем будущем будет определяться отношениями между США и Ираном.

6. Верховный лидер аятолла Али Хаменеи, часто принимающий сторону консерваторов, в конце прошлого года официально одобрил контакты на высшем уровне с властями США. Иранские сторонники твердой линии считают такие контакты лучшим способом снизить опасность военной интервенции в Иран.

7. Европейская «тройка лидеров» в переговорном процессе с Ираном достигла значительных результатов. В сотрудничестве с МАГАТЭ европейские страны настроены на более объективное и конструктивное урегулирование иранской проблемы, не ограничивая ее разрешение определенными жесткими сроками. Со своей стороны Иран не заинтересован идти на какие-то серьезные обострения отношений с международным сообществом, следовательно, руководство республики будет стремиться соблюдать свои обязательства по договоренности с «европейской тройкой».

Заслуживает внимания новая точка зрения так называемых экспертов-прагматиков, склоняющихся к альтернативному мнению, что максимум того, к чему должно стремиться мировое сообщество, – это отсрочка момента приобретения Тегераном ядерного статуса. ОМУ рассматривается Ираном как средство сдерживания в условиях неравных экономических возможностей, не позволяющих Тегерану успешно вести гонку вооружений в региональном разрезе с Турцией, Саудовской Аравией, Пакистаном и Израилем. Причем ряд из этих государств являются ядерными державами, представляющими опасность для Ирана. Кроме этого, существует реальная вероятность нанесения превентивных ударов по территории Ирана со стороны Америки без санкций СБ ООН. В случае отказа Тегерана от разработки ядерного оружия – это может привести к его полной незащищенности, так как развитие военно-технических сил Ирана глубоко разнится с военной мощью Америки и Израиля.

В то же время создание Тегераном ядерного оружия – дело времени, больше половины основного пути в данном направлении Тегераном уже пройдено. В случае консервации собственной ядерной программы, а позднее отказа от этого, Иран может создать ОМУ за кратковременный срок – полгода-год. При активных усилиях международного сообщества отсрочку создания Ираном ядерного оружия возможно продлить до 2012 года или даже еще на более длительный срок, когда ситуация в регионе не будет столь напряженной и провокационной: во-первых, уровень экономического развития и политической культуры заметно возрастет; во-вторых, возможно, эволюционным путем или, по крайней мере, без внешнего вмешательства в Иране возьмут верх демократические силы, что будет способствовать укреплению связей с международным сообществом, и тем самым уровень опасности применения ОМУ будет снижен до незначительного.

Достижение данной цели возможно в случае внутренней трансформации политики Ирана, процессу которой будет способствовать включение его в региональную систему безопасности. Иран, по их утверждению, необходимо «опутать» сетями сотрудничества и обязательств. Эта система должна состоять из накладывающихся друг на друга и взаимодополняющих подсистем, каждая из которых включала бы в себя как страны региона, так и одного или нескольких влиятельных междуна-

родных игроков – США, Россию, европейские страны. Тем самым Ирану будет предоставлен полный доступ к участию в региональных структурах, создано ощущение его лидерства в регионе.

Подводя итоги, следует отметить, что отношения США с Ираном носят квазистационарный характер. Представляют интерес механизмы усиления влияния США на Иран. Данные инструментарию можно подразделить на следующие направления:

1. Ограничение отношений Ирана с ведущими экономическими державами Запада, особенно в высокотехнологичной сфере, а также в инвестициях в иранскую экономику (недостаток иностранных инвестиций остается наиболее серьезным фактором сдерживания в экономическом развитии Ирана).

2. Тотальный геополитический шантаж Ирана Соединенными Штатами через создание пояса изоляции вокруг Ирана. США довольно легко манипулируют отношениями между Ираном и государствами регионов Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии, Южного Кавказа и другими (важным рычагом влияния на Иран имеет активность американской политики в отношении Ирака, Афганистана и Каспийского моря), обладая контролем над большинством государств этих регионов.

3. Поддержка таких государств, как Саудовская Аравия, Израиль, Турция, Узбекистан и Азербайджан, что заставило Иран втянуться в региональную гонку безопасности, которая предполагает огромные материальные затраты и тем самым ограничение экономического развития.

4. Вовлечение иранской диаспоры в США, насчитывающей 1,5 млн человек и относящейся к одной из наиболее организованных и состоятельных общин Америки, оказывает возрастающее влияние на Иран и его политику, в том числе имеет пропагандистское значение для иранской молодежи.

5. Привлечение проиранского лобби в США, имеющего беспрецедентно большое влияние, так как включает не только ведущие нефтяные компании, но и их представителей в Конгрессе и в администрации, становится важным фактором влияния на Иран и на иранское общество (по существу, иранцы увидели в этом лобби выразителей своих интересов).

Однако в складывающихся условиях начинает приобретать значительное влияние на США позиция европейских стран по разрешению иранской проблемы. Благодаря этому на сегодня ситуацию вокруг Ирана можно охарактеризовать как состояние шаткого политического равновесия.

Кроме этого, в США сформировались группа политиков и аналитические группы, выступающие за деидеологизацию внешней политики США и обеспечение большего прагматизма, в особенности касательно экономических приоритетов.

На сегодня политика Вашингтона в отношении Тегерана, несмотря на укрепление позиций в Белом доме жестких консерваторов, находится в состоянии ожидания и выбора возможных путей разрешения иранской дилеммы. Во многом американская позиция будет зависеть от внешних факторов, прежде всего от разрешения иракского кризиса и результата сотрудничества европейской «тройки стран» по предотвращению развития Ираном ядерных разработок.

Новым субъективным фактором, который уже сегодня заставляет США в определенной степени отстраниться от иранского кризиса, является ситуация в Центральной Азии и на постсоветском пространстве в целом, где Вашингтон столкнулся с жестким и конструктивным сопротивлением против своей политики в регионе, обострив отношения с Китаем, Россией и рядом центральноазиатских республик.

Не исключено, что «проблемы» Вашингтона в Ираке и в Центральной Азии могут подстегнуть иранское руководство к проведению менее сдержанной и более вызывающей политики по отношению к американской стороне. Вполне вероятны новые заявления лидеров ИРИ о возобновлении ядерных разработок в мирных целях, а также их критика в адрес политики администрации Дж.Буша на международной арене и, в частности, по отношению к Ираку. В данном случае иранский кризис может принять новые формы долгосрочного противостояния сторон до определенного решающего момента. В этой связи нельзя исключать и военной интервенции со стороны США, однако в меньшей степени.

В целом на сегодня, вероятнее всего, политика Вашингтона будет выстраиваться в ракурсе прежней жесткой критики Ирана. А, учитывая характер серьезных трений, наиболее предпочтительным сценарием развития американо-иранских отношений в предстоящие один-два года станет, скорее всего, хрупкий мир.

Механизм трансформации политических и социально-экономических противоречий в вооруженное столкновение

ФЕДОСЕЕВ С.Г.

Различные структурные элементы системы международных отношений формируют различные виды угроз и в целом определяют систему военных опасностей для каждого конкретного государства.

В этой связи следует заметить, что до относительно недавнего времени понятия «военная опасность» и «военная угроза» фактически отождествлялись. Единственное их отличие сводилось к тому, что в первом случае имелась в виду потенциальная возможность возникновения вооруженного конфликта, а во втором – непосредственная возможность такого конфликта. Подобное деление во многом было обусловлено объективными обстоятельствами периода «холодной войны», когда потенциальный источник военной опасности как бы был заранее задан.

В настоящее время, когда, с одной стороны, спектр военных опасностей значительно расширился, а с другой – как бы отсутствует конкретный вероятный противник, задача определения соотносимости и взаимозависимости военной опасности и военной угрозы существенно усложнилась. При наличии объективно всегда существующей военной опасности, но в условиях отсутствия определившейся военной угрозы государство и его вооруженные силы должны быть готовы отразить агрессию с любого из возможных направлений (по всем азимутам), и только при выявлении военной угрозы появляется возможность концентрировать основные силы на конкретном направлении (направлениях).

Таким образом, механизм трансформации политических и социально-экономических противоречий в вооруженное столкновение носит векторный характер, так как касается, главным образом, тех направлений, откуда могут исходить военные опасности и угрозы. Однако, помимо выявленного такого вектора для практики военного строительства, гораздо важнее иметь скалярные оценки.

В этой связи следует заметить, что в современной конфликтологии существует несколько более или менее разработанных подходов к научной идентификации ситуаций возникновения вооруженных конфликтов. В конечном итоге все они пытаются установить закономерности их фазового развития. Обобщая эти подходы, можно выделить шесть таких фаз: зарождение конфликта; значительное обострение социально-политической напряженности; начало отдельных конфликтных силовых действий; нарушение стратегической стабильности обстановки и широкомасштабное применение силы; дэскалация и завершение вооруженной фазы конфликта; восстановление мира.

Вполне понятно, что точкой отсчета процесса возникновения вооруженного конфликта выбирается нулевая фаза (мирное сотрудничество) – наиболее благоприят-

ный период развития общества, во время которого политические, социально-экономические и прочие противоречия разрешаются исключительно ненасильственными методами и средствами.

Однако, строго говоря, фазы зарождения и значительного обострения напряженности еще не могут быть отнесены к категории вооруженного конфликта, поскольку в них отсутствует элемент насилия. Поэтому их следует воспринимать как фазы мирного накопления различных противоречий, количество которых может перерасти, а может и не перерасти в качественно иную фазу – силовые действия. Таким образом, условия возникновения вооруженных конфликтов следует искать именно в этом фазовом переходе.

Если рассматривать условия возникновения вооруженного конфликта с позиций вероятностных оценок, то оптимальным вариантом описания фазового перехода от мира к войне стало бы выражение его в количественной форме, например, в десятибалльной системе. Однако переход военной опасности в вооруженное столкновение – столь сложное, многофункциональное явление, что оценить его конкретными цифрами, по крайней мере на современном уровне развития знаний, не представляется возможным. Поэтому более правильным, по-видимому, было бы выявить качественные показатели условий необходимости и достаточности для такого перехода.

Австралийский историк Дж.Блейни в книге «Причины войн» развивает мысль о том, что «войны не начинаются, если сражающиеся нации достигают соглашения в оценке своей относительной мощи, и возникают в том случае, когда вовлеченные в конфликт нации расходятся в этих оценках» [1]. Подобный «замер мощи» проводится по семи показателям: 1) оценка военной мощи и способности сторон эффективно применить ее на выбранном театре военных действий или в выбранном географическом районе; 2) прогноз поведения сторон в случае возникновения вооруженного конфликта; 3) определение степени внутренней общественной сплоченности сторон; 4) анализ способности населения учитывать или, наоборот, не учитывать факторы, связанные с негативными последствиями военных действий в различных сферах жизни; 5) исследование наличия экономических и других ресурсов для ведения войны предполагаемого масштаба, характера и интенсивности; 6) определение наличия националистических или идеологических факторов, оправдывающих в глазах общественности военное насилие; 7) оценка личных качеств и умственных способностей лидеров, которые принимают решения по вопросу войны и мира.

Следует отметить, что данный подход коррелируется с принятым в российской военной науке рассмотрением действий законов войны как зависимости хода и исхода вооруженной борьбы от: политических целей, экономических сил и возможностей сторон, соотношения боевой мощи их вооруженных сил, военного искусства и морального духа. При этом в обоих случаях ни один из исследуемых показателей не является преобладающим, определяющее значение имеет их сочетание.

Эти законы находят свою конкретизацию в более частных законах и закономерностях. Так, закон зависимости хода и исхода войны от ее политических целей, будучи связанным с общественно-политическим устройством государства, развивается в таком важном законе, как зависимость хода и исхода войны от морального потенциала страны. Ведь сама возможность ведения масштабной войны напрямую зависит от степени ее поддержки народными массами. «Если эта поддержка принимает всеобщий характер, война грозит обратиться в то, что, согласно еще Клаузевицу, она представляет собой теоретически: борьбу не на жизнь,

а на смерть, порожденную ненавистью» [2]. Истории известны примеры, когда моральный стресс и депрессия, охватывающие население государства в результате нападения врага и неудач в начале военных действий, превращались в нестигаемую волю народа перед лицом общей беды, что в конечном счете приводило к поражению агрессора.

Как отмечают некоторые аналитики, моральный фактор может определяться и воздействием милитаристской пропаганды, использующей для создания у масс необходимых настроений рыночных приемов, непосредственно заимствованных из торговой рекламы и маркетинга. Однако «настроения такого рода могут спадать, сменяясь противоположной оценкой реальности в тех случаях, когда война или милитаристские действия превращаются в нечто, угрожающее притязаниям людей» [3]. В этой связи следует заметить, например, что движение против войны во Вьетнаме началось в среде рядовых американцев лишь только в связи со значительным ростом потерь в американской армии, что стало рассматриваться как угроза для всего общества.

Вторым, наиболее общим законом войны, является закон о неразрывной связи ее хода и исхода с соотношением экономических возможностей сторон. При этом экономический фактор разными специалистами оценивается по-разному. Одни под ним подразумевают совокупную экономическую мощь страны, другие – ограничения, накладываемые на развитие вооруженных сил размерами бюджетных ассигнований.

Можно предположить, что шансов на победу во внутреннем вооруженном конфликте значительно больше у государства, чем у противостоящих ему структур, так как оно изначально располагает наибольшими экономическими возможностями. Однако на самом деле это не совсем так. Дело в том, что экономические потребности современной войны хотя и очень велики, но не безграничны. Их удовлетворение не требует всего объема производства. Иными словами, материально-технические потребности войны могут быть удовлетворены за счет части экономических возможностей. Отсюда следует, что слабейшая сторона, уступающая другой по основным показателям экономической мощи, совсем не обязательно будет обречена на поражение, однако только при условии, если эта сторона способна быстро мобилизовать необходимую для нужд войны часть своего экономического потенциала.

Более того, так как во внутреннем вооруженном конфликте государству (в единстве его институтов) противостоят внегосударственные субъекты (этнические, этнорелигиозные, политические, криминальные организации и движения как местные, так и трансрегиональные или даже международные), то формы и способы его ведения могут определяться, исходя из ситуации. Причем у противостоящей государству стороны всеобщая мобилизация и перестройка экономики может проявляться в виде принуждения воевать и незаконных реквизиций в масштабах одной деревни или маленького городка. Возникает своеобразный симбиоз воюющего и мирного населения, что характерно для гражданских войн. Постоянное перемешивание боевиков и мирного населения, независимость полевых командиров друг от друга и от собственных лидеров, мародерство, грабежи, контрабанда оружия – все это создает атмосферу демонстративного, можно сказать, принципиального отрицания любых законов войны, норм и правил. Бойцы легко становятся мирными гражданами и наоборот.

Подобные конфликты характерны для многих стран Латинской Америки и Африки. Кроме того, известны случаи, когда противоборствующими сторонами являются международные организации (ООН и НАТО) и полуправительственные армии (Югославия, Сомали).

Если классические войны обычно ведутся за захват и установление контроля над определенной территорией и проживающим на нем населением, то эти вооруженные конфликты преследуют множество частных целей. Так, межплеменная резня в Африке, Центральной Азии, Югославии и на Кавказе связана с перестройкой локальных систем этнического доминирования, осложненной легальными и нелегальными экономическими интересами, как в своем регионе, так и далеко за его пределами. Такие вооруженные конфликты, как правило, состоят из множества локальных столкновений, что обусловлено отсутствием взаимодействия между отдельными группами. В то же время в целом эти конфликты выходят за рамки «домашних проблем». При этом из-за внутренних междоусобиц государство все более теряет свой суверенитет.

Подобные «нетрадиционные» войны лишь разрушают существующие властные структуры и не создают новых, так как вряд ли можно считать государственным институтом диктатуру полевых командиров. Тем не менее в ходе развития подобного военного конфликта в их недрах может начать формироваться внегосударственная властная структура, признаваемая значительной частью населения, что означает ее легитимизацию (от латинского *legitimus* – законный).

Некоторые исследователи выделяют три уровня легитимности власти: идеологический, структурный и персоналистский [4]. Идеологический уровень легитимности основан на соответствии существующего в обществе режима власти взглядам и убеждениям народа. Структурный уровень отражает убежденность народных масс в законности властных органов и правовых норм. Персоналистский уровень непосредственно связан с одобрением народом действий конкретного властвующего лица.

Необходимо особо отметить, что легитимность власти совсем не обязательно означает ее юридическое оформление. Законность в оформлении легитимности власти определяет только ее легальность.

Когда ответственность за разрешение этнических, этнорелигиозных и политических проблем, возникших внутри государства, берет на себя легитимная, но нелегальная власть, военные столкновения с политически неоформленными структурами перерастают в борьбу с сепаратизмом, которая все более приобретает характер локальных войн, имеющих тенденцию к постоянному расширению.

В самом общем плане интегральный «замер мощи» по всем выше приведенным параметрам может быть осуществлен на основании того, как государство в целом обеспечивает такую коренную, первейшую потребность личности и общества, как их безопасность. Оно, государство, собственно и создавалось, прежде всего, для этого. Причем сама безопасность чаще всего рассматривается как состояние, характеризующееся отсутствием опасности, то есть факторов и условий, угрожающих их существованию. Для интегрального обозначения такой государственной системы безопасности относительно недавно было введено понятие «национальная безопасность» [5].

На протяжении многих десятилетий большинством стран мира национальная безопасность связывалась с военно-политическим противостоянием между Западом и Востоком, основанным на разделении стран и народов по идеологическим полюсам. При этом состояние национальной безопасности рассматривалось как результат осуществления оборонных мероприятий в целях защиты государства от враждебных актов и иных видов внешнего вмешательства. В США, например, эти мероприятия предусматривали: «достижение военного или оборонного преимущества над любым иностранным государством или группой государств; завоевание благоприятных позиций на международной арене; создание военного потенциала, способ-

ного успешно противостоять враждебным или разрушительным действиям извне или изнутри, открыто или тайно» [6].

После окончания «холодной войны», казалось, исчезли все побудительные причины для сохранения военных приоритетов в стратегии национальной безопасности. Стали звучать предложения исходить из того, что национальная безопасность является следствием усилий по достижению и сохранению международного мира и всеобщей безопасности. В качестве инструментов поддержания всеобщего мира (вполне в духе Канта) назывались демократия, взаимопонимание, международный арбитраж, разоруженческие процессы, национальное самоопределение, действенная система коллективной безопасности [7]. Понятно, что при таком подходе как бы заведомо исключалась возможность использования вооруженного насилия в качестве инструмента государственной политики.

Однако исчезновение глобальной военной конфронтации между Востоком и Западом привело, вопреки ожиданиям, к дестабилизации обстановки в различных регионах мира, контролируемых ранее двумя так называемыми сверхдержавами. Одновременно обнаружился и концептуальный вакуум в вопросе о том, каким образом новые факторы и условия должны находить свое отражение в принципах обеспечения национальной безопасности, так как ранее принятая схема выработки решений в этой области, когда сначала формулировались национальные интересы государства, затем определялись угрозы этим интересам, выработывалась стратегия по их парированию и, наконец, определялся состав и оснащение армии и других силовых институтов государства (как главных индикаторов состояния национальной безопасности), в новых условиях многим показалась надуманной и оторванной от жизненных реалий.

Соответственно, в стратегии (концепции) национальной безопасности большинства развитых стран мира стали вноситься существенные коррективы.

Следует заметить, что сама необходимость разработки особых документов по стратегии национальной безопасности впервые возникла в США в связи с нелинейным расширением сферы их национальных интересов, охватывающей сегодня практически весь земной шар и даже космическое пространство. Фактически именно в документах такого рода нашли официальное закрепление положения о необходимости защищать экстерриториальные национальные интересы США, которые имеют весьма слабую привязку к задаче защиты национальной территории.

Данное положение вошло в американскую политическую практику перед началом второй мировой войны в связи с осознанием стратегической неуязвимости страны. Именно тогда военно-политическое руководство Соединенных Штатов отказалось от ориентации на защиту своей территории и фактически на протяжении уже более 50-ти лет оперирует парадигмой «защиты интересов», то есть «проецирует» последствия проводимой ими политики за рамки национальной территории США.

Кстати, данный факт часто не учитывается правящими элитами тех стран, в которых при разработке стратегий (концепций) их национальной безопасности пытаются перенять этот элемент политической культуры США.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной в 2000 году, говорится, что это система взглядов на обеспечение безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. В преамбуле «Стратегии национальной безопасности», подписанной президентом США Б.Клинтоном в 1999 году, национальная безопасность страны определяется как «защита народа Соединенных Штатов Америки, территории и

образа жизни» (последний, надо это отметить, сам по себе является широким собирательным понятием).

Исходя из таких подходов, можно выделить наиболее важные факторы, определяющие безопасность всех перечисленных субъектов: для государства это будет территория, наличие органов и институтов власти, а также общепринятой нормативно-правовой базы; для общества – права, свободы и гарантии; для личности – факторы, определяющие ее физическое существование, питание, возможность продолжения рода; образ жизни следует связывать с ее укладом, то есть с исторически сформировавшимися и устойчивыми формами социального и индивидуального поведения, нарушение которых ведет к утрате национальной самобытности.

Указанные факторы правомерно считать жизненно необходимыми национальными потребностями. Именно национальные потребности, реализация которых является принципиально важной для самого существования государства, общества и каждой личности, составляют главный системообразующий элемент, определяющий национальную безопасность. При обеспечении минимально необходимого уровня национальных потребностей в области национальной безопасности начинают проявляться все новые и новые факторы, связанные с притязаниями на нарастающее национальное процветание, а в перспективе и устойчиво высокое национальное благополучие. Государство является инструментом движения вверх по этой своеобразной лестнице притязаний, совокупность которых принято называть национальными интересами [8].

Поэтому суть политических конфликтов, в том числе и с применением средств вооруженного насилия, возникающих из различий этих интересов, соперничества и борьбы социально-профессиональных, этноконфессиональных, элитных и иных групп, слоев, общностей и индивидуумов, в конечном итоге заключается в оспаривании у конкретного государства властных полномочий для того, чтобы осуществлять собственное движение по этой «лестнице притязаний».

Сам факт такого оспаривания у государства его властных полномочий говорит о существенном ослаблении его институтов. Таким образом, можно считать, что **необходимым условием для приведения в действие механизма трансформации социально-экономических противоречий в вооруженное столкновение является существенное ослабление государственных, и в первую очередь, силовых институтов.**

Логика современной вооруженной борьбы предполагает, что для ведения масштабных военных действий каждой из противоборствующих сторон должна быть создана собственная достаточно мощная и гармонично развитая экономическая база. Эта база должна позволять закупать или производить те средства вооруженной борьбы, материально-технического обеспечения и ведения пропагандистской работы, которые отсутствуют или могут иссякнуть в ходе военных действий, причем (если обеими сторонами ставится цель достижения военной победы) в сопоставимых масштабах.

Можно предположить, что государство всегда имеет возможность для создания подавляющего преимущества в материально-технической базе вооруженной борьбы над негосударственной структурой. Однако вооруженный конфликт, как правило, «не дорастает» до масштабов войны. Поэтому конфликты не являются «войнами по необходимости», то есть войнами, вызванными прямыми угрозами существованию государству [9]. Вооруженный конфликт является «войной по выбору», то есть войной, где, как первоначально представляется, не существует дейст-

вительной угрозы жизненно необходимым национальным интересам. Поэтому за-
действие для подготовки и ведения таких вооруженных конфликтов всей ма-
териально-технической базы страны вступает в противоречие с экономическими
задачами национального процветания.

В годы «холодной войны» тотальная гонка вооружений логически вытекала из
закона зависимости хода и исхода вооруженного конфликта от материального фак-
тора, проявляющегося в уровне производства оружия. Причем она была обусловле-
на не только субъективными факторами, связанными с идеологическим противо-
стоянием, но и вполне объективными причинами. Так, если вплоть до первой миро-
вой войны для ведения военных действий, как правило, хватало того оружия и тех
боеприпасов, которые были произведены и накоплены еще в мирное время, то две
мировые войны ярко показали качественную новую взаимосвязь между войной и эко-
номикой. Эта новая ситуация выразилась в том, что экономическое обеспечение
войны за счет запасов оружия и боеприпасов, созданных в мирное время, и текуще-
го производства одной только военной промышленности стало совершенно недо-
статочно, так как, во-первых, небывало увеличились и продолжали расти масшта-
бы, напряженность и длительность военных действий, что приводило к быстрому
уничтожению или изнашиванию военной техники, а во-вторых, обострилась борьба
уничтожению или изнашиванию военной техники, а во-вторых, обострилась борьба
убоюющих сторон за военно-техническое превосходство, за замену морально уста-
ревшей боевой техники новой, более перспективной. Поэтому рассчитывать на ус-
пех в первой и второй мировых войнах могло лишь то государство, экономический
потенциал которого в тесном взаимодействии с другими потенциалами способен
был обеспечить военные действия путем развертывания массового и непрерывно
растущего производства средств вооруженной борьбы. Причем требовалось еще и
постоянное сохранение военно-технического превосходства над противником, что
еще более увеличивало материальные потребности войны.

Известное положение о том, что военное производство основывается на произ-
водстве вообще, потребовало (для развертывания многочисленных армий и их ус-
коренного переоснащения новейшей техникой) развития базовых отраслей экономи-
ки как основы развертывания военного производства в случае войны. В результате
ведущие государства, участвующие в гонке вооружений, стали создавать еще и
мобилизационные системы подготовки к войне.

Такой путь неизбежно подрывал экономику конкурирующих стран, что в опреде-
ленной степени и стало главной целью всего процесса этой своеобразной экономи-
ческой войны. Конечно, вооруженным конфликтам в такой войне отводились лишь
частные, второстепенные задачи, например, в рамках уже упоминавшейся «strate-
гии непрямых действий», согласно которой предполагалось истощить противника и
привести к его краху как целостной политической системы [10]. Есть все основания
считать, что эта стратегия реализуется и в настоящее время путем создания сис-
темы значительного и устойчивого финансирования сил, противостоящих конкури-
рующему государству.

Таким образом, очередным необходимым условием для приведения в дей-
ствие механизма трансформации противоречий в вооруженное столкнове-
ние является наличие у противостоящего государству субъекта источни-
ков значительного и устойчивого финансирования.

Созданные в годы «холодной войны» мобилизационные системы обеспечили со-
здание и накопление огромного количества оружия, которого с лихвой хватает для

ведения масштабных вооруженных конфликтов не только государством, но и него-
сударственными структурами практически по всему земному шару.

В результате государство, вовлеченное в вооруженный конфликт, оказалось в
ситуации, когда любая противостоящая ему структура в системе международных
отношений (негосударственная, надгосударственная, государственная или внутри-
государственная) стала обладать в зоне конфликта соизмеримыми с ним, а иногда и
значительно превышающими военно-экономическими возможностями.

В качестве подтверждения вышесказанного, рассмотрим такой внегосударствен-
ный структурный элемент международных отношений, как «цивилизация».

Следует отметить, что «цивилизация» представляет собой сложившиеся на про-
тяжении веков нормы поведения, совокупность устойчивых представлений, миро-
воззрения, духовности, моральных и нравственных ценностей, определяемых рели-
гиозными традициями.

Поэтому в первую очередь следует говорить о религиозных цивилизациях. Круп-
нейшей цивилизацией, объединяющей в общей сложности более 1,5 млрд верую-
щих, является мусульманская, с которой связывается так называемый исламский
фактор. Мощь этой цивилизации объясняется аналитиками тем, что ислам объеди-
няет в одной триаде религию, образ жизни и идеологию [11].

Вполне очевидно, что, хотя каждая цивилизация и существует в рамках опреде-
ленных государств, их интегральную военную мощь нельзя оценивать путем ариф-
метического сложения военных потенциалов стран, формально входящих в их аре-
ал, хотя бы уже потому, что они все сразу в конкретный вооруженный конфликт не
могут вовлекаться. В противном случае он просто перерастет в мировую войну.
Тем не менее можно говорить о существовании в рамках этой цивилизации общего
военного потенциала. Так, факт проведения ядерных испытаний Пакистаном был
многими в мире воспринят как появление «мусульманской атомной бомбы».

Если говорить о такой внегосударственной структуре, как регион, то это понятие
обычно связывается с Европейским, Азиатско-Тихоокеанским, Ближневосточным
и Евразийским (базирующемся на территории бывшего СССР) регионами. Не тре-
бует доказательств то, что каждый из них обладает огромными военно-экономи-
ческими и военно-техническими ресурсами. Конечно, и из настоящего примера сов-
сем не следует, что эти огромные ресурсы могут быть целиком употреблены на
нужды какого-либо вооруженного конфликта, однако все же означает, что общая,
если так можно выразиться, военно-экономическая «питательная среда» вооружен-
ного конфликта чрезвычайно благоприятна. Притом изначально не ясно, кто из
конфликтующих сторон (государство или противостоящие ему структуры) имеет в
данной среде преимущества.

Если в качестве очередного примера взять такую политически оформленную
надгосударственную структуру, как блок НАТО, то и в этом случае потенциальные
военно-экономические и военно-технические возможности стороны, прямо или кос-
венно с ним связанной, будут значительно выше, чем у любого отдельно взятого
государства, вовлеченного с ней в вооруженный конфликт. Хотя и в этом случае
также очевидно, что такие возможности в принципе нельзя напрямую сравнивать
по формальным военным, экономическим и прочим показателям всего Североат-
лантического альянса.

Следовательно, необходимым условием для приведения в действие меха-
низма трансформации противоречий в вооруженное столкновение явля-

ется достаточное для вооруженного противостояния количество оружия и военной техники.

Всякие политические структуры, взявшие на себя ответственность за вооруженную конфронтацию с государством, стремятся к своей легитимизации для того, чтобы в дальнейшем претендовать на роль соответствующей правящей элиты. Поэтому последним в перечне, но очень важным необходимым условием является достаточное для вооруженного противостояния количество оружия и военной техники, а также наличие у вступивших в конфликт с государством структуры международной поддержки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Geoffrey Blainy. The Causes of War. 3rd ed. – N.Y.: The Free Press, 1988. – P. 293.
2. Ball, G. Diplomacy for Acrowded World. – Boston, 1976.
3. Ольшанский Д. Массовые настроения в политике. – М., 1995.
4. Мельников Ю. Легитимность как понятие // Власть. – Апрель, 1996.
5. Абдурахманов М., Баришполец В., Манилов В., Пирумов В. Основы национальной безопасности России. – М.: Друза, 1998.
6. Dictionary of Military and Associated Terms. – Department of Defense. JCS, 1989. – P. 244.
7. Военная сила. Размышления о ее свойствах и месте в современном мире. – М.: Наука, ИМЭМО, 1992.
8. Безопасность. Информационный сборник фонда национальной и международной безопасности. – 1994, №3 (19). – С. 91.
9. Freedman, L. The Future of Military Strategy // Brassey's Defence Yearbook 1996. – London: Brassey's (UK), 1996. – P. 7.
10. Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия не прямых действий. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957.
11. Исламский экстремизм как источник угрозы безопасности и государственной целостности Российской Федерации и других стран СНГ (аналитический доклад). – М.: Центр стратегического развития, 2000.

Перспективы формирования Союза центральноазиатских государств

РАХМАТУЛИНА Г.Г.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобализации и усиления угроз экстремизма и терроризма важное значение приобретает развитие регионального сотрудничества государств Центральной Азии, которые тесно связаны между собой системой экономических отношений.

Центральноазиатский регион (ЦАР) располагает богатейшими запасами минерально-сырьевых и водно-энергетических ресурсов, что предопределяет необходимость углубления интеграционного взаимодействия стран ЦАР в реальном секторе экономики. Кроме того, государства Центральной Азии обладают огромным транзитным потенциалом, эффективное использование которого станет важным фактором в формировании глобальной коммуникационной инфраструктуры региона.

Серьезной проблемой стран Центральной Азии является распространение угроз терроризма, экстремизма, незаконного оборота наркотиков. Поэтому важное значение приобретают объединение общих усилий и принятие государствами совместных мер в области укрепления безопасности региона.

Реализация указанных направлений предполагает, прежде всего, эффективное развитие регионального сотрудничества стран ЦАР. Поэтому Президентом Республики Казахстан Н.А.Назарбаевым выдвинута соответствующая инициатива по формированию Союза центральноазиатских государств, реализация которой в этих странах станет важным фактором устойчивого развития, повышения уровня конкурентоспособности национальных экономик и успешной интеграции их в мировое сообщество. В связи с этим актуальное значение имеет разработка механизма углубления интеграционного взаимодействия стран Центральной Азии и формирования в перспективе Единого экономического пространства.

I. АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центральноазиатский регион, в силу своего геополитического положения, имеет важнейшее стратегическое значение. В условиях интеграции в мировое сообщество представляется необходимой выработка четкой стратегии межгосударственного взаимодействия стран ЦАР и формирования в перспективе Единого экономического пространства. Важным этапом в реализации данного направления должно стать создание Союза центральноазиатских государств, что позволит решить многие проблемы экономического сотрудничества.

Следует отметить, что основными приоритетами в настоящее время являются вопросы формирования общего энергетического рынка, взаимодействия транспортных комплексов и развития транзитного потенциала, эффективного использования водных ресурсов, повышения продуктивности орошаемого земледелия и внедрения современных технологий в сельском хозяйстве.

Решение указанных проблем представляется, прежде всего, путем проведения государствами Центральной Азии согласованной экономической политики. Важное значение приобретает позиция таких государств, как Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, играющих ведущую роль во взаимодействии промышленных комплексов региона. Поэтому необходимо более подробно проанализировать уровень социально-экономического развития этих стран и основные проблемы интеграционного сотрудничества.

Таблица

Валовой внутренний продукт государств Центральной Азии
(в % к соответствующему периоду предыдущего года)

годы	Казахстан	Кыргызстан	Узбекистан
		86,1	89,0
1992	94,7	84,5	97,7
1993	90,8	79,9	99,1
1994	87,4	94,6	101,6
1995	91,8	100,7	102,4
1996	100,5	100,9	104,4
1997	100,7	102,3	104,4
1998	98,1	103,7	103,8
1999	100,7	105,4	104,5
2000	109,8	105,3	104,2
2001	113,5	99,5	104,4
2002	109,8	106,7	...
2003	109,2	107,1	...
2004	109,4		

Источник: информация Межгосударственного статистического комитета СНГ, Агентства Республики Казахстан по статистике.

В 90-е годы прошлого столетия все страны Центральноазиатского региона (в том числе Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан) пережили период глубоких структурных изменений, что отразилось на развитии их экономического потенциала. Во всех государствах в начале 1990-х годов наблюдался спад экономики, и лишь с 1996 года отмечается тенденция стабилизации и экономического роста.

Проведенный анализ структуры экономики государств позволил сделать вывод, что более 20% объема ВВП в этих странах приходится на промышленность. В частности, для Узбекистана и Казахстана приоритетными отраслями экономики являются горнодобывающая промышленность, черная и цветная металлургия, атомная промышленность, для Кыргызстана – гидроэнергетика.

Страны Центральной Азии имеют все условия для устойчивого развития, повышения конкурентоспособности национальных экономик, формирования в перспективе общего рынка товаров и услуг и успешного вхождения в мировое сообщество.

Необходимым условием реализации указанных целей является углубление интеграционного взаимодействия центральноазиатских государств, проведение согласованной экономической политики, принятие совместных действий в борьбе с терроризмом, экстремизмом, наркобизнесом.

Поэтому создание Союза центральноазиатских государств станет тем механизмом, который позволит эффективно решить все вопросы интеграционного сотрудничества в политическом и экономическом плане.

II. АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Анализ развития интеграционных процессов в рамках Центральноазиатского региона позволил определить следующие положительные тенденции регионального сотрудничества:

1. Сформирована нормативно-правовая база развития интеграционного сотрудничества государств в Центральноазиатском регионе.

Заключены договоры о вечной дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном.

30 апреля 1994 года между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном подписан *Договор о создании Единого экономического пространства*. Он заложил правовой фундамент экономического сотрудничества центральноазиатских государств и предполагал обеспечение свободного перемещения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и проведение согласованной расчетной, бюджетной, налоговой, тарифной, таможенной и валютной политики.

В целях реализации указанного Договора на межгосударственном уровне была разработана *Программа действий по формированию Единого экономического пространства*, где были определены меры по углублению интеграционного взаимодействия государств-участников во всех отраслях экономики.

В целях активизации интеграционных процессов в реальном секторе экономики на межправительственном уровне был подписан ряд соглашений и договоров по рациональному использованию топливно-энергетических и водных ресурсов региона, параллельной работе энергосистем центральноазиатских государств.

В социальной сфере утверждена *Программа сотрудничества в области миграции населения, по созданию правовых, экономических и организационных условий для свободного перемещения рабочей силы*. Реализация указанных документов будет способствовать формированию в перспективе общего рынка труда.

2. Создана организационная структура для углубления взаимодействия стран Центральноазиатского региона.

В целях реализации Договора о создании Единого экономического пространства созданы Межгосударственный совет, в состав которого входят главы государств и правительств, Советы премьер-министров, министров иностранных дел, обороны.

3. Расширяются связи государств Центральной Азии с международными организациями.

Углубленному анализу политических и экономических процессов, протекающих в Центральноазиатском регионе, способствовало сотрудничество государств – членов Организации «Центральноазиатское Сотрудничество» (ЦАС) с международными организациями (ПРООН, ЕЭС ЕС, ЮСАИД). На постоянной основе с ними проводятся конференции, семинары, встречи, выпускаются совместные издания. Актуальным проблемам интеграционного сотрудничества государств ЦАС посвящена Специальная программа ООН для экономик Центральной Азии, реализация которой станет важным этапом в углублении интеграционного взаимодействия стран Центральной Азии.

Однако вместе с тем следует отметить, что, наряду с некоторыми положительными тенденциями регионального сотрудничества стран ЦАР, в целом наблюдается существенное замедление темпов интеграционных процессов в Центральной Азии. **Нерешенными остаются следующие проблемы:**

1. Отсутствие механизма реализации принимаемых решений.

В ЦАС, так же как и в СНГ, по многим вопросам наблюдается несоответствие позиций государств-участников. Низким остается уровень выполнения принятых решений, и сами документы носят общий, рекомендательный характер.

В частности, проблемным остается вопрос рационального использования водно-энергетических ресурсов стран Центральноазиатского региона. В соответствии с указанным выше Соглашением об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья, государства Центральной Азии ежегодно заключают межправительственные соглашения, согласно которым Казахстан и Узбекистан принимают обязательства по гарантированным поставкам в Кыргызстан угля, топочного мазута и газа. Кыргызстан, в свою очередь, обязуется обеспечивать в вегетационный период хозяйства этих государств водными ресурсами.

Однако из-за невыполнения Узбекистаном и Казахстаном в полном объеме обязательств в соответствии с заключенными межправительственными соглашениями, тепловые электростанции Кыргызстана, в свою очередь, не могут обеспечить заданных электрических нагрузок, что приводит к дополнительной загрузке ГЭС Нарынского каскада, увеличению пропусков воды из Токтогульского водохранилища и уменьшению его объема, то есть механизм взаимных поставок воды и энергоресурсов практически не работает. Если практика срывов поставки энергоносителей будет продолжаться и в дальнейшем, то это приведет к снижению уровня Токтогульского водохранилища до критического, так называемого «мертвого объема».

Кроме того, в водной сфере также сохраняются противоречия между Казахстаном и Узбекистаном, связанные с превышением узбекской стороной оговоренных лимитов забора воды из реки Сырдарья в вегетационный период и проблемой ее загрязнения. Вопрос обеспечения водными ресурсами южных регионов Казахстана остается для республики одной из важнейших проблем, которая может привести к обострению и ухудшению межгосударственных отношений.

В целях совершенствования механизма рационального использования водно-энергетических ресурсов еще в рамках ЦАЭС был предложен проект создания Международного водно-энергетического консорциума, который, к сожалению, пока так и не вышел из стадии обсуждения. И стороны пока не приступили к активной его реализации.

В транспортной сфере – сохраняются проблемы, связанные с рациональным использованием транзитного потенциала государств ЦАР. Проводимая в ряде случаев казахстанской стороной не совсем гибкая железнодорожная политика (в основном тарифные условия) не способствует расширению торгово-экономических связей стран Центральной Азии. В связи с этим транспортными компаниями Узбекистана приняты меры по поиску альтернативных направлений транспортировки своих грузов. В определенной степени узбекская сторона решила возникшую проблему. Поэтому заинтересованность Узбекистана, например, в формировании Единого транспортного пространства в последние годы значительно снижена.

Существование множества нерешенных проблем и отсутствие согласованных действий всех сторон в их преодолении препятствуют развитию интеграционных процессов в данной области экономики. В частности, до сих пор не реализован проект создания Международного транспортного консорциума, функционирование которого способствовало бы формированию общей транспортной политики государств Центральной Азии, эффективному развитию их транзитного потенциала.

В аграрной сфере – также наблюдается несогласованность сторон в реализации отраслевой политики. В частности, Узбекистаном в середине 1990-х годов проводилась так называемая политика «зернового самообеспечения». Но климатические условия этой страны для выращивания зерновых культур значительно уступают казахстанским. Поэтому данное направление в аграрной политике Узбекистана заведомо является неэффективным. И государствам Центральной Азии следовало бы выработать более согласованные подходы в развитии аграрного сектора экономики, формировании регионального разделения труда и специализации сельскохозяйственных производств. Кроме того, странами Центральной Азии не используются благоприятные возможности для развития перерабатывающего сектора в пищевой промышленности и не принимаются меры по реализации проекта создания Международного продовольственного консорциума.

Указанные выше тенденции свидетельствуют о наличии серьезных проблем в развитии интеграционного сотрудничества государств Центральной Азии, несогласованности в проведении ими экономической политики, что противоречит принятым в рамках ЦАС договорам и соглашениям и, прежде всего, базовому Договору о создании Единого экономического пространства.

Отсутствие механизма реализации принимаемых на межгосударственном уровне решений становится основной причиной замедления интеграционных процессов в Центральноазиатском регионе.

2. Различный уровень экономического развития стран Центральной Азии.

Государства Центральноазиатского региона очень сильно различаются между собой по уровню экономического развития.

Наиболее устойчивые темпы экономического роста наблюдаются лишь в Казахстане, который по итогам прошлых лет и в настоящий период является одним из лидеров среди стран СНГ по темпам роста ВВП, объемов промышленного производства. В частности, темп роста ВВП в Казахстане в 2004 году, по данным Агентства РК по статистике, составил 109,4%, рост объемов промышленного производства соответственно 110,1%. По итогам I квартала 2005 года рост ВВП в Казахстане составил 109,1%, рост объемов промышленной продукции – 107,4%.

В связи с устойчивыми темпами экономического развития и создания благоприятного климата по привлечению иностранных инвестиций Казахстан первым из стран СНГ в 2002 году получил рейтинг инвестиционного уровня от международного агентства Moody's Investors Services, который в мае 2004 года был повышен по обязательствам в иностранной валюте с ВВ+ до ВВВ- и обязательствам в национальной валюте с ВВВ- до ВВВ.

Для других государств Центральной Азии характерны пока более низкие темпы экономического роста.

В Кыргызстане, например, в текущем году существенно замедлились темпы экономического развития. Если по итогам 2004 года темп роста ВВП в Кыргызстане составлял 107,1%, то в I квартале 2005 года ВВП возрос всего на 2% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. Это в три раза меньше, чем в I квартале 2004 года (рост ВВП в I квартале 2004 года составил 6,1%). По итогам пяти месяцев 2005 года рост ВВП в Кыргызстане по сравнению с соответствующим периодом прошлого года составил 3,3%. Объем промышленной продукции в Кыргызстане в I квартале 2005 года снизился и составил 95,3% (108% – в январе – марте 2004 г.), в январе – мае 2005 года снизился на 8,1% и составил 91,9%.

Основной причиной сложившейся ситуации в экономике Кыргызстана являются, во-первых, произошедшие политические события в этой стране. (В период беспорядков, по оценкам экспертов, экономика Кыргызстана ежедневно теряла более 1 млн долларов. Тысячи мелких и крупных местных предпринимателей потерпели огромные убытки. Закрывались магазины, вещевые рынки и другие объекты торговли и сферы услуг). И, во-вторых, неэффективная структура экономики республики, которая в основном представлена двумя отраслями: электроэнергетикой и золотодобывающей промышленностью.

Однако и в этих приоритетных секторах имеются серьезные проблемы. В частности, в электроэнергетической отрасли наблюдается сильнейший износ оборудования (80%), практически не вводятся новые генерирующие мощности и не осуществляется капитальное строительство. В золотодобывающей отрасли имеются проблемы по освоению месторождения Кумтор. Что касается неэффективной структуры экономики Кыргызстана, следует также отметить слабое развитие в республике перерабатывающего сектора (прежде всего, пищевой, легкой промышленности) и туристической сферы. Использование потенциала указанных отраслей с широким привлечением инвестиций способствовало бы проведению структурных преобразований в экономике страны, достижению устойчивых темпов роста.

Узбекистан сегодня – это объективно слабеющее государство. Уже в середине 1990-х годов в республике четко проявились признаки регрессивного развития со значительным ухудшением социально-экономической обстановки. Относительный экономический рост (ежегодный прирост ВВП в последние годы составлял от 4% до 8%, по итогам I квартала 2005 г. темп роста ВВП был равен 104,8%) имеет исключительно экстенсивный, ресурсопотребляющий характер.

Основными причинами, сдерживающими экономическое развитие Узбекистана, являются низкие темпы рыночных преобразований, высокий уровень государственного регулирования экономики, препятствующий развитию малого и среднего бизнеса в стране, отсутствие благоприятных условий для внешнего инвестирования, закрытость торгового режима, высокий уровень коррупции.

По оценкам международных финансовых организаций, официальные макроэкономические показатели в Узбекистане завышены, как минимум, в два раза, а декларируемый рост экономики в реальности не сопровождается качественным развитием. В частности, довольно низким остается жизненный уровень населения республики.

Таким образом, проведенный анализ современной ситуации в экономике государств Центральной Азии свидетельствует о различных темпах их экономического развития, что является сдерживающим фактором в углублении интеграционного взаимодействия стран ЦАС.

3. Различный уровень рыночных преобразований экономики в государствах ЦАР.

Другой основной причиной, сдерживающей развитие торгово-экономических отношений государств Центральноазиатского региона, являются различия в темпах реализации рыночных преобразований экономик этих стран, уровне государственного регулирования производственно-хозяйственной и финансовой сферы.

В Казахстане, например, приняты активные меры по реформированию экономики республики, повышению уровня ее конкурентоспособности. Поэтому Казахстан одним из первых среди государств Содружества признан Европейским союзом и Соединенными Штатами Америки как страна с рыночной экономикой.

В Узбекистане же формирование рыночных механизмов находится в начальной стадии. В частности, характерными чертами модели экономического развития республики являются эволюционный путь перехода к рынку (без «революционных скачков» и «шоковой терапии»), сохранение жесткого регулирования экономики, что становится определенным тормозом для устойчивого экономического роста этого государства.

Экономика Узбекистана становится все более закрытой для международной торговли и инвестиций. Создаваемые правительством благоприятные для внешнего инвестирования условия на практике не работают, и прежде всего в силу существующей непрозрачности принятия политических и экономических решений, закрытости торгового режима, высокого уровня коррупции и ряда других факторов. Давление международных финансовых организаций вынуждает руководство Узбекистана к проведению рыночных реформ и либерализации внешнеэкономической деятельности. Однако правительством используется преимущественно политика полумер: реформирование либо ограничивается начальным этапом, либо параллельно создаются такие условия, при которых проведенные экономические преобразования не имеют реальной значимости.

Реализация данной политики объясняется тем, что сегодня Узбекистан не располагает необходимыми средствами для финансирования реформ и минимизации первоначальных негативных последствий «шокового» периода в социальной сфере. Упущен тот момент, когда рыночные преобразования могли быть проведены с минимальными социальными последствиями. В связи с этим в Узбекистане сложилась такая ситуация, когда реформирование экономики, равно как и сохранение ее командно-административной модели, содержит вероятность серьезного обострения социально-экономической обстановки. Различия в темпах рыночных преобразований, моделях развития стран Центральной Азии приводят к ограничению взаимного доступа промышленного, торгового, финансового и страхового капитала на рынки государств-партнеров, снижению эффективности экономических связей, внедрению более глубоких форм и механизмов интеграции.

4. Неэффективное развитие взаимной торговли государств ЦАС.

Различия в темпах и масштабах экономической либерализации, низкий уровень экономического взаимодействия государств ЦАС стали основными факторами неэффективного развития взаимной торговли между ними. Росту товарооборота между странами Центральной Азии также во многом препятствует особая политика Узбекистана, которым предпринимаются различные меры по ограничению взаимной торговли: сокращение товарной номенклатуры торговых операций, изъятия из режима свободной торговли (например, изъятия в торговле с Казахстаном составляют более ста позиций) и, как следствие, установление высоких ставок импортных таможенных пошлин, акцизных сборов, запрета на экспорт ряда товаров, ограничений на регистрацию договоров между хозяйствующими субъектами государств ЦАС.

В результате торгово-экономические отношения между странами Центральной Азии ограничиваются преимущественно поставками энергоносителей и транзитом товаров. Взаимный экспорт и импорт промышленных товаров и продуктов питания имеет незначительные объемы. В частности, в товарообороте Казахстана страны ЦАС составляют всего 2%, что свидетельствует о нереализованном потенциале взаимной торговли государств Центральной Азии.

И хотя в развитии торгово-экономических связей стран ЦАС в последнее время наметилась положительная тенденция (в частности, в 2003 г. увеличение объема това-

рооборота между Казахстаном и Кыргызстаном составило 47%, в 2004 г. – 48,4%; с Узбекистаном соответственно 16% и 44%), экономический потенциал государств Центральной Азии позволяет поднять взаимный товарооборот на более высокий уровень. Следует отметить, что экономики этих стран по многим позициям дополняют друг друга, что создает возможность для расширения товарной номенклатуры во взаимной торговле государств ЦАС. И сложившееся положение свидетельствует о наличии многих нерешенных проблем в региональном сотрудничестве стран Центральной Азии.

5. Низкий уровень инвестиционной активности государств ЦАС.

Не получило существенного развития и внутрирегиональное инвестиционное сотрудничество, в том числе и в предпринимательском секторе. Так, по данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, из 3800 предприятий с иностранным капиталом (ПИК), созданных в 1999 году в Узбекистане, на долю Казахстана пришлось лишь 22, а их удельный вес в экспорте всех действующих в Узбекистане ПИК составил лишь 0,02%. С участием кыргызских инвесторов в Узбекистане было создано 12 таких предприятий. В общем объеме иностранных вложений в Кыргызстане доля казахстанских и узбекских инвестиций в конце 1990-х годов составляла соответственно 1,36% и 0,2%. В Казахстане с участием узбекского капитала создано 91 предприятие, кыргызского – 53, что в общей сложности составляет немногим более 9% всех действующих здесь предприятий с иностранным капиталом.

Таким образом, проведенный анализ деятельности ЦАС свидетельствует о том, что экономическое сотрудничество государств в рамках данного интеграционного объединения по многим вопросам существенно «пробуксовывает». Низким остается уровень реализации принимаемых решений, то есть ЦАС в настоящее время повторяет ошибки СНГ, где подписано много документов, но мало происходит действий, отчего документы остаются невостребованными.

Сдерживающими факторами в развитии регионального сотрудничества являются различные темпы экономических преобразований в государствах Центральной Азии, введение всевозможных ограничений во взаимной торговле, наличие высоких политических и экономических рисков инвестирования.

По многим вопросам выделяется особая позиция Узбекистана, без активного участия которого невозможно эффективное развитие интеграционных процессов в регионе. К сожалению, на практике решение вопросов развития кооперационных связей сводится не к взаимовыгодному сотрудничеству, а к взаимным опасениям и недоверию друг к другу.

Поэтому реализация инициативы создания Союза центральноазиатских государств должна рассматриваться через формирование реально действующей зоны свободной торговли, развитие предпринимательства и инвестиционного сотрудничества, проведение государствами ЦАС согласованной таможенной, налоговой и тарифной политики, гармонизацию денежно-кредитных и валютных отношений, принятие активных мер по унификации национальных законодательств.

Указанные направления, на наш взгляд, должны стать приоритетными при разработке механизма создания Союза центральноазиатских государств, предложения по которому представлены в следующем разделе.

(Продолжение следует)

Анализ экономического потенциала стран Северо-Восточной Азии: Китая, Японии и Республики Корея

НАМАЗБЕКОВ М.Н.

Тенденция усиления позиций стран Северо-Восточной Азии (далее – СВА) в мировой экономике является одной из актуальных проблем, обсуждаемых в экспертном сообществе. Главную роль в экономическом развитии Северо-Восточноазиатского региона играет группа стран, включающая Китай, Японию и Республику Корея.

Именно благодаря указанным странам, СВА с полным основанием рассматривается как один из трех основных, наряду с Северной Америкой и Западной Европой, мировых центров производства, торговли и инвестиций. При этом целесообразно отметить следующие факты, а именно:

- ◆ удельный вес СВА в мировом экспорте и импорте, составлявший в 1970 году в обоих случаях лишь около 9–10%, в 2004 году вырос соответственно до 27% и 21%;
- ◆ доля СВА в мировом объеме накопленных прямых иностранных инвестиций возросла с 1,5% в 1980 году, до более 15% в 2004 году.

В настоящее время можно с достаточной уверенностью утверждать, что последствия азиатского кризиса 1997–1998 годов, нанесшего значительный удар по экономике ключевых стран региона, в основном преодолены и потенциал их экономического роста восстановлен. Важнейшим катализатором структурных реформ стран СВА стало усилившееся проникновение европейского и американского капитала в форме как прямых, так и портфельных инвестиций.

Восстановление потенциала роста, структурные реформы и усиление на этом фоне позиций СВА в мировой экономике создают благоприятные условия для активизации по выстраиванию взаимовыгодных схем экономического сотрудничества. Актуализируется перспектива образования общерегиональной восточноазиатской зоны свободной торговли (далее – ЗСТ), впоследствии – восточноазиатского экономического сообщества.

Согласно экспертным оценкам, региональное сотрудничество в целом содействует становлению более справедливой модели глобализации, а также позволяет:

- **повысить сопротивляемость стран внешним экономическим проблемам** посредством эффективного расширения размера внутренних рынков;
- **создать условия, позволяющие воспользоваться глобальными возможностями.** Инвестиции в развитие навыков, инфраструктуры, в научные исследования, технологии и поддержку инноваций часто требуют критической массы усилий, которая быстрее создается на региональном уровне.

При этом целесообразно отметить, что развитие многостороннего сотрудничества, в частности в Северо-Восточноазиатском регионе, выражается в совместном

использовании Японией, Китаем, Республикой Корея наличных в регионе факторов производства: труда, капитала, земли, научных знаний и технологий.

В этой связи возникает необходимость в проведении предметного анализа сложившегося экономического потенциала стран СВА: Китая, Японии и Республики Корея.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Китай, согласно экспертным оценкам, является одной из самых быстрорастущих по темпам экономического роста в мире стран – около 9,5% в 2004 году (рисунок 1).

Рисунок 1

Источник: The Global Demographic Transition. World Economic Outlook. – September, 2004. International Monetary Fund.

Главными факторами экономического роста Китая являются:

- активная финансовая политика государства, продолжавшего инвестировать небольшие средства в развитие наиболее отсталых районов страны;
- прямые иностранные инвестиции (далее – ПИИ), превысившие 50 млрд долларов США;
- рост внутреннего спроса, прежде всего, на недвижимость, автотранспорт и услуги туризма;
- быстрые темпы роста экспорта в результате вступления в ВТО (основными статьями экспорта являются продукция машиностроения и электроники).

Также целесообразно выделить членство Китая в ВТО, которое положительно сказалось не только на развитии экспорта, но и на развитии внутренних рынков современной продукции, ориентированных на иностранные технологии и зарубежный капитал.

В целом в экономической политике Китая при сохранении прежних приоритетов (структурная перестройка на основе научно-технических инноваций, ПИИ, экспорт) особая ставка сделана на рост внутреннего частного спроса, а также на постепенную либерализацию и приватизацию финансового и промышленного секторов экономики.

МИНЕРАЛЬНО-РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Китай располагает богатыми запасами минеральных ресурсов: каменного угля, железной руды, нефти, природного газа, сурьмы, вольфрама, олова, меди, свинца, цинка, марганца, ртути, молибдена, урана и другими полезными ископаемыми, долгое время позволявшими ему осуществлять самодостаточное развитие.

Однако в экспертных кругах Китая весьма сдержанно относятся к оценке собственных запасов природных ресурсов: в ратифицированной Постоянным комитетом Госсовета КНР в марте 1994 года крупной работе «Повестка дня для Китая в

XXI веке» говорится, что если в целом Китай располагает богатыми земельными и минеральными ресурсами, то на душу населения их приходится значительно менее мирового среднестатистического уровня. Разведанные запасы минерального сырья недостаточны для поддержания стабильно высоких темпов экономического роста в КНР.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

В 2003 году население Китая составило около 1,287 млрд человек, или порядка 22% населения планеты Земля.

За последние два десятилетия режим воспроизводства населения в Китае изменился коренным образом. По показателю естественного прироста населения Китай можно отнести к категории развитых стран: в частности, ежегодный естественный прирост населения снизился до менее чем 1%, а средняя продолжительность жизни превысила 70 лет (таблица 1). Такая ситуация является следствием, с одной стороны, проводимой государством жесткой демографической политики, а с другой стороны, улучшения материального положения людей и их медицинского обслуживания.

Таблица 1

Основные показатели демографической ситуации в Китае по оценкам 2003 года

Население	1 286 975 468 человек	
Половозрастная структура населения	0–14 лет: 23,1% – 155 473 656 мужского пола; 141 737 406 женского пола; 15–64 года: 69,5% – 461 223 219 мужского пола; 433 154 970 женского пола; 65 лет и более: 7,4% – 44 954 643 мужского пола; 50 431 574 женского пола	
Естественный прирост населения	0,6%	
Рождаемость	12,96 человек на 1 тыс. человек населения	
Смертность	6,74 человек на 1 тыс. человек населения	
Средняя продолжительность жизни	72,22 года: у мужчин – 70,33 года; у женщин – 74,28 лет	

Источники: <http://www.cia.org> // Сайт ЦРУ, раздел: the World Fact Book; <http://www.chinatoday.com> // Информационный сервер Китая.

Демографическая проблема всегда находилась в центре внимания китайского правительства. Начиная с августа 1956 года, правительство целенаправленно осуществляет контроль за численностью населения, а именно:

- молодым людям запрещается вступать в брак до достижения 20-ти лет;
- супружеским парам разрешается иметь не более одного ребенка (за исключением представителей национальных меньшинств, для которых планка поднимается до уровня двух детей).

В то же время следует выделить ряд негативных последствий демографической политики, в частности:

- относительное сокращение трудоспособного населения, на которое ложится все более тяжелая демографическая нагрузка;
- нарастающее недовольство граждан вмешательством государства в личную жизнь каждого гражданина.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

При анализе промышленного потенциала целесообразно отметить, что за последнее десятилетие Китай занимает одно из ведущих мест в мире по ряду ключевых промышленных показателей: от добычи угля и сырой нефти, производства цемента, стали, химических удобрений, выработки электроэнергии до выпуска хлопчатобумажных тканей, одежды, шерстяных, трикотажных изделий и телевизоров.

Большое внимание китайское правительство уделяет развитию базовых отраслей промышленности, традиционно оказывающих определяющее воздействие на экономическое развитие страны. За последние три года рост объемов промышленного производства в Китае составил более 50%.

В 2003 году объем промышленного производства вырос более чем на 17% по сравнению с 2002 годом и составил около 45 млрд долларов США (в 2002 г. – порядка 37 млрд долларов США). Это достигнуто за счет увеличения промышленного производства в электронном, машиностроительном и автомобилестроительном секторах (рисунок 2).

Рисунок 2

Рост промышленного производства в первом полугодии составил порядка 17%, преимущественно за счет роста производства продукции тяжелой промышленности (18,5%). Увеличение объемов производства в легкой промышленности составило более 15%.

В целом в промышленном производстве наблюдается устойчивая тенденция к росту, темпы которого остаются весьма высокими, несмотря на предпринимаемые правительством страны меры по сбалансированию экономического развития и предотвращению кризиса «перегрева» отраслей экономики.

ТОРГОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Динамика развития торгового потенциала Китая характеризуется высокими темпами роста, к примеру:

- с 1978 по 2003 год экспорт Китая увеличился более чем в 44 раза: от 9,75 до 437,9 млрд долларов США, а рост импорта – в 38 раз: от 10,89 до 413,1 млрд долларов США;
- отношение объема внешней торговли к объему внутреннего производства выросло в 4 раза (от 10 до более 40%);
- общий объем внешней торговли – от 20,64 до 851 млрд долларов США, что обозначило шестое место в мире по общей стоимости экспорта и импорта.

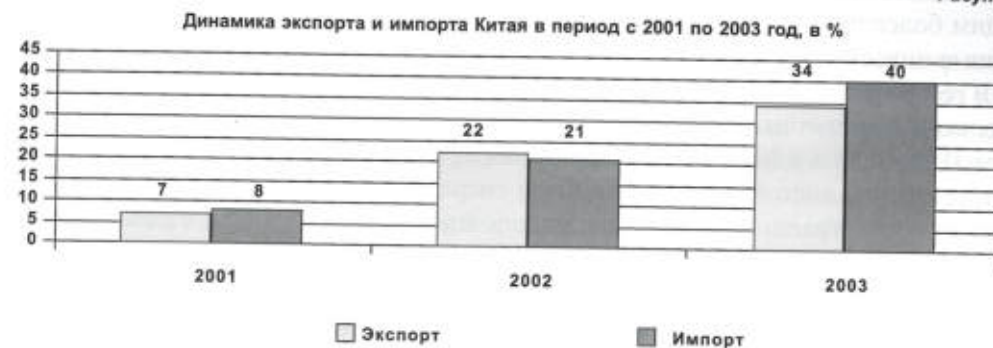
Рост экспорта Китая в 2003 году составил 34%, а импорта – 40% (рисунок 3). Главными торговыми партнерами Китая являются Япония, США, страны ЕС и АСЕАН.

Основными статьями экспорта Китая является промышленная продукция: так, доля промышленных товаров в общем объеме экспорта увеличилась с 49% в 1980 году до около 90% в 2003 году.

Традиционный китайский экспорт представляют в основном трудоемкие товары, такие, как: одежда, обувь, ткани и текстильные изделия, различные виды промыш-

ленной и сельскохозяйственной продукции, мебель, пластмассовые изделия, а также морепродукты, зерновые, овощи, фрукты и другие.

Рисунок 3

Источник: International trade statistics-2004. WTO. – August, 2004. – P. 98.

Основными статьями китайского импорта являются специализированное промышленное оборудование, электрические приборы и запасные части к ним, телекоммуникационное оборудование, прочее промышленное оборудование в сборе и частями, железо и сталь, необработанные пластмассы, нефть и нефтепродукты, текстильное волокно, ткани и удобрения. Достаточно высокие темпы роста экспорта обуславливаются активной государственной политикой его всяческого стимулирования.

Таким образом, ключевым для реализации и дальнейшего развития торгового потенциала Китая является вопрос повышения его конкурентоспособности, а именно создания новой – с целью заменить либо дополнить традиционный экспорт одежды, текстиля и игрушек – группы высококонкурентных трудоемких изделий массового спроса, таких, как телевизоры и холодильники, а также освоения капиталоемких и наукоемких производств.

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

В развитии инвестиционного потенциала Китая большую роль играет привлечение иностранного капитала, предназначение которого заключается в следующем:

- восполнение недостатка внутреннего капитала;
- улучшение инвестиционного климата;
- создание механизма конкурентной борьбы и приобретение передового опыта управления и современных техники и технологий.

По данным Министерства торговли Китая, объем ПИИ в Китай в 2003 году составил порядка 53,5 млрд долларов США (в 2002 г. – 52,7 млрд долларов США). Эти показатели свидетельствуют о лидирующей позиции Китая на мировом рынке ПИИ.

Среди всех форм привлечения иностранного капитала наибольшая доля принадлежит совместным предприятиям Китая с зарубежными странами. В частности, в период с 1980 по 2003 год на совместные предприятия приходилось свыше 60% всех предприятий с участием иностранного капитала, около 50% общего объема инвестируемого иностранного капитала в соответствии с подписанными соглашениями и более чем 55% общего объема фактически использованных иностранных инвестиций.

Вставка 1

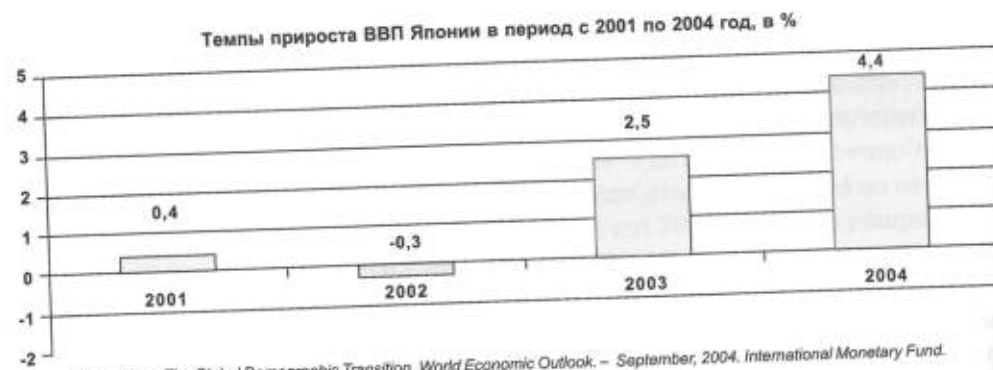
На сегодняшний день в Китае создано 70 с лишним научно-технических зон для специалистов, получивших образование за границей, где более 15 тыс. возвратившихся на родину специалистов создали свыше 4 тыс. предприятий. О значимости таких зон в ускорении разработки высоких и новых технологий и внедрении научно-технических достижений в производство свидетельствует тот факт, что лишь в одной Чжунгуаньцуньской зоне освоения высоких и новых технологий в Пекине действуют более 1800 предприятий, созданных специалистами, получившими образование за границей.

Источник: www.polpred.com.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯПОНИИ

По итогам 2004 года прирост реального ВВП в Японии составил 4,4%. Это рекордный уровень с 1990 года (рисунок 5).

Рисунок 5

Основное влияние на динамику ВВП Японии оказала активизация инвестиционной активности. На долю инвестиций в основной капитал пришлось более 55% всего прироста ВВП. На втором месте (около 43%) оказался экспорт товаров и услуг (вклад чистого экспорта равен порядка 27%). Вклад потребительского сектора составил более 25%. Государственные расходы в Японии имеют тенденцию к снижению, поскольку эта политика является сознательным выбором правительства.

Состояние и перспективы развития японской экономики, согласно официальной информации, являются достаточно оптимистичными.

Так, в докладе о состоянии японской экономики, представленном Министерством финансов Японии на встрече министров финансов G7, указывается, что в стране с начала 2004 года наблюдаются уверенное укрепление внутреннего спроса и повышение корпоративных прибылей. Благодаря этому доля компоненты потребления в структуре роста ВВП постоянно увеличивается, в то время как чистого экспорта – снижается, что фактически означает: зависимость экономического роста Японии от конъюнктуры мировых товарных рынков становится менее выраженной.

В целом увеличение темпов экономического роста в определенной степени связано с реализацией Плана экономического развития Японии в период с 1998 по 2008

год. Данный план разработан Советом по экономической стратегии Японии и предусматривает перестройку экономики и финансовой системы в три этапа.

Первый этап (1998–2001 гг). Проведение фискальной и денежной политики, которая способствовала снижению прессинга дефляции.

Второй этап (2001–2002 гг). Отмена практики стимулирования экономики с помощью фискальных мер.

Третий этап (2002–2008 гг). Проведение нейтральной денежной политики с целью реструктуризации дефицитной системы финансов. В рамках этого этапа предусматриваются сокращение государственных расходов и продажа значительной части государственной собственности.

МИНЕРАЛЬНО-РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Минерально-ресурсный потенциал Японии незначителен. В стране имеются сравнительно большие запасы лишь битуминозного каменного угля, серы, меди, цинковой руды. Но месторождения в основном малы и труднорабатываемы, высокая капиталоемкость разработок делает импорт довольно дешевым, гораздо более выгодным, что подтверждается постепенным закрытием шахт в стране.

Добываются также в незначительных количествах: железная руда, руды цветных и редких металлов, каменная соль.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Япония занимает первое место по показателю плотности населения – около 334 человека на квадратный километр (в США – 28 человек на квадратный километр, а в Великобритании – 238).

Население страны составляет около 125 млн человек, что позволяет Японии войти в первую десятку стран мира по численности населения. За последние 100 лет ее население увеличилось в три раза. Япония отличается исключительной национальной однородностью (99% японцев).

В стране очень высок уровень урбанизации – более 76% населения проживает в городах. По уровню урбанизации государство вышло на первое место в мире. Сельское население непрерывно сокращается. Высокий уровень урбанизации проявляется не только в большем количестве горожан, но и в том, что основная часть их сосредоточена в обширных городских агломерациях.

Также следует отметить, что в Японии самый низкий показатель детской смертности. Соотношение мужчин и женщин в населении Японии почти равно единице. Уровень рождаемости (на 1000 человек) – 10. Уровень смертности (на 1000 человек) – 7.

В целом население страны отличается самой высокой в мире средней продолжительностью жизни (77 лет – мужчины, 82 года – женщины). Однако в последние годы процесс «старения» населения как результат снижения рождаемости и роста продолжительности жизни становится острой проблемой для японского правительства.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

На долю Японии приходится около 12% мирового производства промышленной продукции. Рост промышленного производства в 2004 году составил порядка 5,5%. При этом необходимо отметить основные меры, предпринимаемые правительством Японии в целях оживления промышленности, в частности, разработанные

Министерством внешней торговли и промышленности Японии в конце 1990-х годов «Основные направления оживления деловой активности в промышленности Японии». В рамках данного документа предусмотрено:

- создание новых видов деятельности и рабочих мест;
- упрощение процедуры регистрации и гарантий при получении кредитов с тем, чтобы бывшие чиновники и лица без должного опыта могли получить необходимые средства для начала нового бизнеса;
- создание инновационного НИИ по поддержке мелких и средних предприятий для обеспечения их последними технологическими разработками;
- снижение реальной налоговой ставки для японских корпораций с 46,3% до уровня передовых западных стран – 40,8%;
- создание системы гарантированных кредитов и выпуска акций для поддержки организации нового бизнеса на дочерних компаниях;
- ускорение создания Программы развития развивающихся 15-ти секторов промышленности;
- стимулирование развития технологий по защите окружающей среды, в частности, связанных с явлением общего потепления климата, переработкой вторичного сырья и отходов и снижением выбросов токсичных веществ;
- предоставление информации по развитию биотехнологий и генной инженерии (отраслей, где Япония отстает от передовых стран);
- изменение в системе налоговых стимулов для поощрения инвестиций частного сектора в НИОКР;
- ускорение развития интеллектуальной инфраструктуры;
- инвестиции в передовые системы логистики, продвижение передовых ИТ с целью повышения качества системы распределения продукции в Японии, включая такие системы, как Интеллектуальная система распределения.

В целом для японской промышленности характерен сдвиг от добывающих и тяжелых отраслей к наукоемким. При этом особую роль в промышленности играет автомобилестроение.

ТОРГОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Япония на сегодняшний день сохраняет традиции третьей страны-экспортера после США и Германии, однако по многим направлениям внешнеэкономической деятельности стала лидером.

За последние 50 лет физический объем экспорта Японии увеличился более чем в 70 раз, его темпы почти в 2 раза опережали прирост мирового экспорта. В обороте мировой торговли на долю Японии приходится более 7% (2003 г.). При этом надо отметить, что Япония обладает около 13% мировых золотовалютных резервов.

На первых этапах экономического развития структура производства предопределила большую зависимость Японии от развивающихся стран – около половины ее экспорта и свыше 40% импорта. Рост экспорта Японии в 2002 году составил 13%, а импорта – 14% (рисунок 6).

Юго-Восточная Азия и страны Персидского залива остаются главным рынком поставок энергетического сырья. Поставки рудного и химического сырья в последние десятилетия локализуются в промышленно развитых странах: Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Важной особенностью географической структуры внешне-торговых связей является их концентрация на США.

Рисунок 6

Источник: International trade statistics-2004. WTO. – August, 2004. – P. 98.

О степени вовлеченности страны в мировую торговлю принято судить по экспортным и импортным квотам ее экономики. Экспортная квота Японии составляет 10,5% ВВП, а доля импорта во внутреннем конечном потреблении – 10,4%. Эти значения более чем вдвое ниже соответствующих показателей для всех крупных стран Западной Европы и близки к внешнеторговой квоте США. Более подробное представление о характере участия Японии в мировой торговле дает товарный состав ее экспорта и импорта (таблица 2).

Таблица 2

Товарный состав внешней торговли Японии в % к итогу 2003 года

Основные статьи	2003
Экспорт	
1 Продовольствие	0,5
2 Промышленные полуфабрикаты	18,4
3 Производственное оборудование	59,8
4 Потребительские товары кратковременного пользования	0,8
5 Потребительские товары длительного пользования	17,7
6 Прочие	2,8
Импорт	
1 Продовольствие	13,7
2 Промышленные полуфабрикаты	43,3
3 Производственное оборудование	24,0
4 Потребительские товары кратковременного пользования	8,1
5 Потребительские товары длительного пользования	8,6
6 Прочие	2,3

Источник: World Development Indicators.

Что касается экспорта и импорта продукции, то необходимо учесть то, что Япония экспортирует: машины и оборудование, электронику, металлы и металлоизделия, химические продукты, железо и сталь, текстиль в такие страны, как США, Республика Корея, Тайвань (электрооборудование), Сингапур (железо и сталь), Китай, Германия, Таиланд, Малайзия, Великобритания.

Импортирует: промышленность и сырье, полуфабрикаты, топливо и продовольствие, машины и оборудование, химическую продукцию из таких стран, как США, Канада (машины и оборудование), Китай (продукты химии), Республика Корея (продукты питания), Австралия (продукты нефтехимии), Тайвань, Индонезия, Германия.

Как видно из приведенных данных, в экспорте снижается значение промышленных полуфабрикатов (это, главным образом, стальной прокат и химические продукты). Бытовая электротехника и электроника, легковые автомобили больше не определяют лицо японской внешней торговли – их место заняло производственное обо-

рудование. По данным межотраслевого баланса, на внешний рынок уходит 23,5% продукции японского машиностроения.

Главным торговым партнером Японии в настоящее время являются США. Однако в японо-американской торговле существует крупный дисбаланс в пользу Японии. Между этими странами ведется «торговая война» за рынки сбыта. К примеру, в торговле телекоммуникационным оборудованием образовались огромные диспропорции. Объем продаж японского оборудования в США в 11 раз превышает объем продаж американского оборудования в Японию.

До настоящего времени на американском рынке реализуется более 29% японского экспорта и обеспечивается порядка 22% импорта. В свою очередь, на Японию приходится свыше 11% американского экспорта, в том числе почти 20% сбыта сельскохозяйственной продукции. Япония выступает основным торговым партнером ряда стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Она обеспечивает Индонезии 37% ее экспорта и 24% импорта, Малайзии – 26% ее импорта и 16% экспорта, Сингапuru – 21% его импорта и 17% экспорта, Республике Корея – 26% ее импорта. Япония является также основным экспортным и импортным рынком КНР (15–16%).

В прошлом крупнейшими партнерами по импорту были нефтедобывающие страны Персидского залива, но их доля в импорте упала с 19,6% в 1980 году до менее чем 7% в 2003 году. Вырос совокупный вес растущих рынков Азии – Республики Корея, Тайвань, Малайзии, Таиланда.

(Продолжение следует)

Борьба с контрабандой мигрантов, незаконной миграцией в Казахстане и международное право

САРСЕМБАЕВ М.А.

Понятие «контрабанда людей, мигрантов», которое иначе называют «трафик людей», отличается от понятия «торговля людьми». Под контрабандой людей (smuggling) следует понимать обеспечение незаконного въезда в какое-нибудь государство лица, не являющегося гражданином этого государства и постоянно не проживающего в этом государстве, за которое лицо, обеспечивавшее такой въезд, получает финансовое или иное материальное вознаграждение. Более точное определение понятия «лицо, осуществляющее незаконный ввоз мигрантов» дается в Статье 3 Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 декабря 2000 года. Из ее содержания следует, что организатор незаконного ввоза мигрантов – это лицо, обеспечивающее, «с целью получения, прямо или косвенно, какой-либо финансовой или иной материальной выгоды», незаконный въезд «в какое-либо государство-участник любого лица, которое не является его гражданином или не проживает постоянно на его территории». Почему явление контрабанды людей в современном мире актуализировалось? Ведь слово «контрабанда» раньше ассоциировалось с товаром, но никак не с живым существом, человеком. А теперь эти два слова «контрабанда» и «люди» стали неотделимыми друг от друга. Почему? Все дело в том, что в настоящее время контрабанда людей совершается практически во всех странах мира, так как она становится распространенным средством использования принудительного труда. Поскольку страны находятся на различных ступенях экономического развития, люди из менее развитых стран едут на заработки в другие более экономически развитые государства и готовы выполнять практически любую работу за низкую плату. Говоря другими словами, эти люди становятся рабами, подвергаются угнетению и чрезмерной эксплуатации. По прибыльности контрабанда людей занимает третье место, принося преступникам по 30 млрд долларов ежегодно. Контрабанда людей по выгоде уступает только торговле наркотиками и оружием. До полумиллиона иммигрантов проникают в Европу. Наблюдается исход 0,5 млн людей из Китая. 4–5 млн иммигрантов нелегально проникают на территорию США. 99% нелегальных перевозок людей производят организованные преступные группы. Поток людей, которые не в силах сдержать полиция, в основном состоит из китайцев, афганцев, бангладешцев и иракцев. Сегодня в мире насчитывается 175 млн мигрантов и их численность ежегодно растет на 3–4 млн человек. Примерно 55% мигрантов проживают в США, Канаде и Западной Европе, остальные 45% – в самых разных странах и континентах. Многие страны, в том числе

Казахстан, являются одновременно странами эмиграции, и иммиграции, а также транзита мигрантов. В этот опасный контрабандно-миграционный водоворот вовлекается и регион Центральной Азии, включая Республику Казахстан.

Исходя из вышеизложенного, государства, в том числе Республика Казахстан, объявляют контрабанду мигрантов административным правонарушением, уголовным преступлением. Ежегодно десятки тысяч иностранных граждан за нарушения миграционного законодательства Казахстана привлекаются к административной ответственности и несколько тысяч выдворяются из страны. Десятки человек ежегодно привлекаются к уголовной ответственности, в том числе за незаконное пересечение государственной границы.

Чем отличается контрабанда людей от торговли людьми?

Первое. Лицо, просящее контрабандиста об услуге по въезду в другое государство, осознает, что оно толкает этого человека на совершение правонарушения, преступления, более того, оно понимает, что само нарушает закон, причем законы двух сопредельных и более государств. При торговле людьми потерпевшее лицо часто не подозревает, что торговцы изначально планируют использовать его как объект торговли, проституции, эксплуататорского труда и иных услуг, и уверено, что ни оно, ни люди, способствующие, к примеру, в трудоустройстве, не нарушают никаких норм: ни внутренних, ни международно-правовых. О таком нарушении лицо узнает уже на месте назначения. И даже согласная изначально оказывать секс-услуги женщина не всегда осознает, что ее на месте превращают в секс-рабыню.

Второе. Контрабанда людей – это всегда международное преступление, а торговля людьми может быть как внутригосударственным, так и межгосударственным преступлением.

Третье. Контрабанда людей означает преступление против государства, в то время как торговля людьми является преступлением против личности.

Четвертое. При контрабанде людей нет жертвы преступления. Более того, при благополучном исходе контрабанды лицо, переведенное через государственную границу, благодарит контрабандиста, в то время как при торговле людьми имеет место обман, избиение, отбирание паспортов, билетов, иных документов, пытки, чрезмерная эксплуатация; говоря другими словами, здесь есть жертва преступления.

Далее грани различий между понятиями «контрабанда людей» и «торговля людьми» стираются. Все дело в том, что, оказавшись в чужой стране нелегальным способом, лицо становится легкой добычей торговцев людьми, в которые легко превращаются те же контрабандисты мигрантов. Особенно часто на их крючок попадают доверчивые юные девушки и молодые женщины (самый ходовой товар), которые, чтобы рассчитаться за услуги с контрабандистами (такса часто зашкаливает за 10 тыс. долларов), превращаются в рабыню, в секс-машины.

Почему люди мигрируют? В чем причина миграции вообще и незаконной миграции, контрабанды мигрантов в частности? В планетарном масштабе в числе причин называют **экономические** (стремление больше зарабатывать, поменять стиль жизни, имея в виду, прежде всего, ее материально-финансовый аспект), **политические** (вследствие войн, вооруженных конфликтов), **экологические** (в связи с небывалой засухой), **демографические** (направленные на воссоединение семей мигрантов).

Такие причины в той или иной мере характерны и для такого региона планеты, как Центральная Азия, в составе которой находится наш Казахстан. В то же время в анализируемом регионе, наряду с вышеперечисленными, существуют и свои спе-

цифические причины, к которым относятся: низкий уровень жизни в соответствующей стране региона, отсутствие карьерных перспектив для себя, для своих детей, желание жить на исторической родине (Россия, Германия, Израиль), неважная система здравоохранения в той или иной стране региона. Особые причины наблюдаются в процессе миграции из одной страны в другую в рамках Центральноазиатского региона. Опрос таджикских мигрантов, мигрировавших в Алматы (Казахстан) в 2002 году и попавших здесь в нелегальное положение, выявил специфические причины их эмиграции из Таджикистана: 1) безработица (так сказали 40 человек, или 60% от общего числа 70-ти опрошенных); 2) тяжелое материальное положение семьи (12 человек, или 17%); 3) выгода для работодателя использовать нелегальных мигрантов в силу дешевизны их труда и быстрое трудоустройство мигранта в этой связи (10 человек, или 12%); 4) отсутствие документов, потеря их (8 человек, или 11%). Подвергнутые анкетированию шесть неправительственных организаций Казахстана указали на то, чтобы Правительство РК проявляло больше активных действий в этом вопросе.

Центральноазиатскому региону, как и мировому обществу в целом, присущи следующие составляющие контрабанды мигрантов: 1) осуществление платы за контрабанду мигрантов; 2) нелегальное пересечение государственной границы; 3) добровольное (хотя бы на начальном этапе) пересечение клиентом государственной границы. В масштабе планеты количество таких клиентов ежегодно составляет примерно от 100 000 до 500 000 человек, сумма прибыли соответственно варьируется от 7 до 14 млрд; значительная часть этой суммы достается китайским криминальным группировкам, гнездящимся в различных регионах стран Юго-Восточной Азии.

В 2004 году в Казахстан въехали и зарегистрировались в органах внутренних дел 166 663 иностранца дальнего зарубежья, прибывших на работу, по служебным и частным делам, а также в качестве туристов. За различные нарушения правил пребывания в Республике Казахстан привлечено к административной ответственности 4029 иностранцев дальнего зарубежья, из которых 492 были выдворены за пределы Казахстана.

За 12 месяцев 2004 года подразделения миграционной полиции МВД РК, предотвратив 20 случаев незаконного проезда иностранных граждан через территорию Казахстана, сумели задержать 95 нелегальных мигрантов. Возбуждено 60 уголовных дел в отношении организаторов незаконной миграции и лиц, не выполнивших постановление суда о выдворении: 1) по Статье 330-1 (невыполнение решения о выдворении) – 56; 2) по Статье 330-2 (организация незаконной миграции) – 3; 3) по Статье 330-3 (незаконное привлечение иностранной рабочей силы) – 1. В середине 2005 года подразделениями Республики Казахстан по борьбе с незаконной миграцией было выявлено и привлечено к административной ответственности 8689 иностранных граждан. За первую половину 2005 года помещены в приемники-распределители 1143 иностранцев. Возбуждено 30 уголовных дел за нарушение миграционного законодательства, 27 – за уклонение иностранцев от выполнения ранее вынесенных судебных решений о выдворении, 3 – за предоставление нелегальным мигрантам транспортных средств, жилых и иных помещений.

В течение всего 2004 года в масштабе Казахстана в процессе выявления незаконной миграции к административной ответственности были привлечены: 1038 иностранных граждан (из них выдворены 830 иностранцев); 359 граждан Республики Казахстан, способствовавших незаконной миграции. А также правоохранительные органы Казахстана привлекли за те или иные действия по незаконной миграции 31 иностранного гражданина и 1 гражданина Республики Казахстан.

В Кодексе РК об административных правонарушениях и Уголовном кодексе РК контрабанды мигрантов более всего касаются статьи, озаглавленные «Незаконное пересечение государственной границы» и «Организация незаконной миграции». В этой связи следует сказать, что нарушения пограничных правил иностранными гражданами, имеющими отношение к пересечению государственных границ Республики Казахстан, в течение всего 2004 года исчислялись 29 890 случаями. В этот же период граждане Республики Казахстан нарушали пограничные правила страны 3253 раза.

Давайте проанализируем ситуацию с незаконной миграцией за последние три года (2000–2002 гг.) в разрезе ряда стран, граждане которых имели отношение к нарушению правовых норм по вопросам миграции. Так, в 2000 году по упомянутым вопросам законодательства было совершено 110 337 нарушений, в 2001 – 113 667 и в 2002 – 132 822 нарушений. За совершенные нарушения казахстанского законодательства к административной ответственности в 2002 году были привлечены 2603 иностранца.

Иностранцы совершили в сфере нелегальной миграции в период с 2000 по 2002 год 155 преступлений. На долю афганских граждан пришлось 27 преступлений; граждане Индии совершили 1 преступление; в преступлениях в сфере нелегальной миграции замешанными оказались 5 иранцев, 13 китайцев, 4 пакистанца и 16 турок.

Какие методы используют контрабандисты и нелегальные мигранты, чтобы незаметно пересечь государственную границу?

13 февраля 2002 года в Карагандинской области (Республика Казахстан) на посту миграционного контроля в автомашине «Камаз» под репчатым луком в оборудованном коробе обнаружили 11 граждан Афганистана, которые незаконно выехали из Кыргызстана и пытались через Казахстан проехать в Россию. 13 апреля 2004 года сотрудниками подразделения внутренних дел Атырауской области задержаны двое граждан, не имевших документов, удостоверяющих личность. В ходе опроса задержанные представились как граждане Афганистана – М.С.Акбар и Х.А.Баба. С их слов, прибыли они в город Атырау на пассажирском поезде из Душанбе (Таджикистан) и намеревались выехать в Российскую Федерацию. 3 сентября 2004 года в Костанайской области задержана автомашина, в которой находились пять граждан Бангладеш, у троих из них отсутствовали документы, удостоверяющие личность. 20 сентября 2004 года на перроне вокзала станции Туркестан Южно-Казахстанской области задержаны четыре гражданина Афганистана, которые также не имели при себе документов, удостоверяющих личность.

Легальная, контролируемая миграция приносит ощутимую пользу обоим государствам. Государство исхода мигрантов получает передышку, время для решения своих кризисных проблем. Государство приема мигрантов получает дешевые рабочие руки – мигранты, как правило, работают на малопrestiжных, но нужных видах работ. Государство исхода мигрантов имеет солидные финансовые поступления в виде зарплат, которые мигранты посылают домой. Большую опасность для государства приема мигрантов представляет нелегальная, неконтролируемая миграция, которая в первую очередь создается посредством контрабанды мигрантов. Доскопленная контрабандным или иным нелегальным путем эта подпольная иммиграция может стать угрозой изменения культурной составляющей народа, проживающего в государстве приема мигрантов. Для Казахстана это особенно чревато, потому что население страны составляет всего лишь 15 млн человек. Есть опасение, что казахстанский город Тараз может стать кыргызским по количественному составу населения: по имеющимся неполным данным, в Таразе и области на легаль-

ном и нелегальном положении живут и работают десятки тысяч кыргызов. Находясь на нелегальном, полунелегальном, финансово-бедственном положении, иммигранты становятся членами разных преступных группировок, не исключается их вхождение в террористические преступные группы. Нелегальные иммигранты, обходящие проверку своего здоровья по медицинской линии, могут стать переносчиками различных болезней и распространителями эпидемий в стране пребывания. Неконтролируемый наплыв иммигрантов может порождать социальную напряженность в обществе, которая затем выльется в конфликты, побоища, драки и так далее.

За определенную плату перевозчик осуществляет доставку нелегальных мигрантов от южных до северных границ. Передвижение транспортного средства осуществляется в ночное время суток, после чего нелегальные мигранты на железнодорожном, автомобильном транспорте или в пешем порядке пересекают границы Республики Казахстан. Во избежание подозрений перед въездом в каждую область автомобили меняются по принадлежности к области, по которой они будут следовать. Водители транспортных средств свидетельствуют, что для перевозки нелегальных мигрантов их нанимают незнакомые лица, представляющие нелегалов в качестве иностранной рабочей силы. Вот эти самые лица и являются контрабандистами, которые берут деньги в разной сумме в зависимости от региона. К примеру, представители общественного объединения «Оралман» (г. Шымкент) рассказывают о том, что за разовую контрабандную услугу в Южный Казахстан мигранты (узбеки и таджики) платят 1500 тенге – с одного мужчины, 1000 тенге – с одной женщины и 700 тенге – с одного подростка. Другие неправительственные организации [НПО «Не соглашайся на рабство» (г. Кокшетау)] свидетельствуют о том, что контрабандные услуги в расчете на одного человека стоят 500 долларов и выше. В Статье 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 декабря 2000 года понятие «организованная преступность группы» определяется как «структурно оформленная группа в составе трех или более лиц, существующая в течение определенного периода времени, действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений... с тем чтобы получить прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду». Контрабандная группа, специализирующаяся на обеспечении нелегального перевода людей через государственные границы в Центральной Азии, подпадает под определение «организованной преступной группы». Опрос работников полиции показал, что контрабандная группа в регионе состоит из представителей практически всех граждан стран Центральной Азии, у каждого есть свои помощники и исполнители. Эти группы могут состоять из двух и более лиц, в них входят и мужчины, и женщины. «Крышей» таких групп могут быть сотрудники правоохранительных органов практически всех центральноазиатских государств.

Часто нелегальные мигранты въезжают на территорию Республики Казахстан без документов либо по поддельным или недействительным документам, удостоверяющим их личность. Как правило, в документах нет визы Республики Казахстан. Сотрудникам полиции приходилось сталкиваться с фактами, когда в таджикские и кыргызские паспорта самовольно вклеивались другие фотографии. Организаторы нелегальной миграции часто вырывают страницы из паспорта с отметками пограничной службы о пересечении границ с тем, чтобы дознаватели и следователи не могли проследить весь путь нелегальной миграции из страны в страну. Они заранее снимают квартиры или иные помещения в крупных городах, находящихся вбли-

зи границы, куда на автомобильном или железнодорожном транспорте доставляют нелегальных мигрантов.

В законодательстве Республики Казахстан предусмотрена уголовная ответственность за вербовку, вывоз и транзит людей для эксплуатации (Статья 128 Уголовного кодекса Республики Казахстан), в которой сказано, что совершение такого преступления наказывается штрафом либо лишением свободы на срок до одного года. Если такое преступление совершается группой лиц по предварительному сговору либо в отношении заведомо несовершеннолетнего, то следует наказание лишением свободы на срок до пяти лет. «Совершение организованной группой либо с целью вербованных лиц за пределы Республики Казахстан, а равно ввоз людей за пределы Казахстана или перевозка через территорию Республики Казахстан людей, следующих из одного иностранного государства в другое, заведомо для сексуальной или иной эксплуатации – наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет с конфискацией имущества или без таковой». Уголовный кодекс Республики Казахстан Статьей 133 предусмотрел уголовную ответственность за торговлю несовершеннолетними. За куплю-продажу несовершеннолетнего следует наказание лишением свободы на срок от двух до семи лет. Это же деяние, совершенное неоднократно, в отношении двух и более несовершеннолетних с целью продажи их за пределами Казахстана и при наличии других признаков наказывается лишением свободы сроком от трех до десяти лет с конфискацией имущества или без конфискации. В случае смерти несовершеннолетнего или наступления иных тяжких последствий в процессе этих торговых сделок виновные лица лишаются свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без конфискации имущества. По Статье 128 Уголовного кодекса Республики Казахстан до суда в 2004 году было доведено 7 уголовных дел, виновные по которым были осуждены.

В Министерстве внутренних дел Республики Казахстан в 2004 году созданы специальные механизмы по борьбе с торговлей людьми: в структуре Управления по борьбе с организованной преступностью есть Центр по координации борьбы с особо опасными преступлениями. Внутри Центра функционирует отдел по борьбе с терроризмом, экстремизмом и трафиком людей, на который можно будет возложить обязанности по борьбе с контрабандой мигрантов (по включению в Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях Республики Казахстан соответствующих статей).

Наиболее часто используемый контрабандистами маршрут начинается в Китае. Затем он пролегает через Россию, Украину, Венгрию и заканчивается в Германии. Другой не менее популярный маршрут начинается на Ближнем Востоке, проходит через Турцию, Балканы, далее в Западную Европу. В Центральной Азии задействована и территория Казахстана, каналы переброски нелегальных мигрантов действуют из разных стран в следующих направлениях:

1. Бишкек (Кыргызстан) – Алматы – Балхаш – Караганда – Павлодар (Казахстан) – Омская область, Алтайский край (Российская Федерация).
2. Бишкек (Кыргызстан) – Алматы – Балхаш – Караганда – Павлодар – Восточно-Казахстанская область (Казахстан) – Алтайский край (Российская Федерация).
3. Бишкек (Кыргызстан) – Алматы – Балхаш – Караганда – Кокшетау – Петропавловск (Казахстан) – Омская, Курганская области (Российская Федерация).
4. Бишкек (Кыргызстан) – Шу – Балхаш – Караганда – Атбасар – Костанай (Казахстан) – Курганская, Челябинская области (Российская Федерация).

5. Бишкек (Кыргызстан) – Тараз – Шымкент – Кызылорда – Актюбинск (Казахстан) – Оренбургская область (Российская Федерация).

6. Узбекистан – Бейнеу – Атырау (Казахстан) – Астраханская область (Российская Федерация).

Часть мигрантов оседает на каждом пункте всех упомянутых маршрутов. Из России часто маршруты мигрантов пролегают в Европу. Правоохранительные органы Казахстана выявили новый канал переправки незаконных мигрантов. Граждане Пакистана получают казахстанские визы в дипломатических представительствах нашей страны за границей и въезжают в Казахстан на законных основаниях. После чего ими предпринимаются попытки незаконно проникнуть на территорию Российской Федерации, не имея визы этого государства. С начала 2005 года выявлено более 30-ти граждан Пакистана, попытавшихся воспользоваться этим каналом. В Северо-Казахстанской, Атырауской, Жамбылской областях Казахстана возбуждены уголовные дела по фактам организации незаконной миграции (Статья 300-2 Уголовного кодекса Республики Казахстан).

В 2004 году в Актау были задержаны 7 граждан Пакистана, путь которых пролегал по маршруту: Карачи (Пакистан) – Баку (Азербайджан), – Актау (Казахстан) – Россия. Еще одним направлением нелегальной миграции является маршрут: Пакистан – Кыргызстан – Казахстан – Российская Федерация – страны Восточной и Западной Европы. Каким способом контрабандисты и их клиенты-мигранты преодолевают тот участок маршрута, который пролегает через Центральную Азию (Казахстан)? Нелегальные мигранты под общим руководством организатора незаконного пересечения государственных границ прибывают самолетом из Пакистана в Кыргызстан (г. Бишкек). Доставляют их мелкими группами, чтобы не попасть в поле зрения пограничников, миграционной полиции. Затем частным автомобильным транспортом доставляют в район контрольно-пропускных пунктов «Мереке», «Кордай» (Казахстан). Используя ночное время, их проводят вне контрольно-пропускных пунктов с использованием объездных дорог. Далее на территории Казахстана их встречают другие члены контрабандистских групп, которые ведут контроль за беспрепятственным проездом мигрантов по территории Казахстана и России, обеспечивают временным жильем и транспортом.

Уязвимым для проникновения незаконных мигрантов остается казахстанско-кыргызский участок границы, откуда проникает основная масса граждан Афганистана, Пакистана, Бангладеша и других стран повышенного миграционного риска, которые пытаются проникнуть в Казахстан для транзитного проезда в Россию и далее – в страны Западной Европы. В этой связи на границе с Кыргызстаном, как и в прошлые годы, действовал Временный штаб МВД РК по борьбе с незаконной миграцией с участием сотрудников миграционной дорожной и криминальной полиции.

В связи с нелегальной и легальной трудовой миграцией граждан стран Юго-Восточной Азии в страны Европы, с оседанием части мигрантов в Казахстане и использованием Кыргызстана, Казахстана в качестве транзитных территорий, становится актуальной проблема надлежащего обеспечения охраны государственной границы Республики Казахстан. В 2003 году границу Казахстана пересекли более 14 млн человек, в 2004 году – более 12 млн человек, а в первом полугодии 2005 года – более 7 млн человек. Если в 2003 году было задержано около 4 тыс. нарушителей границы, в том числе контрабандистов и их клиентов, то в 2004 году их было уже более 7 тыс., в первой половине 2005 года – примерно 3 тыс. нарушителей погра-

ничных правил. Наиболее распространенной причиной нарушения границы является отсутствие документов у мигрантов. Так, в 2003 году не имевших с собой удостоверяющих личность документов и пытавшихся пересечь казахстанскую государственную границу насчитывалось более 1800 человек, в 2004 году таковых было более 1200 человек, в первой половине 2005 года таких нарушителей государственной границы Республики Казахстан стало более 700 человек, в том числе и имевших отношение к контрабанде мигрантов. Другим основанием задержания на казахстанской государственной границе является обнаружение пограничниками Республики Казахстан лиц, представляющих документы с полной или частичной подделкой. В данных нарушителях числятся граждане Республики Иран, Ирака, Бангладеш, Туркменистана, Таджикистана. Таковых в 2003 году было примерно 80 человек, в 2004 – 60, а в первой половине 2005 года нарушителями стали 90 человек, в числе которых находились и контрабандисты мигрантов, и их клиенты. Наибольшее число контрабандистов мигрантов и их клиентов – нарушителей границы приходится на участки казахстанско-кыргызской и казахстанско-узбекской границы.

Организацию нелегальной миграции осуществляет транснациональная и межрегиональная организованная группа, в составе которой находятся, как правило, граждане нескольких государств. При осуществлении нелегальной миграции эта группа на территории Казахстана действует через лиц, которые имеют своих людей либо представителей на территории Республики Казахстан, Российской Федерации и других стран.

Для обеспечения более тесного взаимодействия полиции органами внутренних дел разных стран в целях предупреждения преступлений, связанных с трафиком людей, Казахстан организывает и проводит конференции, заседания круглых столов, тренинги, семинары. Примером тому служит последняя международная научно-практическая конференция, организованная в 2004 году по линии МВД Республики Казахстан, на которой принимали участие представители МВД Российской Федерации, Беларуси, Узбекистана и Таджикистана, представители разных правоохранительных и иных государственных органов Казахстана, представители зарубежных посольств, а также ряда неправительственных и международных организаций. На конференции выступали руководители подразделений по борьбе с терроризмом, экстремизмом и трафиком людей, следственных органов, подразделений по защите женщин от насилия, которые непосредственно занимаются выявлением организаторов вывоза и провоза нелегальных мигрантов, расследованием фактов торговли и эксплуатации людей. Конференция показала, что в Казахстане принимаются серьезные государственные меры по борьбе с контрабандой мигрантов и торговлей людьми.

Что нужно делать Казахстану, чтобы свести на нет или, по крайней мере, минимизировать контрабанду людей, мигрантов как международное преступление, имеющее отношение к республике?

В уголовном законодательстве страны, а в частности в Уголовном кодексе Республики Казахстан, должна быть сформулирована отдельная статья, которая предусматривала бы уголовную ответственность за совершение контрабанды мигрантов. В Уголовном кодексе РК нет не только статьи о контрабанде мигрантов, но и о торговле людьми. Вопрос о возможном включении статьи о торговле людьми только поднимается.

Органы пограничной охраны Казахстана и сопредельных с ним государств должны перекрыть все лазейки на пограничных линиях, должны стремиться к тому,

чтобы взять под контроль не только магистральные, асфальтовые дороги, но и все проселочные дороги под жесткий пограничный контроль. Контрольно-пропускные пункты пограничной охраны обеих сторон должны обмениваться необходимой информацией с целью пресечения контрабанды мигрантов.

Органы внутренних дел Казахстана, соседних и иных государств должны совершенствовать формы и методы:

- борьбы против местных контрабандистов в отношении мигрантов;
- взаимодействия с органами внутренних дел государств в борьбе против контрабанды мигрантов.

Различным государственным органам Казахстана нужно добиваться предупреждения, профилактики контрабанды мигрантов, для чего устранить причины и условия, порождающие контрабанду мигрантов как преступное явление.

Недостаточно активно идет процесс поиска, разоблачения, задержания организаторов контрабанды мигрантов. В 2004 году при совместных действиях сотрудники правоохранительных органов Казахстана и России задержали в Астраханской области (Россия) гражданина Казахстана – некоего В.Б.Корся, который отличился тем, что активно организовывал незаконную переправку иностранных граждан на атырауско-астраханском участке казахстанско-российской государственной границы. Правоохранительные органы могут, наверное, назвать еще несколько фамилий. Но этого мало. Практически все организаторы, пособники, исполнители, подстрекатели контрабанды мигрантов по всем регионам стран должны быть в поле зрения полиции.

Практические и научные учреждения Казахстана должны проводить сравнительный анализ законодательства различных стран, изучать опыт тех или иных государств в сфере борьбы с контрабандой мигрантов. В учебные планы юридических вузов (факультетов) и полицейских учебных заведений Казахстана целесообразно включить спецкурс под названием «Противодействие торговле и контрабанде людей».

На базе Министерства труда Республики Казахстан целесообразно создать банк данных о гражданах иностранных государств, получивших разрешение на осуществление той или иной деятельности в Казахстане и привлечение иностранной рабочей силы. Доступ правоохранительных органов к этому банку данных позволил бы осуществлять систематический контроль в отношении нелегальных трудящихся-мигрантов, значительно облегчил бы работу по выявлению организаторов нелегальной трудовой миграции, по искоренению контрабанды мигрантов как преступного явления.

С посольствами США и Канады в Казахстане надо осуществлять активную работу по организации семинаров для дознавателей, следователей, прокуроров, судей, иных сотрудников правоохранительных органов Казахстана по вопросам борьбы с нелегальной миграцией, по пресечению контрабанды мигрантов, прежде всего потому, что у этих 2-х стран население состоит из иммигрантов практически со всех концов планеты и иммиграционные органы имеют огромный опыт работы в сфере миграционного законодательства и практики.

Средства массовой информации оказывают воздействие на снижение преступности в стране, своими публикациями содействуют предупреждению преступлений в разных сферах, в том числе и в миграционной. Нужно сказать, что количество публикаций на тему о контрабанде мигрантов небольшое – чаще пишут о торговле людьми. В 2005 году в республиканских средствах массовой информации было опубликовано примерно 1500 материалов по полицейской тематике, из них около 150

в той или иной степени затрагивали аспекты миграционной преступности. Причем авторы публикаций заранее оповещали читателя, что фамилии и имена героев этих статей вымышлены. Эффективность таких статей невысока. Думается, журналистам нужно брать судебные материалы, тексты уже вынесенных приговоров и называть в своих публикациях конкретные, невымышленные фамилии контрабандистов мигрантов, их пособников и помощников. Такой подход реально будет служить делу профилактики преступлений, связанных с провозом мигрантов через государственные границы и торговлей людьми.

Принимаемые меры не дадут полной отдачи без подлежащего технического обеспечения. Начало положено, но нужно создать в кратчайшие сроки во всех регионах Казахстана Единую автоматизированную систему въезда и выезда иностранных граждан, которая объединила бы все посты пограничного и миграционного контроля в портах (морских и воздушных), железнодорожных вокзалах, в пунктах пересечения границ, центральные территориальные подразделения всех правоохранительных органов страны и других заинтересованных министерств и ведомств. Эта система позволит значительно повысить эффективность работы в борьбе с незаконной миграцией, в том числе с организаторами и пособниками в деле контрабанды мигрантов.

Государство Казахстан должно помогать грантами, выделением финансовых средств, необходимыми товарами на конкурсной или иной основе тем общественным объединениям, которые оказывают содействие мигрантам.

Учитывая, что основной поток нелегальных мигрантов, контрабанда мигрантов в регионе берет начало с территории Кыргызстана, куда приезжают многочисленные мигранты из стран, имеющих договорные взаимоотношения с Кыргызстаном на основе ВТО (а Кыргызстан – член ВТО), необходимо упорядочить миграционные отношения с этим государством, находящимся в Центральноазиатском регионе. Во-первых, целесообразно активизировать Кыргызстан ратифицировать региональное в рамках СНГ Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией 1998 года. Во-вторых, Казахстан должен совершенствовать систему двусторонних отношений с Кыргызстаном по вопросам миграции вообще и контрабанды мигрантов в частности. Хотя уже есть проект межправительственного Соглашения об упорядочении взаимных поездок граждан и пресечении незаконной миграции иностранцев из третьих стран, но оно еще не подписано и не ратифицировано. Необходимо ускорить процесс подписания и ратификации Соглашения. Следует продумать текст Протокола к данному Соглашению о пресечении контрабанды мигрантов.

Правоохранительные органы Казахстана, стран Центральной Азии, СНГ могли бы разработать и подписать межведомственное Соглашение о сотрудничестве в миграционной сфере, основы которого могли бы составить следующие формы взаимодействия: 1) обмен оперативной информацией о действиях организаторов нелегальной миграции, о конкретных фактах провоза нелегальных мигрантов; 2) организация стажировок и обучения по вопросам сотрудничества в миграционной полиции (милиции) на базе ведомственных учреждений, учебных заведений и центров; 3) проведение совместных оперативно-профилактических мероприятий по пресечению контрабанды мигрантов в приграничных районах; 4) взаимный обмен информацией, аналитическими разработками о способах пересечения контрабандистами государственных границ и их клиентов; 5) обмен перечнями и образцами документов, необходимых для въезда иностранных граждан на территории друг друга, что позволило бы пограничной охране каждого государства не пропускать мигрантов, не имеющих

надлежаще оформленных документов для предъявления стране назначения, уже на своей границе.

Необходимо констатировать недостаточную исполнительскую дисциплину в деле реализации соглашений по миграционным вопросам, в том числе и по вопросам контрабанды мигрантов. Так, несмотря на то, что министерства внутренних дел Казахстана и России подписали в 1993 году Соглашение об обмене информацией по вопросам гражданства и Протокол к нему, тем не менее органы внутренних дел России отказывают в предоставлении информации, вытекающей из обязательств упомянутого Соглашения, и просят осуществлять запросы только через консульские учреждения Министерства иностранных дел России, что затрудняет оперативное решение миграционных проблем, в том числе проблем борьбы с контрабандой мигрантов.

Следует признать несовершенство механизма пересечения государственной границы, который определен межправительственным Соглашением о взаимных безвизовых поездках граждан в рамках ЕврАзЭС (Евро-Азиатского Экономического Сообщества). Слишком длинный перечень документов, которые должны оформлять мигранты, бесконечное хождение по госучреждениям с целью оформления этих документов подталкивают часть мигрантов к использованию услуг контрабандистов, специализирующихся на нелегальном переводе людей через границы. Поэтому необходимо подписать Протокол к данному Соглашению о сокращении перечня документов, действительных для въезда, выезда и пребывания мигрантов на территории ЕврАзЭС, в том числе и на территории Казахстана.

В целях объединения усилий Казахстана и мирового сообщества государств в борьбе с контрабандой мигрантов необходимо решить вопрос о подписании, ратификации таких международных конвенций, как: Конвенция ООН о транснациональной организованной преступности от 15 декабря 2000 года с двумя протоколами по борьбе с контрабандой людей и по противодействию торговле людьми, Конвенция ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 года, Протокол против незаконной транспортировки людей, Конвенция Международной организации труда №143 о злоупотреблении в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей от 4 июня 1975 года, Европейское соглашение о нормах, регулирующих передвижение лиц между государствами – членами Совета Европы от 13 декабря 1957 года.

Хотя и есть Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 декабря 2000 года, но он носит узкоспециализированный характер. Поэтому было бы целесообразно приступить к разработке универсального международно-правового документа, в котором затрагивались бы все аспекты нелегального ввоза мигрантов, в том числе контрабанды мигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архитектура коллективной безопасности // Казахстанская правда. – Астана, 24 июня, 2005. – №165-166. – С. 1.
2. Бендицкий Г. Турецкая вербовка // Время. – Алматы, 7 апреля, 2005. – С. 6.
3. Васильев А. Продажное гражданство // Версия. – М., 23–29 мая, 2005. – С. 3–6.
4. Графова Л. 90-летние нелегалы // Новая газета. – 2005. – №8. – С. 23.
5. Давлетгалиева А. Мигранты: количество или качество // Литер. – Алматы, 29 июня, 2005. – С. 3.
6. Документы – к порядку // Караван. – Алматы, 22 апреля, 2005. – С. 8–9.
7. Елизарова В. Заслон международной преступности // Известия-Казахстан. – Алматы, 28 июня, 2005. – С. 9.

8. Жоров Н., Шлекбаев А. Обеспечить безопасность казахстанцев // Аргументы и факты – Казахстан. – Алматы, 2005. – №25. – С. 5.
9. Загранпаспорт не обязателен // Аргументы и факты – Казахстан. – Алматы, 2005. – №24. – С. 10.
10. Кодекс об административных правонарушениях Республики Казахстан. – Алматы: Данекер, 2002.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. В 2-х книгах. – Алматы, 2004.
12. Конвенция Организации Объединенных Наций о защите прав мигрантов. – Париж: ЮНЕСКО, 2003.
13. Мауленов К.С., Тюленева В., Сарсембаев М.А. Проблемы иммигрантов (оралманов) в свете законодательства и международных договоров Республики Казахстан // Казахстанский журнал международного права. – 2001. – №4. – С. 99–107.
14. Международные договоры, ратифицированные Республикой Казахстан, в сфере обеспечения прав, основных свобод человека, охраны труда, миграционной политики. Книга 2. – Алматы, 2003. – 455 с.
15. Международно-правовые основы борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми. Сборник документов. Составитель доктор юридических наук В.С.Овчинский. – М., 2004. – С. 299.
16. Мемлекет миграция маселесін мықтап қолға алмаса... // Алтын Орда. – 19 мамыр, 2005. – 6–7 беттер.
17. Миграция. Сборник нормативных правовых актов. – Алматы, 2003. – 160 с.
18. О правовом статусе мигранта. Права человека. Главный ред. М.А.Сарсембаев. – Алматы: Ғылым, 1999.
19. Ойшыбаева Г.Ж. Поможет ли Родина-мать? // Литер. – Алматы, 26 апреля, 2005. – С. 3.
20. Проведена Операция «Мигрант» // Панорама. – Алматы, 8 июля, 2005. – С. 6.
21. Сарсембаев М.А. Защита рынков труда от нелегальной трудовой миграции с помощью международно-правовых средств // Предупреждение преступности. – Алматы, 2004. – №2. – С. 47–49.
22. Сарсембаев М.А. Зарубежный опыт приема репатриантов в стране прибытия. Материалы научно-практической конференции: «Оралманы, иностранцы, мигранты: паспортный режим и вопросы гражданства». – Алматы: Данекер, 2002. – С. 27–32.
23. Сарсембаев М.А., Шарилова А. Правовой статус беженцев в казахстанском и международном праве. – Алматы, 2002. – 46 с.
24. Сигов Ю. Как поймать иммигранта // Деловая неделя. – Алматы, 17 июня, 2005. – №24. – С. 12.
25. Тошка не просек фишку // Совершенно секретно. – М., 2005. – №5 (192). – С. 18–19.
26. Тулегенова Е. И.о. министра иностранных дел Кыргызстана попросила более снисходительного отношения к трудовым мигрантам из своей страны // Панорама. – Алматы, 26 апреля, 2005. – №16. – С. 7.
27. Франция ужесточает иммиграционные правила //Время. – Алматы, 16 июня, 2005. – С. 19.
28. Яковлев В. Надо создать условия, чтобы мигранты не боялись приезжать к нам зарабатывать // Известия. – 19 мая, 2005. – С. 3.

Основные этапы развития теории политической модернизации

СЕЙСЕНОВА Н.Б.

Как известно, теория политической модернизации входит в рамки общесоциологического развития, получившего название «социология развития». Основой теории политической модернизации является обоснование глобального развития цивилизации, перехода традиционных обществ к современным как неизбежная тенденция современного политического развития. Теория политической модернизации подразумевает глубокий анализ и раскрытие элементов преобразования традиционных обществ в процессе их модернизации в современные. Достаточно детально описываются предпосылки модернизации, приводятся ее конкретные модели.

В целом же можно выделить два базовых этапа развития теории политической модернизации. В 50–60-е годы XX столетия модернизация воспринималась как вестернизация. Это и есть первый этап развития теории модернизации.

Что же представляла собой данная вестернизация? Ее сущностную характеристику можно обозначить как слепое копирование основополагающих ценностей западного современного общества, принятого за эталон политического развития. Причем данное копирование подразумевало заимствование устоев во всех сферах жизнедеятельности.

К этому этапу относится идея так называемого однолинейного развития, базовая суть которого заключается в следующем. Одни страны опережают другие в своем развитии, следовательно, другие от них отстают. Но в целом же все страны мира двигаются по единому пути модернизации. Исходя из этого, независимо от того, что конкретная страна уступает развитой по многим основным характеристикам, рано или поздно она достигнет ее более высокого уровня, поскольку ее путь к модернизации предопределен.

Вестернизация ставила перед политической модернизацией следующие цели и задачи. Во-первых, все традиционные общества в процессе перехода к современным идеалам должны подвергнуться демократизации исключительно по западному образцу. Во-вторых, политическая модернизация отталкивалась от успешного социально-экономического роста страны. Именно эффективное социальное и экономическое развитие способно подтолкнуть политическое реформирование. В-третьих, и это последнее, политическая модернизация будет результативной, если традиционные общества будут активно развивать политику сотрудничества с развитыми странами Западной Европы и США. Таким образом, сотрудничество становится просто неизбежным.

Конечно, определенная логика здесь присутствует, но это не заложено априори, не является аксиомой. В начале процесса преобразований было вполне логичным существование данного метода модернизации. И сами условия мирового политического процесса вполне способствовали распространению данного убеждения. Ведь многие традиционные общества встали на путь модернизации, то есть создания современных обществ, с присущими им западными ценностями существования и жизнеустройства.

Однако вестернизация получила, можно сказать, непреодолимое препятствие. Слепое копирование, без учета собственных особенностей, а особенно культурно-духовных ценностей, повлекло за собой крах процесса модернизации. В свою очередь, это привело к появлению следующего этапа в развитии теории политической модернизации.

В 70–90-е годы XX столетия произошла перестановка и пересмотр ранее существовавших принципов политической модернизации, воспринимавшейся как вестернизация. Сама модернизация стала рассматриваться как неотделимая часть развития, как его функция, а не как его условие. Происходит признание того факта, что проведение модернизации может происходить и вне западной демократической модели. Особую роль в процессе модернизации стали отводить историческим и национальным особенностям, культурному своеобразие традиционного общества.

Данный этап развития теории политической модернизации появился с учетом полученного опыта практической модернизации, когда были сделаны определенные выводы по ранее присутствующей вестернизации. Изменения на сущность процесса модернизации были весьма прогрессивны и способствовали более рациональному проведению процесса перехода от традиционного общества к современному. Вместе с этим в политической науке появляются концепции «частичной модернизации», «тупиковой модернизации», «кризисного синдрома модернизации» и так далее.

В современной политологии принято выделять два основных типа модернизации: первичная и вторичная. Каждый из обозначенных типов модернизации имеет собственные отличительные свойства и характеристики. Выделение этих типов модернизации было основано на практическом опыте перехода традиционных обществ к современным на примере стран Западной Европы, США, СНГ, стран Азии, Африки, Латинской Америки. Понятно, что у каждого из конкретных типов модернизации есть своя собственная логика и структура проведения.

Первичная модернизация была осуществлена в странах Западной Европы, США, Канады, охватывает исторический период с начала промышленной революции и вплоть до провозглашения ценностей современного западного общества. Логика первичной модернизации заключалась в последовательности, эволюционности, поэтапности ее развития. Свое начало данный тип модернизации берет с модернизации духовно-идеологических ценностей эпох Ренессанса, Реформации и Просвещения. Идеальная разработка основных социокультурных ценностей западного общества стала основой основ первичного типа модернизации.

За этим последовало глубокое изменение экономической сферы социальной системы, которое стало возможно в силу реализации и распространения духовно-идеологической основы первичного типа модернизации. Экономический бум способствовал дифференциации индивидуальных интересов и потребностей, что служило питательной основой зарождавшегося гражданского общества. Эти и другие факторы обеспечивали последовательное изменение политических систем, формирование демократических принципов политического жизнеустройства общества и государства.

Если говорить о другом типе модернизации, а именно о «вторичной» или как ее еще называют «отраженной», то можно отметить следующее. Данный тип модернизации характеризуют как модернизацию «вдогонку». Этот тип модернизации был осуществлен в странах Азии, Африки, Латинской Америки, странах бывшего социалистического лагеря. Основным фактором вторичной модернизации становятся социокультурное взаимодействие оставших стран с уже существующими центрами индустриальной культуры.

Логика «вторичной» модернизации предполагает, что одни элементы общества находятся на уровне развитых стран, другие же либо совсем отсутствуют, либо находятся в стадии начального зарождения и функционирования. Странам с традиционной системой ценностей и приоритетов развития приходится обеспечивать сохранение и развитие существующих элементов современного общества, а также внедрение и распространение недостающих факторов.

Успешное проведение перехода от традиционного общества к современному при догоняющем типе модернизации зависит от многих факторов. Формирование эффективной системы общественно-политических институтов, что позволит обеспечить адекватное адаптирование к резким переменам, способности организовать стабильность и согласие, получить поддержку у населения, построить паритетный и конструктивный диалог с оппозицией – все эти меры позволят обеспечить успешное претворение догоняющего типа модернизации.

Исходя из полученного опыта модернизации традиционных обществ в современные, многие исследователи определили, что данный процесс преобразования должен быть последовательным в своем конкретном осуществлении. Однако каждый из теоретиков модернизационного процесса предлагал собственную стратегию и тактику проведения процесса общественного и государственного обновления.

Одна группа ученых-исследователей предлагала начать реформирование с индустриализации (У.Мур, А.Экстайн). По их мнению, именно она будет способствовать эффективному продвижению остальных элементов модернизации. Другие ставят во главу угла реформирование сельского хозяйства (К.Гриффин). Так, в частности, форсированная модель модернизации общества считает данные реформы первостепенными. В противовес данному направлению теории модернизации существует обоснование урбанизации как ключевого элемента эффективного перехода от традиционного общества к современному (Б.Хиггинс). Еще одна группа ученых, изучающих проблемы осуществления модернизации, полагают, что эффективное преобразование будет возможным только при наличии интенсивной помощи отсталым государствам со стороны развитых стран (М.Леви). Такой известный теоретик модернизационного процесса, как С.Эйзенштадт, исходил из того, что необходимо развивать институты, которые будут учитывать постоянно изменяющиеся перемены в социальной системе.

Это далеко не исчерпывающий, представленный в самом общем виде круг направлений и возможных путей перехода традиционных обществ к современным. Все данные направления по-своему определяют то, с чего должно начаться великое преобразование. И что немаловажно, каждый из предложенных вариантов осуществления реформ обновления традиционных обществ представляется весьма рациональным и достаточно убедительным. Вместе с этим подробное ознакомление с предложенными путями модернизации традиционных обществ приводит к выводу о том, что наиболее эффективным стал бы вариант, объединяющий предлагаемые реформы.

Данный вариант наиболее приближен к так называемой идеальной модели модернизации. Осуществление данной модели перехода от традиционных обществ к современным является наиболее привлекательным, но и самым сложным, поскольку проведение тех или иных реформ во всех сферах социальной системы является реально затруднительным процессом, чреватый самыми конкретными негативными последствиями. Кроме того, он требует просто невероятной концентрации и мобилизации определенных ресурсов. Как показывает мировая практика модернизации традиционных обществ, это сделать архисложно. По сути, данную модель модернизации традиционных обществ в современные стало возможным осуществить путем эволюционного последовательного процесса преобразований в странах Скандинавии.

Если подойти к определенному обобщению проблемы выбора путей модернизации традиционных обществ в современные, то можно говорить о теоретическом разделении исследователей концепции модернизации на два основных конкурирующих направления. Эти направления представлены учеными либерального и консервативного толка. Каждое из этих представленных направлений модернизации имеет свои особенности, определяющие черты.

Либеральное направление выбора пути модернизации представлено такой массой когортой теоретиков, как Р.Даль, Г.Алмонд, Л.Пай и другие. Эти и другие политологи считают, что либеральное направление более привлекательно для традиционных обществ. Основопологающим критерием представители либерального направления политической модернизации считают степень вовлеченности граждан в систему представительной власти. По их глубокому убеждению, только такие элементы, как широкое участие населения в политическом процессе, а также открытая конкуренция, и есть определяющие признаки эффективной системы преобразования традиционных обществ в современные.

Исследователи либерального направления путей политической модернизации даже просчитали конкретные варианты событий при их определенном развитии. Причем основой для градации возможных вариантов развития событий служат именно конкуренция элит и вовлеченность в политический процесс граждан страны. Исходя из этих основных факторов, исследователи либерального направления политической модернизации предложили четыре конкретных варианта развития событий.

Первый вариант развития процесса перехода от традиционных обществ к современным исходит из верховенства конкуренции элит. В таком случае сохраняется политическое участие граждан в процессах преобразования традиционного общества в современное. При данном сценарии событий складываются оптимальные предпосылки для проведения наиболее последовательных реформ демократизации традиционных обществ, а также и других элементов обновления данных социумов.

Другой, или же второй вариант развития событий предполагает, что в условиях приоритетности конкуренции элит и при одновременной достаточно низкой политической активности остального населения вполне возможным становится установление авторитарных режимов правления. Следовательно, установление недемократического авторитарного режима обеспечит торможение реформ преобразования.

Еще один, или третий вариант того, как будут складываться обстоятельства, предполагает следующее. Данный вариант исходит из того, что, в случае превышающей активности политического участия граждан над профессиональной активностью власть имущих, события могут обрести откровенно охлократические тенденции своего развития. В результате этого властные элиты будут применять жесткие, может даже репрессивные, меры правления по отношению к населению, что, в свою очередь, приведет к замедлению процесса модернизации. Этот вариант будет негативным, если не губительным для судеб реформирования традиционных обществ в современные. Поэтому данный вариант относится к наиболее нежелательным.

И, наконец, последний, четвертый вариант развития событий при известных нам условиях заключается в следующем. При одновременном спаде активности политического участия и конкуренции свободных элит происходит дезинтеграция общества и политической системы. Это приводит к возникновению обстановки хаоса, который, как известно, ведет к самым печальным последствиям. И вполне вероятным следствием данного процесса является установление диктатуры, которая уже сама по себе обеспечивает крах процесса модернизации.

Особого внимания в русле либерального подхода к осуществлению процесса модернизации заслуживает теория полиархии. Основоположником данной теоретической концепции является известный политолог Р.Даль. Он предложил называть полиархиями реально существующие демократические страны. Если применять полиархию к слаборазвитым странам, то именно она обеспечивает открытую политическую конкуренцию лидеров и элит и одновременно способствует высокой гражданской активности населения. В совокупности эти условия становятся конкретными предпосылками эффективного осуществления реформ преобразования традиционных обществ.

Полиархия по Р.Далю, это правление меньшинства, избранного населением на конкурентных демократических выборах. Р.Даль выделил семь основных условий, которые оказывают важнейшее влияние на процесс продвижения отсталых стран к полиархическому правлению. Так, он конкретно обозначил следующие моменты. Последовательность в осуществлении политического реформирования традицион-

ных обществ. Это условие обеспечит дальнейшее благоприятное развитие процесса обновления общества и государства. Политические реформы должны быть тщательно продуманы, и их осуществление требует времени и контроля.

Кроме того, Р.Даль считает, что неременным условием перехода к полиархии является создание сильной исполнительной власти. Установление и функционирование сильной исполнительной ветви власти будет источником успешности социально-экономического преобразования традиционных обществ, поскольку обеспечит стабильность, имея определенные ресурсы плодотворного осуществления реформирования.

Полиархия требует достижения обществом определенного уровня социально-экономического развития. И это еще одно условие позитивного исхода процесса перехода от традиционных обществ к современному. Данный социально-экономический уровень должен обеспечить плодотворное претворение следующих шагов последовательной модернизации. Именно этот уровень предоставляет возможность проводить структурные изменения в государственной системе.

Еще одно условие осуществления полиархии, то есть успешной реализации процесса перехода традиционных обществ к современным, представлено установлением определенных отношений равенства – неравенства.

Наличие в модернизирующемся обществе дифференциации интересов и потребностей индивида, личности, различных субкультур тоже является условием осуществления перехода к полиархическому правлению в традиционных обществах.

Оказание существенно ощутимой помощи со стороны развитых государств – это также одна из важнейших мер по осуществлению процесса перехода к полиархии. При этом особое внимание Р.Даль отводит тому, что развитые страны должны оказывать не просто помощь, но и осуществлять международный контроль за реформами преобразования. В данном случае большая роль отводится различным наднациональным структурам и объединениям, всевозможным международным соглашениям и так далее.

Только последовательное осуществление процесса реформирования общества и государства, сохранение безопасности конкурирующих элит, установление сильной исполнительной власти при одновременном развитии местного самоуправления – вот далеко не полный перечень условий успешного осуществления великого преобразования традиционных обществ.

Все вышеописанное относится к так называемому либеральному направлению выбора путей и вариантов модернизации. Однако, помимо указанного направления, в политической науке существует и другое направление. Это направление носит название консервативного. Основоположники данного консервативного направления по-своему определяют процесс модернизации традиционных обществ в современные. Точка зрения представителей данного направления весьма отлична от либерального крыла и представлена в работах таких политологов, как С.Хантингтон, Дж.Нельсон, Х.Линц и другие.

Представители консервативного направления исходят из того, что основным источником процесса перехода от традиционных обществ к современным является конфликт между мобилизованностью населения, его вовлеченностью в политический процесс и институализацией населения, его вовлеченностью в политический процесс и институализацией населения, наличием необходимых структур и механизмов для артикуляции и агрегирования интересов граждан. Отсутствие должным образом функционирующих институтов, обеспечивающих артикулирование и агрегирование, становится серьезным препятствием для процесса реформирования.

Одновременно с этим такие моменты, как неподготовленность населения к процессу управления, неумение использовать институты власти для осуществления конкретных целей, значительно подавляют ожидания от включения в политический процесс. В свою очередь, это становится благоприятной основой для создания обстановки напряженности и дестабилизации режима правления.

В данном случае активность населения становится опережающей по отношению к властным элитам и, как отмечает С.Хантингтон, модернизация вызывает «не политическое развитие, а политический упадок» [1]. Он же считает, что модернизированность политических институтов связана не с уровнем их демократизации, а диктуется их прочностью и организованностью. Это будет своеобразной гарантией адаптации к постоянно изменяющимся условиям социальной среды, с ее целями и задачами. По мнению того же С.Хантингтона, только жесткий авторитарный режим, осуществляющий порядок и стабильность, может обеспечить национальное единство и переход к рыночной экономике.

Таким образом, в отличие от представителей либерального направления, консерваторы считают и приводят аргументированные доказательства в пользу авторитаризма как режима, способного обеспечить успех реформирования традиционных обществ в современные. В своих исследованиях теоретики консервативного направления выделяют конкретные условия, которые необходимы для осуществления последовательной модернизации под началом авторитарной политической власти.

Если определяющим условием проведения преобразования экономической сферы социальной системы является бурный экономический рост, то для политической сферы главным условием является обеспечение стабильности. Именно поэтому для переходных систем крайне важно создание сильного политического режима во главе с легитимной правящей партией. Эта политическая партия может сдерживать тенденции дестабилизации в период великого преобразования.

Таким образом, если либералы делали акцент на интеграцию общества на основе культуры, образования, религии, философии, то представители консервативного направления делают упор на создание авторитарной власти. По их глубокому убеждению, стабильность, организованность, порядок как основы авторитарного правления смогут обеспечить успешный процесс реформирования традиционных обществ в современные.

Консервативное направление отталкивается от того, что успех процесса модернизации зависит от компетентного политического руководства. Профессиональное и сильное правительство сможет обеспечить необходимые условия успешного проведения реформирования традиционных обществ.

Как уже было отмечено выше, особая роль отводится последовательности проведения модернизации, логического прохождения конкретных этапов обновления традиционного общества. Консерваторы считают, что выделение конкретных этапов процесса модернизации обеспечит достижение общей цели реформирования за счет последовательного претворения реформ. На каждом конкретном этапе модернизационного процесса ставятся определенные цели и задачи. Решение поставленных целей в последовательном порядке является залогом обеспечения эффективной модернизации и достижением желаемого результата.

Кроме того, сами реформы преобразования должны быть своевременными в общем процессе модернизации. Каждая из реформ должна логически определять следующую. Реформирование конкретной сферы социальной системы должно отвечать вызову

времени, не быть запоздалым или чересчур ранним. Это тоже одно из важнейших условий успешного проведения перехода традиционного общества к современному.

Теоретики консервативного направления указывают на возможность различных вариантов процесса модернизации. Поскольку авторитарные системы правления весьма неоднородны, разница между конкретными авторитарными режимами может быть действительно существенной. В частности, политический опыт постсоветских республик весьма ярко демонстрирует широкую гамму авторитарных систем правления: от эффективных до откровенно диктаторских.

Консерваторы предложили несколько вариантов либерализации авторитарных режимов. Например, за счет перераспределения власти в пользу оппозиции, но при одновременном сохранении ведущих рычагов управления в руках правящей элиты. Это позволит избежать состояния крайней напряженности и дестабилизации.

Одним из худших вариантов развития событий является превращение авторитарного режима в диктатуру, которая ведет к тупиковому варианту модернизации. В свою очередь, данный вариант может стать основой для революционного развития событий, грозящих в том числе и гражданской войной. Эти и другие моменты необходимо строго учитывать и отслеживать. И, несмотря на целесообразность авторитарного режима, отрицание или противодействие процессам демократизации таит в себе самые разные угрозы.

Таким образом, рассмотрев основные черты либерального и консервативного направлений, мы можем подойти к определенным выводам. Представители консервативного направления обращают свое внимание на создание централизованных институтов власти, что позволит обеспечить благоприятный исход процесса перехода традиционных обществ к современному.

Теоретики либерального направления акцентируют наличие возможностей оказывать влияние со стороны населения на субъектов, принимающих властные решения.

Независимо от различий в данных направлениях выбора путей модернизации традиционных обществ они действительно предоставляют рационально и детально разработанные механизмы осуществления реформ преобразования отсталых обществ. В каждом из представленных направлений заложены самые рациональные элементы, руководство и учет которых позволит достичь успешной модернизации. Более верным было бы придерживаться так называемой золотой середины. В зависимости от объективных и субъективных факторов, следует применять те или иные факторы процесса модернизации, предложенные как либеральным, так и консервативным направлениями.

Исследуя проблему модернизации, предлагается раскрывать ее сущностную характеристику через признание ее составной частью, функцией политического развития. Мировой опыт политического развития явно обнаруживает тенденцию стремления к модернизации, а в последнее время и к постмодернизации конкретных стран международного сообщества. Процесс стремления к осуществлению процесса модернизации наблюдается в совокупности всеобщего расширения экономического, культурного, политического сотрудничества. Безусловно, интегративные процессы способствуют вовлечению в процесс модернизации.

Теория модернизации позволила обобщить стандарты в области экономики, политики, культуры (присущие современным обществам), к которым обратились и традиционные социальные системы. Такие стандарты, как внедрение рыночной экономики, обеспечение экономического роста, развитие высоких технологий, повыше-

ние уровня образования, формирование демократических принципов жизнеустройства, стали действительно универсальными ценностями.

Создание универсальных ценностей современного общества отнюдь не обязывает традиционные социальные системы к их слепому копированию. Эти приоритеты современного общества становятся некими целями, достижения которых имеет существенное значение в процессе перехода к новым ценностям. Ориентируясь на эти общепризнанные универсальные стандарты общественного развития, каждая конкретная страна в процессе проводимой реформации создает собственную социальную систему.

Безусловно, такие моменты, как темп, этапы, временные рамки, приоритетность реформ преобразования целиком и полностью зависят от наличия конкретных специфических условий. Именно эти условия и будут определять особенности модернизации в каждой конкретной стране.

Особого внимания заслуживает проблема часто возникающих конфликтных ситуаций между признанными универсальными ценностями и стандартами современного общества и их привнесение на традиционную почву. Новые цели развития социальной системы порождают мощные дисфункции, которые ведут к резкому напряжению в отношениях между индивидом, обществом и государством. Поэтому крайне важно найти баланс и установить гармонию взаимодействия названных социальных составляющих. Политика правящей элиты должна быть максимально рационализирована и последовательна. Ее основной задачей в контексте обозначенных элементов кризиса становится снижение высокого уровня конфликтности. Необходимо суметь найти возможность сохранения и встраивания традиционных ценностей в новые реалии реформируемого общества. Надо отметить, что это отнюдь не утопия. Практическая реализация процесса модернизации в конкретных странах (Япония, Южная Корея, Швеция и другие) вполне основательно демонстрирует возможности привлечения традиционных ценностей в процесс обновления. Больше того, эти традиционные ценности в совокупности с новыми социально-экономическими реалиями и обеспечили успешный исход преобразования традиционных обществ в современные.

Несомненно, такие элементы, как обеспечение последовательности и постепенности реформ преобразования, учет традиционных культурных ценностей, позволили осуществить успешную модернизацию традиционных обществ. Ускоренный темп реформирования, игнорирование традиционных ценностей и норм, нарушение логики последовательности преобразований могут служить прочным основанием для краха модернизации. Население, и без того находящееся в крайне тяжелых обстоятельствах, может перейти к самым непредвиденным и достаточно негативным способам влияния на властвующую элиту, субъекта модернизации.

При возникновении конфликтов элиты должны найти законные методы их разрешения. Так или иначе, применение силовых методов или, что еще хуже, нелегитимных будет способствовать краху процесса модернизации. В данном случае вполне уместно обеспечить верховенство закона, равенство граждан перед ним. С другой стороны, разрешение проблемы политического радикализма, пресечение попыток осуществления террористических актов также должны быть обеспечены субъектами преобразования традиционных обществ.

Таким образом, необходимо отметить, что одной общепринятой теории модернизации нет. В современной политической науке существует несколько различных теорий модернизации. Их общей чертой является стремление к выявлению универсальных ценностей развития общества и государства. Данные теоретические кон-

цепции понимают развитие общества как определенный универсальный процесс, у которого есть свои закономерности и этапы осуществления.

Если в начале своего появления теория модернизации отталкивалась от идеи проведения реформирования общества как копирования устройства по западному образцу, то в дальнейшем данный подход к сущности и методу проведения модернизации несколько изменился. Практический опыт осуществления преобразования общества по примеру слепого подражания оказался не столь успешным, как это предполагалось в начале. Произошло понимание того, что проведение перехода от традиционного общества к современному требует целого ряда объективных предпосылок.

Необходимо отметить, что само объяснение наличия нужных предпосылок проведения модернизации также весьма изменилось. Некоторые выдвинули идею о первичности технологических аспектов, другие акцентировали внимание на введении институтов демократии, третьи ратовали за определяющую роль рыночной экономики и так далее. По-новому стали трактоваться социокультурные предпосылки осуществления модернизации, а также их учет в проведении обновления традиционных обществ.

На наш взгляд, наиболее эффективным вариантом является объединение и учет всех предпосылок процесса модернизации. Если учесть все необходимые аспекты в процессе проведения преобразования, то можно получить необходимый результат. Кроме того, это обеспечит получение собственного рецепта модернизации на основе мировой практики перехода от традиционных обществ к современным.

В этом плане важно соблюсти приоритет вводимых универсальных ценностей современного демократического общества. Отклонение от демократической модернизации не может объясняться никакими специфическими особенностями конкретной страны. Универсальные общепризнанные ценности, такие, как правовое государство, гражданское общество, средний класс, рыночная экономика, конкуренция, плюрализм, многопартийность, неправительственный сектор и так далее, актуальны для всех, кто встал на путь демократической модернизации. Другое дело, что в процессе претворения реформ преобразования надо обязательно обращать внимание на последовательность, постепенность, своевременность, адекватность, имеющиеся рациональные традиционные ценности, уровень политической культуры и так далее. Конкретный опыт модернизации некоторых стран убедительно доказывает, что не всегда искоренение традиционных ценностей будет эффективным и рациональным решением. Некоторые ценности и приоритеты традиционного общества весьма сильны, от них трудно, почти невозможно отказаться и, более того, они весьма позитивны сами по себе. Поэтому важно осуществлять модернизацию так, чтобы эти традиционные ценности начали сами способствовать ее успешному претворению.

Важно отметить, что все начавшиеся процессы модернизации и их непосредственный результат во многом зависели и определялись от самого субъекта модернизации. В этом плане роль государства, безусловно, первостепенна. Ведь, насколько известно, необходимые ресурсы для проведения реформирования заключены в условиях перехода традиционных обществ к современным именно в руках этого основного политического института страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хантингтон Г. Неуправляемость демократии? // Демократия 1990-х. – №6. – С. 20–22.

Рецензия

Rumer B. (ed.) *Central Asia. At the End of Transition.* – Armonk, New York, London: M.E.Scharpe, 2005. – XIII + 449 p.

ЛАУМУЛИН М.Т.

В так называемой «Зеленой серии», выходящей в рамках проекта исследований Дэвис-центра (Гарвардский университет) и японского Фонда им. Сасакавы по Центральной Азии, увидели свет пять монографий: «Центральная Азия в период транзита» (1996), «Центральная Азия: вызовы независимости» (1998), «Центральная Азия и глобальная экономика» (2000), «Центральная Азия: надвигающаяся буря?» (2002) и «Центральная Азия: конец транзита».

«Конец транзита» – так назвал Б.Румер заключительную (по крайней мере, на сегодняшний день) книгу квинтологии о Центральной Азии. Американский ученый фактически признает, что прежние исследования о регионе на Западе носили поверхностный характер. Итак, переходный период завершен. Дальнейшее развитие будет определяться собственной логикой функционирования сложившихся систем.

Румер пишет, что в период после 11 сентября 2001 года Центральной Азии уделялось большое внимание мировой политологией. Многие стороны внутренней и внешней ситуации получили в ней подробное освещение. Особенно пристально отслеживались перипетии политической борьбы в верхних эшелонах власти, коррупционные скандалы с участием первых лиц государств, дворцовые интриги, сюжеты престолонаследия, ставшие актуальными для стареющих правителей стран региона, активность оппозиций и репрессии, применяемые властями против независимой прессы, растущее напряжение в отношениях между Казахстаном и Узбекистаном, Ка-

захстаном и Кыргызстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном, конфликтогенная ситуация вокруг распределения водных ресурсов, участвовавшие пограничные столкновения, лавирование руководства между двумя полюсами притяжения – Россией и Америкой. В нарастающем потоке информации трудно было отличить отражение действительности от досужих спекуляций и целенаправленной дезинформации.

В связи с этим Румер приходит к выводу, что следует признать неполноту западных представлений о реальной жизни в странах региона. Реальная жизнь общества во многих ее проявлениях остается скрытой от глаз наблюдателя. Как можно судить о подлинной динамике ВВП, если 30–40% экономической деятельности населения остается вне поля зрения статистики и не подпадает под налогообложение? Какова структура и динамика этой теневой сферы, охватывающей практически все секторы экономики и наркобизнес, оказывающей огромное влияние на общественную мораль, на криминализацию общества?

В новой книге Б.Румер дает еще более жесткие оценки экономическим и политическим моделям центральноазиатских государств. Он заключает, что в своем экономическом развитии страны региона идут во многом различными путями. Казахстан изначально воспринял российскую идеологию реформ и признан страной с рыночной экономикой. Кыргызстан – наиболее послушный клиент МВФ и слепо следует его предначертаниям. Узбекистан идет своим особым путем, сохраняя во многом ко-

мандную экономику, и рыночные реформы в нем пробуксовывают. При всем различии экономических стратегий, при разном ресурсном потенциале, разных стартовых возможностях, разной величине подушевого ВВП преобладающая часть населения стран региона существует на грани нищеты. Общее во всех этих странах – утвердившаяся в них политическая система – авторитарный, а в ряде случаев диктаторский характер правящего режима.

Во введении к книге Румер пытается выявить общие черты у всех государств региона. Он считает, что при всех различиях постсоветских стран региона – разные экономики, разные геополитические ориентации, разная скорость преодоления советского наследия – их объединяют авторитарный характер правления, а также слияние и криминализация власти и капитала. К общим чертам он относит также материальную и социальную стратификацию населения стран региона по известной схеме: 5% – наиболее преуспевающая его часть, 15% – относительно благополучная и 80% – неблагополучная.

Другая общая системная характеристика всех стран региона – это коррупция, ставшая, по сути дела, рабочим режимом функционирования общества. Во всех центральноазиатских странах за двенадцать постсоветских лет произошла деградация и архаизация социальной организации. По его мнению, в современной центральноазиатской реальности отношения между субъектами в социальной и экономической жизни в преобладающей степени регулируются не столько законами, сколько обычаями и договоренностями. В основе лежит практически легитимизированная на житейском уровне всеохватывающая и всепроникающая коррупция.

Другой общей чертой стран региона автор называет феномен фактора роста как «рост без развития». Общей для стран региона является проявившаяся в начале текущего десятилетия положительная дина-

мика валового внутреннего продукта (ВВП). Это следует не только из официальной статистики, но и из анализа, выполненного рядом независимых организаций и экспертов. Основным фактором экономического восстановления является, конечно же, рост мировых цен на сырьевые товары и металлы. Реальный ресурс мощностей в промышленности, включающий в себя имевшиеся на многих предприятиях резервные мощности мобилизационного назначения, обусловил возможность восстановительного экономического роста республик. Не менее важную роль играет еще не окончательно растроченный интеллектуальный и профессиональный капитал, созданный за советские годы; в основе подъема лежат имевшиеся и близкие к исчерпанию резервы, созданные также в советский период. Экономический рост имеет исключительно экстенсивный, ресурсопожирающий характер. Предпосылки устойчивого роста в странах региона не созданы и оптимизм по поводу обнадёживающей динамики экономических макропоказателей представляется неоправданным.

Очевидно, что в своем анализе ситуации в странах Центральной Азии автор взял на вооружение установку негативно оценивать все происходящие изменения, игнорируя объективные факты или предвзятость их трактовки. Это касается и стабилизационных фондов, которые, по мнению автора, не используются внутри страны и тем самым приносят только вред экономическому развитию. Другой системной характеристикой постсоветского центральноазиатского государства автор считает отсутствие гарантированного на деле права собственности. Собственность фактически находится лишь в условном владении своих распорядителей и может быть изъята в случае нарушения ими тех или иных договоренностей с теми или иными властными структурами.

Другой проблемой всех или большинства республик Центральной Азии Румер

называет «развращающее влияние изобилия природных ресурсов». По его мнению, изобилие природных ресурсов развращает правительства, вселяет чрезмерно завышенные надежды и отнюдь не стимулирует проведение ответственной экономической политики. Он иллюстрирует свой тезис на примере Казахстана: среди препятствий на пути к устойчивому росту одна из важнейших – низкий уровень производительности экономики. Внушающая оптимизм динамика ВВП Казахстана не должна отвлекать от того факта, что львиная доля доходов в стране имеет рентное происхождение, намного меньшая часть приходится на долю капитала и совсем небольшая – на долю труда. Бюджет государства формируется за счет рентных доходов, то есть мало связан с экономической активностью населения. Удельный вес зарплаты в стоимостной структуре ВВП составляет около трети, что существенно ниже по сравнению с развитыми экономиками. Дешевизна труда препятствует повышению качества трудовых ресурсов, развитию прогрессивных производств, консервирует сложившуюся структуру экономики. Эти системные свойства экономики Казахстана в не меньшей, если не в большей, степени характерны для экономик и других стран региона.

Среди сложных экономических проблем Румер выделяет проблемы реструктуризации экономики. Без кардинальной реструктуризации экономики, при сохранении абсолютной доминанты добывающего сектора и недостаточности перетока получаемых в нем средств на развитие других сфер экономики и социальной жизни ни о каком социально-экономическом прогрессе в богатых природными ресурсами странах региона не приходится и говорить. Перераспределение ресурсной ренты от экспорта нефти, газа, металлов, хлопка и прочих в пользу обрабатывающего и других секторов практически не происходит или происходит в крайне недостаточной степени. Это блокирует сколько-нибудь существ-

венные структурные сдвиги в реальном секторе экономики. Таким образом, прочно сохраняется сырьевой характер экономик и тем самым полная зависимость от цен на сырьевые продукты на мировом рынке.

Американский исследователь считает, что главным и непреодолимым в нынешних конкретных условиях препятствием, делающим практически невозможным существенный переток ресурсов в несырьевые сектора экономики, является кровная заинтересованность присваивающих львиную долю сырьевой ренты власть имущих слоев бюрократии, сросшейся с верхушкой бизнеса, в сохранении этой ренты. Используя европейские критерии, можно смело утверждать, что ни одна из стран СНГ, включая Россию и наиболее продвинутые из стран региона в смысле осуществления рыночных реформ – Казахстан и Кыргызстан, не соответствуют этим нормам. Таким образом, приходится признать, что экономические системы постсоветских стран, в том числе центральноазиатских, не относятся к рыночным.

Румер касается также такого злободневного вопроса, как смена элит и передача власти в постсоветских государствах. По его мнению, в сегодняшней политической действительности применительно к центральноазиатским странам возможен один из трех сценариев перехода власти: ельцинский, азербайджанский и грузинский. Эпоха глав компартий бывших союзных республик уходит в прошлое. Они разыгрывают разные комбинации внутри страны, направленные на сохранение власти, но в то же время ищут поддержку и вне ее – в Вашингтоне и в Москве. Нет сомнений в том, что самый приемлемый для центральноазиатских правителей вариант – азербайджанский, то есть алиевский – династический.

В связи с этой острой политической проблемой Румер высказывает (на примере Казахстана) вполне здравые мысли. Он считает, что с приближением или уже наступлением старости выбор правителями на

постсоветском пространстве сценария передачи власти и реальная возможность его осуществления, механизм престолонаследия определяются способностью лидера играть на межклановых противоречиях и держать под контролем потенциальных конкурентов. Смена лидера отнюдь не приведет к изменению характера режима, но несет в себе угрозу дестабилизации обстановки в стране. Такая перспектива не может не беспокоить преобладающую часть активного населения, а особенно принадлежащих к «5 + 15%». По-видимому, особенно значителен этот фактор в Казахстане, выделяющемся относительным среди стран региона экономическим благополучием и относительно более мягким политическим климатом.

Затем автор переходит к персональным особенностям как политика каждого из трех центральноазиатских лидеров. Рассуждая о президенте РК, Румер утверждает, что, судя по всему, казахстанский лидер предпочитает династический вариант. При амбициях Назарбаева, его претензиях играть заметную роль в международном политическом бомонде, стараниях выглядеть как respectable национальный и даже региональный лидер, реформист и либерал, при его стремлении занять в 2008 году кресло председателя ОБСЕ, сохранение положительной репутации в глазах Запада не может не беспокоить его. Румер приходит к выводу, что наиболее реальная угроза сохранению его власти исходит не от демократической оппозиции, не от вызова каких-либо партий и движений. Она исходит от активизировавшихся членов его клиентелы. В конце концов, американский исследователь вынужден отдать должное Н. Назарбаеву: трезво оценивая возможные альтернативы ему, Румер заключает, что если он не сможет удержать власть, то весьма сомнительно, что на смену придет кто-то лучший по своим политическим и моральным качествам.

Затем Румер переходит к бывшему президенту Кыргызстана: Акаев слывет, и не

без оснований, наиболее либеральным среди центральноазиатских правителей. Правда, эта его утвердившаяся в западной массовой и политических кругах репутация несколько потускнела за последние годы*. Весьма немаловажным аргументом в пользу сохранения на посту Акаева является тот факт, что его поддерживает Москва: он с полным правом считается самым лояльным России центральноазиатским президентом, при этом не раздражает и Вашингтон. Он на хорошем счету в Международном Валютном Фонде и Мировом Банке, которые и дальше готовы продолжать свой провалившийся эксперимент с этой страной.

Следующим американский исследователь рассматривает политический портрет И. Каримова. Румер подчеркивает, что у него двойственное восприятие характера узбекского лидера. Каримов не ринулся очертя голову ломать старую командную систему. Он, как представляется, осознавал, к чему приведет следование рецептам Бреттон-Вудских институтов в конкретных специфических условиях Узбекистана. Предвидя последствия «шоковой терапии», а в условиях Узбекистана они по ряду причин были бы еще более тяжелыми, чем в Казахстане, он отказался от либерализации экономики и пошел на сохранение командной системы. Благодаря этому, Узбекистан претерпел наименьший спад по сравнению с другими постсоветскими государствами. Положительный эффект экономической политики Каримова проявился в поддержке относительной стабильности в экономической сфере и тем самым в социальной. Избранный Каримовым курс и его экономическая политика до поры до времени приносила свои плоды. Но далее, с середины 1990-х, когда пора было менять курс, отказаться от командной модели экономики в пользу ее либерализации, он уже не смог сойти с занятой траектории. Опыт-

* Румер писал данный раздел за несколько месяцев до свержения А. Акаева.

ный экономист советской школы, он понимал социальные последствия одномоментной либерализации цен, масштабной приватизации и резкого ослабления контроля государства над экономикой в первые годы независимости. Он понимал опасность подобного эксперимента для еще не окрепшего его режима.

Возможно, рассуждает Румер, он и понимал, что надо менять курс, но то ли хотел избежать риска социальных потрясений, то ли не решался обострить отношения с крайне заинтересованной в сохранении сложившейся системы мафиозно-клановой узбекской элитой, протектором которой он, по сути дела, является, а может быть, оба эти соображения вынуждали Каримова отказываться от серьезной либерализации экономики. Социальная деградация постсоветского Узбекистана проявляется в депрофессионализации целых слоев населения, исходе из страны квалифицированных кадров, омертвлении литературы, искусства, в удушающей атмосфере тотального контроля над общественной мыслью. Каримов пытается модернизировать экономику, препятствуя модернизации общества. Огромные социальные проблемы Узбекистана – безработица и бедность сельского и большинства городского населения – на фоне быстрого демографического роста усиливаются. Режим Каримова не дал народу ни одной легальной отдушины для выражения недовольства и реального участия в управлении страной.

Ради объективности Румер обращает внимание на тот ресурс прочности, которым располагает каримовский режим. Среди факторов, способствующих его сохранению, он называет следующие: историческая традиция (власть сильного государя); публичные выступления, насыщенные популистскими декларациями, обвинениями бюрократии, осуждениями коррупции, обещаниями улучшения жизни и социальной справедливости; «таджикский синдром» (ужасы гражданской войны в соседней

стране); страх перед приходом к власти исламистов; близкая и понятная для населения программа национальной независимости; в узбекском политическом истеблишменте нет фигуры равного калибра по знанию экономической реальности, политическому опыту, по способности дирижировать столь сложным оркестром, который представляет собой регионально-клановая структура Узбекистана.

Румер делает следующий вывод: авторитарный режим органически вписывается в историю, традиции народа и воспринимается им как нечто естественное. В период становления и укрепления своей власти Каримов проявлял большую способность социального маневрирования, шел на временные компромиссы с оппонентами. С некоторых пор он утратил эту способность, а режим стал слишком негибким. Со временем стали необходимы либерализация общественной жизни, сотрудничество с умеренными кругами исламского духовенства, смягчение репрессивной политики, отказ от советского стиля управления.

Американский автор отдает должное попыткам И.Каримова изменить ситуацию. Так, в экономической политике наметились сдвиги в сторону либерализации. Начиная с 2000 года, под давлением международных финансовых организаций узбекское руководство шаг за шагом движется по пути реформ. Оно ввело конвертируемость национальной валюты, которая была резко девальвирована. Были изданы Указы Президента, направленные на улучшения делового климата и реформу банков. 2003-й год был наиболее «реформистским» за всю историю независимого Узбекистана: была существенно упрощена регистрация малого бизнеса, сокращен бюрократический аппарат, ускорилось развитие фермерства и существенно выросло число фермерских хозяйств. Налоги на доходы предприятий и населения были снижены. В 2003–2004 годы правительство проводит политику макроэкономической стабилизации, резко ограничив

прямые правительственные кредиты и сдерживая предложение наличных денег и кредитование бюджетного дефицита.

Проводимые в эти годы реформы имели противоречивый и половинчатый характер. В реальности многие критически важные компоненты командно-административного управления остались в силе, в частности, сохранились государственный план производства важнейших сельскохозяйственных продуктов – хлопка и зерна, сдача урожая по устанавливаемым государством низким закупочным ценам. Положительный эффект от введения конвертируемости национальной валюты (сума) был в значительной мере «смазан» жестким протекционизмом и олигополией в оптовой торговле с 2002 года, а также очередным повышением акцизов на импортные потребительские товары в мае 2004 года.

После столь резкой критики трех моделей Румер приходит к неожиданному выводу: итак, переход от советского общественно-политического строя и командной экономики в странах Центральной Азии завершился, сложившиеся системы, их базовые структуры достаточно жизнестойки. Уникальное сочетание исламских традиций и результатов полуторавековой русификации и советизации времен Российской и Советской империй обусловило своеобразие населения стран постсоветского Юга. Все это создало из него социальный сплав, понять внутренние качества которого и способность к сопротивлению внешним воздействиям вряд ли можно, используя опыт других стран и народов. В странах Центральной Азии может быть создана система свободного предпринимательства, рыночных отношений, как и произошло в Казахстане, но это еще не капитализм с присущими ему экономическими, социальными, политическими и культурными составляющими, менталитетом людей. Алматы становится не только финансовой, но и интеллектуальной столицей Центральной Азии, но не Ташкент, который в советское

время был центром региональной экономической и культурной жизни. Достаточно сравнить ту казахстанскую прессу, которая не контролируется властями, и узбекскую. Таким образом, Б.Румер, хотя и с оговорками, не может не признать достижений Казахстана по сравнению с его южными соседями.

Во второй части своего эссе американский автор переходит к международной обстановке и геополитической борьбе вокруг Центральной Азии. Его рамочный тезис достаточно банален: на пространстве Центральной Азии (как и Южного Кавказа) обостряется столкновение интересов Америки и России. Третий участник новой «Большой игры» – Китай пока демонстрирует свойственную ему настороженную сдержанность и активно не участвует в этом тлеющем конфликте.

По мнению автора, одним из факторов, определяющих стратегическую и экономическую важность Синьцзяна для Китая, являются его минеральные ресурсы, в том числе нефть. Пекин создал амбициозный десятилетний (2000–2010) план экономического развития своей северо-западной периферии и всеми силами старается вовлечь ее в развитие страны в целом. И в этом он рассчитывает на использование энергетических и других видов ресурсов Центральной Азии, главным образом Казахстана. Чтобы поставки углеводородного сырья из Центральной Азии в Китай были постоянными, необходима прочная и устойчивая власть в государствах региона, которую, во всяком случае, пока обеспечивают правящие в них режимы.

Но наиболее важная причина заинтересованности Пекина в поддержании стабильности в Центральной Азии носит не только экономический характер. Центральная Азия очень важна с точки зрения стратегической географии. Мусульманские Центральная Азия, Афганистан и Пакистан – это южный фланг России и западный фланг Китая. И здесь смыкаются их интересы в

предотвращении исходящей от радикал-исламизма угрозы. Пока Пекин устраивает модель разделения власти с Москвой в отношении Центральной Азии. Но дело то в том, что Москву сейчас не устраивает паритет с кем бы то ни было в контроле над этим регионом. В первое постсоветское десятилетие, в 1990-е годы, отношения между Россией, Китаем и Соединенными Штатами применительно к Центральной Азии были более-менее уравновешенными. Сейчас сложившийся эквilibrium нарушен. 11 сентября 2001 года кардинально изменило сложившееся распределение сил и влияний: Соединенные Штаты заняли доминирующую позицию в регионе, стали главным экономическим донором и «менеджером по безопасности» (security manager), оттеснив двух других игроков на центральноазиатском поле. Китай, конечно, не может не беспокоить такая ситуация, а политическим руководством России и ее политическим классом она воспринимается как неприемлемая.

Анализируя политику США в регионе, Румер выделяет в активности Вашингтона в постсоветской Центральной Азии два периода: до и после 11 сентября 2001 года. В первый период США не рассматривали регион как приоритетный с точки зрения фундаментальных стратегических интересов страны и хотя были озабочены происходящим в нем и оказывали финансовую поддержку странам региона непосредственно или через международные финансовые организации, но все же занимали скорее отстраненную, выжидательную позицию. Главное заключалось в том, чтобы воспрепятствовать другим заинтересованным сторонам распространить влияние в регионе, установить контроль над ним.

С наступлением новой геополитической эры после 11 сентября 2001 года американская политика в регионе кардинально изменилась: регион занял одну из приоритетных позиций в иерархии американских геостратегических интересов, что, естест-

венно, привело к резкому нарушению баланса сил и к напряженности в отношениях между главными претендентами на влияние в нем. В основу новой политики Америки в регионе положена следующая триада (по степени важности):

1. Создание опорных пунктов для использования маневренных сил быстрого реагирования в войне с исламским терроризмом и в тех или иных военных операциях в Афганистане и на Среднем Востоке. Вместо концентрации больших масс войск в Германии и Южной Корее Пентагон планирует рассредоточить их на огромной территории от Южной Африки до Китая, и размещение американских войск на базах в Узбекистане, Кыргызстане и других странах региона является составной частью этих планов, которые уже вполне успешно осуществляются.

2. Поддержка стабильности в регионе и независимости центральноазиатских стран, главным образом независимости от бывшего «старшего брата». Зона национальных интересов Америки простирается теперь на всю доступную ойкумену, и странам региона, согласным на дислокацию военно-воздушных баз и небольших мобильных воинских соединений, обещаны патронаж и в материальном, и в военно-политическом смысле, что гарантирует правящим секулярным режимам в этих странах устойчивость, в чем также заинтересован Вашингтон. Поддержка Вашингтоном репрессивных авторитарных режимов центральноазиатских стран вызывает неоднозначное отношение в американских политических кругах и критикуется в масс-медиа. При этом интересы, диктуемые политической целесообразностью, противоречат провозглашаемому моральным принципам американской внешней политики, и это противоречие вызывает соответствующую реакцию в американском общественном мнении.

3. Преследование своих интересов при использовании Каспийского нефтяного резервуара и транспортировка его нефтега-

зовых ресурсов в политически и экономически мотивированных для Вашингтона направлениях. США делают все возможное, чтобы нефть и газ Центральной Азии экспортировались, минуя Россию, даже в тех случаях, когда это связано с большими расстояниями и соответственно большими затратами на строительство трубопроводов. Ставить надежность и бесперебойность нефтяного потока в зависимость от изменений тех или иных обстоятельств или возникновения новых, связанных с Россией, представляется неприемлемым.

Румер уточняет, что некоторые аналитики считают одной из основных целей американского присутствия в Центральной Азии размещение военных баз на западной границе Китая. Однако он добавляет, что если они и правы, то, во всяком случае, этот фактор не относится к числу первостепенных и по значению уступает первым трем. В целом же, отмечает автор, политика Вашингтона в Центральной Азии базируется на принятой американским руководством после 11 сентября стратегии и руководствуется ее логикой. Три фундаментальные компоненты положены в основу этого американского внешнеполитического концепта: опережение (preemption), то есть возможность упреждающего удара; возможность проведения тех или иных односторонних военных акций независимо от позиций других стран (unilateralism), достижение гегемонии на территориях, определяемых национальными интересами страны (hegemony). Как считает Румер, авторство этой триады принадлежит не 43-му президенту США Джорджу Бушу, а шестому президенту США Джону Квинси Адамсу.

Бросается в глаза, что, рассматривая российскую политику в Центральной Азии, Брумер демонстрирует практически полное непонимание стратегических интересов России, в том числе и в нашем регионе. Так, Б.Румер считает, что в основе путинской политики по отношению к Центральной Азии и Южному Кавказу отчетливо

просматривается идея восстановления контроля Москвы над ее бывшими южными провинциями. По его мнению, это не более чем виртуальная активность, цель которой – создать Путину образ собирателя бывших владений в глазах российского электората. Никакой экономической реальности не лежит в основе бесконечных интеграционных попыток в виде объединений типа ЕЭП, ЕврАзЭС и других и остающихся на бумаге «рамочных» соглашений. И как бы ни призывал российский президент евразийских лидеров создать под эгидой Москвы подлинные интеграционные структуры на территории бывшего Союза, ни у кого из них, за исключением основоположника концепции евразийской интеграции Назарбаева, действительного, а не показного энтузиазма эта идея не вызывает.

Румер признает, что принятая центральноазиатскими лидерами «многовекторная ориентация» вполне себя оправдывает. Для Вашингтона в данный момент важнее всего предоставляемая центральноазиатами возможность использовать их территории для базирования мобильных соединений в войне с терроризмом. Важно и трезвое осознание того факта, что правящие режимы действительно обеспечивают стабильность в регионе. Ради этого практики американской внешней политики действуют по «саудовской модели»: они вынуждены мириться с неприемлемым с позиций западной демократии характером этих режимов во имя геостратегических интересов Америки. Москва же, будучи неконкурентоспособной, старается, тем не менее, конкурировать с Вашингтоном в контроле над регионом, усиливая влияние в политической, экономической и военной сферах. Таким образом, резюмирует Румер, неоимперский проект – попытка восстановить контроль Москвы над Центральной Азией (как и над Кавказом), невзирая на совершенно несоответствующие этой цели экономические и военно-политические ресурсы, обречен на провал.

Только Америка и НАТО могут создать в регионе действенную систему безопасности, поддерживать в нем стабильность. И это, конечно, легче и эффективнее сделать в кооперации с Россией. Румер не идеализирует американскую политику по отношению к России и находит ее негибкой и непоследовательной. Но ее центральноазиатское направление представляется ему абсолютно оправданным и отвечающим интересам и России, и всего лагеря стран, находящихся в состоянии войны с исламским радикализмом. Америка заинтересована в России как в партнере по стабилизации обстановки в Центральной Азии. Но Россия не находит для себя приемлемой эту роль. Она стремится к гегемонии на Евразийском континенте, не имея для этого достаточных экономических и военных ресурсов. Такими ресурсами располагает только Америка. Америке не нужны евразийские территории. И даже в запасах нефти и газа региона Америка не так уж заинтересована: есть немало и других, не менее перспективных в этом смысле, регионов с менее затратными возможностями транспортировки. Но стратегически Америке этот регион очень важен в связи с его примыканием к Афганистану и Среднему Востоку, где ситуация еще долго будет оставаться нестабильной и требующей американской военной и экономической вовлеченности, впрочем, как и вовлеченности стран Европейского Союза и НАТО.

Оценивая политику США, Румер приходит к выводу, что заинтересованность Вашингтона в странах Центральной Азии и Южного Кавказа объясняется, главным образом, так называемой «доктриной Рамсфелда», предусматривающей создание опорных пунктов для базирования мобильных сил быстрого реагирования. Вместо концентрации больших масс войск в Германии и Южной Корее Пентагон планирует рассредоточить их на огромной территории от Южной Африки до Китая, и размещение американских войск на базах в Узбекис-

тане, Кыргызстане, Грузии и других странах региона является составной частью этих планов, которые уже вполне успешно осуществляются.

Принятая нынешней вашингтонской администрацией в условиях борьбы с международным терроризмом, с исламским экстремизмом стратегия национальной безопасности базируется на упреждающей тактике, на опережении событий, на превентивных действиях. Зона национальных интересов Америки простирается теперь на всю доступную ойкумену, и выбор стран региона для дислокации военно-воздушных баз и небольших мобильных воинских соединений определяет, главным образом, обещанный им патронаж и в материальном, и в военно-политическом смысле. А это гарантирует правящим секулярным режимам в данных странах устойчивость, в чем также заинтересован Вашингтон. Все остальные соображения – американская экспансия в регион с целью окружения России, создание форпоста на западных границах Китая – это из области геополитических спекуляций или вторично, как и заинтересованность в нефтяных ресурсах Каспия. Конечно, нефтяные богатства Каспия – существенный стимул для укрепления позиций в регионе, но главный – это военно-стратегический фактор.

Румер, завершая свой анализ (вновь возвращаясь к взятой им критике российской политики в Центральной Азии), приходит к выводу, что большой российский проект *Drang nach Central Asia* свидетельствует об отсутствии у «либеральных империалистов» трезвого понимания реального места России в современном геополитическом раскладе, об их неспособности соизмерять возможности с амбициями.

Таким образом, при знакомстве с последними работами Б.Румера легко бросается в глаза его резкое неприятие российских стратегических интересов на постсоветском пространстве в целом и в Центральной Азии в частности. По мнению автора,

таковыми может располагать только одно государство в мире – Соединенные Штаты. Апологетика активной и наступательной политики США является ядром его аналитических конструкций. На эту цель работает и антироссийская риторика, и критика центральноазиатских режимов с точки зрения американского понимания демократии и прав человека. Более того, Румер для усиления эффекта объективности применяет критику опыта развития центральноазиатских государств с точки зрения бывшего «советского технократа». В результате у него получается некая аналитическая смесь, в которой объективные элементы тесно переплетаются с субъективизмом и

плохо маскируемой ангажированностью. Но сквозь задропированные красноречивой риторикой рассуждения Румера проявляется свойственный всему американскому геополитическому и стратегическому истеблишменту навязчивый страх, своего рода идефикс, перед возможностью восстановления на постсоветском пространстве в любой форме какого-либо экономического и тем более военно-политического объединения. Причем они уверены, что это должно произойти непременно под эгидой России. И настоящее является моментом истины, своего рода родимым пятном американского аналитического сообщества, частью которого является и рецензируемый автор.

Борис Румер эмигрировал из СССР в США в 1977 году. Он начал свою трудовую деятельность по окончании топографического техникума, как геодезист, работая в экспедициях в Сибири, на Урале, в Поволжье, в Казахстане. Закончив без отрыва от производства МГУ им. Ломоносова, Румер работал как специалист в области экономических обоснований крупных инвестиционных проектов. Его публикации до эмиграции в московских журналах «Вопросы экономики», «Плановое хозяйство», «Вестник статистики» и другие были посвящены инвестиционной тематике и экономике промышленности.

С 1978 года Румер работает в Гарвардском Университете в Центре Российских и Евразийских исследований, где выполнил ряд исследовательских проектов по советской и постсоветской экономике. Он консультирует ЦРУ США по проблемам развития советского тяжелого и среднего машиностроения (оборонка) и добывающей промышленности. Он опубликовал много статей в американских и европейских изданиях и несколько книг. В своих исследованиях Румер уделяет особое внимание социально-экономическому развитию регионов Евразии. В 1980-е годы были опубликованы его исследования экономики Сибири (в *Harvard Business Review*) и Средней Азии (книга *Soviet Central Asia: a Tragic experiment*).

С 1995 года Румер совмещает работу в университете с научным руководством (спонсируемым японским Фондом им. Сасакавы) многоплановым проектом, охватывающим ключевые аспекты современного развития постсоветских стран Центральной Азии и Южного Кавказа. В этом проекте участвуют ученые России, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Грузии, Армении и Азербайджана. Под редакцией и при соавторстве Бориса Румера за эти годы издательством M.E.Sharpe (New York, London) опубликована серия коллективных монографий. В их основу положены доклады экспертов по Центральной Азии на международных конференциях, проведенных в рамках проекта в столицах стран региона, а также в Вашингтоне, Токио, Оксфорде, Москве, Пекине, Куала Лумпур.

В написанных им в этих пяти книгах предисловиях и главах Румер рассматривает широкий спектр экономических, социальных, внутри- и внешнеполитических проблем постсоветских государств Центральной Азии.

Summary

The Development of Kazakhstani-Pakistani Relations

Narbayev B.N., Advisor to the Minister, Ministry of Foreign Affairs of RK

This article elaborates on the development of Kazakhstani-Pakistani bilateral relations and the two governments' efforts to expand economic and political cooperation. Kazakhstan regards Pakistan as one of the important Asian players, not only because of its geographic location and economic potential, but also because of its influence on geopolitical processes in Central Asia.

Yet, there is still room for building closer relations between Kazakhstan and Pakistan, though these rela-

tions have been greatly stimulated by the countries' participation in regional structures such as the Economic Cooperation Organization, the Organization of the Islamic Conference, and the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia. The two countries agree that regional cooperation and interaction within these organizations must be strengthened.

To date, Kazakhstan and Pakistan have created favorable conditions to develop the full spectrum of bilateral relations.

Central Asia in military-political strategy of NATO on modern stage: position of Russia

Shaimergenov T.T. – Research fellow of the KazISS under the President of RK

Today Central Asian region represents a great interest both for regional and for countries geographically remote from it. In this region geopolitical power, access to potentially huge resources, promotion of the religious, national purposes and priorities, and also prospects of global and regional safety in its most various aspects are put «on a stake».

Cooperation of Central Asian States with NATO in practice has begun with signing NATO program «Partnership for Peace» (PFP) in 1994. Four of five Central Asian States - Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan - were among initial signatories which have signed in 1992 the CIS Contract about collective security with Russia. When in 1999 the Report on Treaty Prolongation has been signed, Belarus has acceded to this report, whereas Uzbekistan has withdrawn from it. Four Central Asian States were among signatories which have signed PFP in

1994: Turkmenistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan. Though purpose is PFP distribution on Central Asia successor states to approach them to the western values, their expert in the field of political liberalization, except for Kazakhstan, as a whole worsened during the last decade.

Countries of the Central Asia have historically close and numerous connections with Russia. Proceeding from the geostrategic purposes, Russia aspires to keep the influence in these countries. Presence of Russian-speaking minority in all Central Asian Republics, significant dependence of economy of these countries on Russia, problems of foreign security of some States and many other factors create a basis for Russia presence in region. Russian for this region - language of interstate dialogue, language of business and diplomacy. For Central Asia States Russia - natural foreign partner.

Iran and the U.S.'s Foreign Policy

Tulepbergenova G.K., Research Fellow of the KazISS under the President of RK

Iran is considered by the U.S. to be one of the «axis of evil» countries. However, because of the large-scale wars with Afghanistan and Iraq, in the last four years Iran was not high on the agenda in

Washington. Despite the White House's pause in developing the Iranian vector, the forthcoming four-year rule of the Republicans seems to put this issue on the table. Washington's policy toward Iran will

most likely continue with the traditional tough criticism. And, because of serious disagreements between the two countries, the most probable scena-

rio of American-Iranian relations in the forthcoming year and a half will be a fragile peace between the countries.

Transformation of Political, Social and Economic Arguments into an Armed Conflict

Fedoseyev S.G., Colonel, Candidate of Political Science, Associate Professor, Chair of the Humanities Department, National Defense University

Certain players in the international arena pose different threats and mark out the danger of war for each individual country.

Until recently, the words «danger of war» and «threat of war» had nearly the same meaning. The

difference was that the danger of war meant the remote possibility of an armed conflict, whereas the threat of war suggested a high possibility of the same. This was chiefly due to the Cold War, when the potential source of danger was known by default.

Prospects of Creating a Central Asian Union

Rakhmatulina G.G., Candidate of Economics, Chief Research Officer of the KazISS under the President of RK

Regional cooperation between Central Asian countries with interrelated economies plays an increasingly important role in view of globalization and the growing danger of extremism and terrorism.

Central Asia is rich in mineral, water and energy resources, which substantiates the need for deeper integration of the countries' real economies.

In addition, Central Asia has an enormous transit potential. If used efficiently, this will play a crucial role in developing communication infrastructure in the region. A topical issue for Central Asia is the growing threat of terrorism, extremism and drug trafficking, which is why it is important for the governments to joint efforts to strengthen the region's security.

An Analysis of the Economic Potential of Northeast Asia: China, Japan and Republic of Korea

Namzabekov M.N., Head of Geoglobalistics and Economic Security, KazISS under the President of RK

An urgent topic under discussion by the expert community today is the strengthening of Northeast Asia's position in the world economy. China, Japan, and South Korea lead the way in economic development of the region. These Northeast Asian countries, together with North America and Western Europe, are reasonably viewed as the world industrial, trade and investment centers.

We have every reason to believe that the Asian crisis of 1997-1998, which affected the economy of key regional players, has been almost overcome and

the economic potential of these countries rebuilt. An increased direct and portfolio investment from Europe and the U.S. became the main catalyst for the structural reform in Northeast Asian countries.

The revived development potential, structural reform and the strengthening of Northeast Asia's position in the world economy promote mutually beneficial economic cooperation. There is a reasonable prospect that a common East Asian free-trade zone will form to further develop into an East Asian economic community.

Struggle against Human Trafficking and Illegal Migration in Kazakhstan, and International Law

Sarsembayev M.A., Doctor of Law, Professor of International Law, President of the International Law and Business Academy

The author elaborates on the issues of human trafficking and illegal migration across national boundaries. Human trafficking means helping a non-national or non-resident to illegally enter a country for financial or another material gain.

Currently, almost every country suffers from human trafficking, which enhances the use of forced labor. Because of economic inequalities, people migrate from less-developed countries to developed ones to find any, often low-paying job. In other words,

they become slaves and are often oppressed and heavily exploited. Human trafficking ranks third in crimi-

nal profits, with an annual gain of up to \$30bn, yielding to only drugs and arms trafficking.

Political Modernization Theory: Stages of Development

Seisenova N.B., Academic Secretary, Philosophy and Political Science Institute, Ministry of Education and Science of Kazakhstan

The author elaborates on the development of the political modernization theory, as viewed by political science, and suggests serious conclusions. She underlines that the political modernization theory substantiates the global development of civilization and the transition from traditional societies to modern ones, which is inevitable in the modern political context. The theory provides a comprehensive analysis of the societies' modernization as a process,

describes its prerequisites, and gives examples. The author believes that there is no common political modernization theory in Kazakhstan or abroad. Modern political science knows a wide variety of such theories. Their common objective is to determine universal values of social and political development. These theories understand social development as a certain universal process, which has laws and stages.

В память о У.Т. Касенове

В этом году исполнилось бы 60 лет Умирсеріку Тулешевичу Касенову – первому директору и основателю Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.

У.Т. Касенов получил блестящее образование, закончив Московский Государственный институт международных отношений (МГИМО). Фундаментальные знания в области международных отношений, полученные в Москве, и изучение ряда европейских и восточных языков позволили ему в дальнейшем успешно работать на административной и академической стезе. После обретения Казахстаном независимости Умирсерік Тулешевич одним из первых поставил перед руководством страны вопрос о создании аналитической структуры для защиты стратегических и национальных интересов РК на международной арене.

Такой структурой стал в 1992 году Центр стратегических исследований, а с 1993 года – Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ). Талант У.Т. Касенова как ученого и организатора науки особо проявился на посту руководителя этих организаций.

Круг научных интересов У.Т. Касенова был очень широк и включал в себя вопросы внутренней и внешней политики Республики Казахстан, проблемы международной безопасности, ядерного разоружения, интеграции на постсоветском пространстве, проблемы геополитики и так далее. Он был ведущим специалистом в Казахстане по проблемам Каспийского моря, азиатской безопасности, нераспространения ядерного оружия и национальной безопасности. Заметный вклад в казахстанскую и мировую науку внесли его работы, касающиеся вопросов геополитики, формирования нового миропорядка и интеграции в Центральноазиатском регионе.

По вполне понятным причинам до 1995 года во внешнеполитической проблематике КИСИ преобладала тема, которая стала как бы визитной карточкой института – проблема ядерного оружия на территории РК и участия Казахстана в Договоре СНВ-1. Именно благодаря существованию этой проблемы и прекрасному владению ею У.Т. Касенова произошло раннее взросление КИСИ, ускорился его дебют на международной арене. Институт очень быстро освоил геополитическую проблематику и активизировал исследования в области международной безопасности. В те годы У.Т. Касенову и его сотрудникам приходилось непосредственно контактировать с ведущими западными аналитическими структурами в этой сфере. Тогда же сложилась высокая международная репутация КИСИ и установились его тесные связи с зарубежными стратегическими институтами. Большой заслугой У.Т. Касенова является то, что он по своим каналам способствовал решению ядерной проблемы в выгодном для Казахстана духе: в 1994–1995 годах Казахстан получил гарантии безопасности от великих держав фактически в обмен на данное ранее согласие расстаться с советским ядерным арсеналом.

Под его непосредственным руководством в период с 1993 по 1997 год институтом были осуществлены крупные исследования по вопросам внутренней и внешней

политики Республики Казахстан, проблемам национальной и ядерной безопасности, интеграции на постсоветском пространстве и так далее. У.Т. Касеновым был основан журнал «Казахстан и мировое сообщество» (с 1998 г. – журнал «Казахстан-Спектр»).

Начиная с 1995 года, Умирсерик Тулешевич делает попытку расширить спектр тематик, изучаемых КИСИ, и сформировать в его структуре профильные отделы по изучению США, Европы, Китая, России, государств «Исламской дуги». С этого же момента нефтяная и каспийская проблематика становятся одними из самых главных направлений научных исследований КИСИ. В КИСИ подтягиваются ведущие казахстанские специалисты по соответствующим направлениям. Одновременно делается попытка оснастить институт новейшим техническим оборудованием и начать использовать в работе технические достижения того времени. Что-то сделать удалось, что-то осталось нерешенным, но важно, что толчок был дан. Во всяком случае, именно У.Т. Касенову удалось постепенно сплотить в институте группу высокопрофессиональных ученых и экспертов в самых разных областях знания: ядерной физике, экономике, синологии, исламоведении и так далее.

С первых лет сложилась традиция тесного сотрудничества между КИСИ и МИД, существующая и до сих пор. И в этом, прежде всего, заслуга У.Т. Касенова, хорошо знавшего или учившегося вместе с теми казахстанцами, у кого были за спиной учеба в МГИМО и дипломатическая работа в МИД или других стратегических структурах СССР и кто в те годы составлял профессиональный костяк внешнеполитического ведомства Казахстана.

У.Т. Касенов отдавал много сил установлению и развитию научных связей с различными международными центрами и институтами стратегических исследований. В период его руководства институтом Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан установил связи с крупнейшими и авторитетнейшими зарубежными научно-исследовательскими учреждениями и зарубежными учеными по всему миру.

Личной заслугой У.Т. Касенова можно считать приглашение известного американского политика и аналитика З. Бжезинского выступить в КИСИ в конце 1993 года, где он сформулировал свои основные идеи, легшие затем в основу его знаменитой книги по геополитике «Великая шахматная доска». В апреле 1996 года институт посетил другой крупный американский политик, бывший госсекретарь США Дж. Бейкер. В присутствии Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева и Дж. Бейкера У.Т. Касенов от имени КИСИ подписал Договор о сотрудничестве с институтом Дж. Бейкера в Хьюстоне.

Но главное внимание У.Т. Касенов уделял людям. Для него не существовало сотрудников первого или второго сорта, все были одинаково важны. Будучи «трудоголиком», сам он требовал соответствующего отношения к работе и от остальных. Не оставлял он без внимания и тех, кто по каким-то причинам был вынужден покинуть КИСИ. Часть сотрудников КИСИ по рекомендации У.Т. Касенова перешла на работу в МИД, что еще больше способствовало взаимодействию и сотрудничеству двух структур. В свою очередь, в КИСИ переходили мидовцы с их полезным практическим опытом.

Руководимый У.Т. Касеновым институт стал настоящей кузницей кадров. Именно здесь начинали те, кто создавал первые в Казахстане негосударственные аналитические структуры – Институт развития Казахстана, Информационно-аналитический

центр «Kazakhstan». Отсюда же родом Центр внешней политики и анализа, Международный институт экономики и политики. КИСИ подпитывал кадрами также аналитический центр Администрации Президента РК, Совет безопасности и другие государственные структуры.

Нельзя не вспомнить и о таланте У.Т. Касенова как педагога. Многие казахстанские ученые, работники органов государственного управления, Министерства иностранных дел, возглавляющие сегодня научно-исследовательские институты, отделы и департаменты, являются его учениками. Не одно поколение казахстанских студентов будет с благодарностью вспоминать его лекции, которые заставляли по-новому взглянуть на происходящие события и увидеть то многое, что скрывает официальная политика.

У.Т. Касенов обладал самостоятельным и жестким характером, что во многом обеспечило успех в первые, наиболее сложные, годы становления КИСИ. Оставив в 1997 году пост директора КИСИ, У.Т. Касенов перешел на преподавательскую работу. Его безвременная кончина в 1998 году стала настоящим ударом для всех коллег и друзей. В этом году мы с благодарностью вспоминаем Умирсерика Тулешевича и сожалеем, что его нет рядом с нами.

Б.К. Султанов,

директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК,
кандидат исторических наук, доцент

К.Л. Сыроежкин,

заведующий отделом общественно-политического журнала «Континент»,
доктор политических наук, профессор

Д.Ш. Елеукенов,

директор Департамента международного гуманитарного и экономического сотрудничества МИД РК,
кандидат физико-математических наук

М.Т. Лаумулин,

главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК,
доктор политических наук

Сведения об авторах

Журнал «Казахстан-Спектр» №3, 2005

- Лаумулин М.Т.** – главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук
- Намазбеков М.Н.** – заведующий отделом геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК
- Нарбаев Б.Н.** – Чрезвычайный и Полномочный Посол РК в Исламской Республике Пакистан, кандидат биологических наук, доцент
- Рахматулина Г.Г.** – главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
- Сейсенова Н.Б.** – ученый секретарь ИФиП МОН РК
- Сарсембаев М.А.** – президент Академии международного права и международного бизнеса (г. Астана, Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор международного права
- Тулбергенова Г.К.** – научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК
- Федосеев С.Г.** – полковник, начальник кафедры гуманитарных дисциплин Национального университета обороны РК, кандидат политических наук, доцент
- Шаймергенов Т.Т.** – научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ)

КИСИ создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 года. За эти годы Институт приобрел общественное признание, зарекомендовав себя в качестве одного из ведущих научно-исследовательских и аналитических центров страны.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КИСИ

1. Стратегические аспекты внешней политики:

- мониторинг внутривнутриполитического и социально-экономического развития сопредельных стран;
- анализ двусторонних отношений Казахстана с Россией, Китаем, США, Турцией, странами ЕС и СНГ;
- исследование проблем интеграции на постсоветском пространстве;
- изучение вопросов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

2. Общественно-политические и социальные процессы в современном Казахстане:

- мониторинг общественно-политической ситуации в Республике Казахстан;
- анализ этнодемографической ситуации и миграционных процессов в Казахстане;
- исследование процессов демократизации и становления политических институтов в стране.

3. Экономическая безопасность:

- исследование проблем экономической безопасности;
- изучение тенденций развития мировой экономики и анализ их влияния на экономику Казахстана;
- исследование проблем участия Казахстана в международном экономическом сотрудничестве;
- социально-экономический мониторинг Республики Казахстан.

ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИСИ

Институт проводит фундаментальные исследования по стратегическим проблемам внешней и внутренней политики, социально-экономического развития Казахстана, готовит материалы прогнозно-аналитического характера для руководства страны.

Институт выпускает четыре периодических издания: ежеквартальный научный журнал «Казахстан-Спектр», информационно-аналитический журнал *Analytic*, ежеквартальный аналитический журнал *Central Asia's Affairs* (на английском языке) и ежеквартальный научно-аналитический журнал «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), в которых освещаются проблемы внешней и внутренней политики, международных отношений, национальной безопасности, социальной и экономической политики Республики Казахстан, а также размещает материалы на собственном сайте.

Институт проводит семинары, конференции, круглые столы, международные форумы по основным направлениям своих исследований.

КИСИ сотрудничает с зарубежными научными и аналитическими структурами, осуществляет международные исследовательские проекты по различным проблемам развития Казахстана и Центральной Азии.